

Я96
19565

К966664

✓ 66

АЛЕКСАНДР
ЯШИН

Художник Н. Жуков

АЛЕКСАНДР ЯШИН

ИЗБРАННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
художественной литературы
МОСКВА • 1954

*Постановлением
Совета Министров Союза ССР
ЯШИНУ (ПОПОВУ)
АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ
за поэму
«Алена Фомина»
присуждена
СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
второй степени
за 1949 год.*

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1913 году в деревне Блудново Никольского района Вологодской области. Отца своего не помню, он погиб в первую мировую войну. Семья бедствовала, и работать в полную силу мне пришлось очень рано. Но условия деревенской жизни среди охотников, зверобоев, вблизи таежных лесов с ягодами, грибами и всякой живностью таили в себе для детского возраста столько прелестей, что ныне я склонен вспоминать из этой поры больше хорошее, чем плохое и жестокое.

По окончании трех классов сельской школы я убежал из дома от отчима, чтобы учиться. В городе Никольске попал сначала в школу детдома, затем окончил семилетку и педагогический техникум. Все эти годы я каждое лето во время каникул работал в деревне.

В нашей деревне было много сказочников и песельников. В поле, на новине, на сенокосе — нигде отдых не проходил без сказок. Сказки рассказывались в овинах, в смолокурнях, на посиделках. Брали сказочников и на сплав леса, и на охоту, и на терпентиновые промыслы. А на дальние сенокосы, куда крестьяне уезжали целыми семьями на полмесяца и больше, часто забирали с собой стариков, чтобы они перед сном рассказывали уставшим людям сказки. Невыносимо тяжелый для подростков труд скрашивался, бывало, ожиданием, что в конце дня мы соберемся у костра в охотничьей избушке, ляжем на свежее пахучее сено и дед начнет свою очередную бывальщину.

Жарко горят березовые кряжи, шумит вокруг дремучий лес, а дед все говорит и говорит, иногда перебивая повествование стихами и протяжной былинной песней...

Любовь к сказкам, былинам и песням в наших местах живет и поныне. В колхозах при выездах на дальние лесные сенокосы престарелые сказочники определяются на должность кашеваров, им начисляют трудодни.

Стихи сочинять я начал рано. Помню свою первую ученическую поэму «Про Арсению батрака», про то, как он «за осминку табака робил год у кулака».

Батрак Арсения был лицом реальным, кулак — тоже; все, о чем рассказывалось в поэме, было правдой, и крестьяне, пожилые и молодежь, нередко заставляли меня читать свою «складную бывальщинку». Им, тогда в большинстве своем неграмотным, казалось удивительным, что не только про Илью Муромца и Алешу Поповича, но и про Арсению батрака, про свое близкое, житейское могут быть сложены стихи.

Первые печатные стихи мои появились в районной газете «Никольский коммунар» и в газетах Великого Устюга — «Ленинская смена», «Советская мысль» и «Северные огни» в 1928—1929 годах. Несколько стихотворений было напечатано в московском журнале «Колхозник». В то время я принимал непосредственное участие в организации и укреплении колхозов. Это надолго определило мою основную литературную тему.

По окончании педтехникума я был сельским учителем в Чебарском районе Вологодской области. В 1932 году при Вологодском пединституте сдал экзамены на звание преподавателя литературы и русского языка неполной средней школы. В этом же году в Вологде был создан Оргкомитет Союза советских писателей, — я стал его председателем.

В областной газете «Красный север» я получил первое крещение газетчика, впоследствии очень пригодившееся.

Позднее меня перевели на работу в Архангельск, в Северное отделение Союза советских писателей. Там, в Архангельске, в 1934 году вышла моя первая книжка стихов «Песни северу».

Большим и важным событием моей биографии было участие в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей. На съезде я понял, что все, что делал до той поры, есть только начало настоящей писательской учебы. В 1935 году я переехал из Архангельска в Москву и поступил в Литературный институт имени А. М. Горького.

Первая моя московская книга стихов «Северянка» была издана Гослитиздатом в 1938 году. В 1940 году в том же издательстве вышла первая поэма «Мать» (по новому варианту «Мать и сын»).

Начало Великой Отечественной войны совпало для меня с окончанием Литературного института. В течение десяти лет я был членом ВЛКСМ. В июне 1941 года я вступил в члены Коммунистической партии. Получая партийный билет, я уже имел направление в Ленинград, в распоряжение Политуправления Краснознаменного Балтийского флота.

До февраля 1942 года я находился в частях морской пехоты Балтики западнее Ленинграда. Первое время был редактором краснофлотской газеты «Залп балтийцев» в одном из укрепленных районов. Работа началась с организации полевой типографии. Мне удалось выпустить только шесть номеров газеты, причем два из них — экстренных. Враг уже подходил к городу. Начались жестокие бои. Советские моряки сражались, не щадя своей жизни. Я свое первое боевое крещение получил 14 августа 1941 года под деревней Ямсковицы, находясь в составе батальона морской пехоты. Сколько раз потом ни приходилось бывать в разных переделках, ходить в разведку — впечатления от первого боя навсегда остались для меня самыми яркими.

В дальнейшем я был корреспондентом газеты «Боевой залп», находясь почти все время в батальонах морской пехоты и на бронепоездах. Много стихов, очерков и заметок-сообщений печатал в газетах «Красный балтийский флот», «Боевой залп», «В атаку», «Боевая балтийская», выступал перед солдатами и матросами. Писал и рассказы. Часть из них печаталась в журнале «Краснофлотец».

В тяжелой обстановке блокады бойцы-артиллеристы одного из бронепоездов захотели сами учиться писать стихи, организовали литературный кружок, и я долгое время руководил им.

В феврале 1942 года я был переведен в Ленинград и работал в составе оперативной группы писателей при Политуправлении Балтфлота, которую возглавлял Всеволод Вишневский.

Из Ленинграда меня направили на Волжскую Военную флотилию. Там, служа инструктором-пропагандистом Политотдела флотилии, я был очевидцем величавой, легендарной стойкости советских богатырей, переломивших под Сталинградом хребет врагу человечества — фашизму.

С Волжской Военной флотилии я был переведен на Черноморский флот, работал заместителем ответственного редактора краснофлотской газеты «На страже».

Считаю своим особым счастьем в жизни, что за время Великой Отечественной войны смог ближе узнать неустранных советских моряков.

Мои стихи военного периода вошли в книги «Красная горка», «На Балтике было», «Город гнева» и «Земля богатырей».

Будучи демобилизован в 1944 году, я прожил лето в своем родном колхозе «Красный пахарь». Война сюда не доходила, но вся жизнь, вся работа людей и здесь были подчинены одной всенародной цели — скорее добиться полной победы над врагом. Здесь я написал книгу стихов о родном колхозе — «Земляки» (издательство «Советский

писатель», 1946 г.) и тогда же начал работу над поэмой «Алена Фомина», которая в 1950 году была удостоена Сталинской премии.

Кроме этого, после войны я опубликовал поэмы «Сон Макара», «С Лениным», книгу стихов «Советский человек».

Я много езжу по стране. Так, в 1946 году был на Алтае в составе выездной редакции газеты «Правда», затем на Кубани, на Севере, дважды ездил с польскими крестьянскими делегациями по Украине.

Не порываю связи и со своим родным колхозом. Но в наше время для того, чтобы написать книгу о людях колхозной деревни, уже мало таких кратковременных наездов: наши герои не дают нам покоя, — они растут, как сказочные богатыри, не по дням, а по часам.

Для того чтобы закончить работу над поэмой «Алена Фомина», мне в 1948 году пришлось в течение пяти месяцев ездить по колхозам Вологодской и Архангельской областей. Материал был собран интереснейший, богатейший, казалось — хватит его надолго. Но вот в 1951 году, после укрупнения колхозов, я снова побывал на родине и почувствовал, что отстал от своей деревни, мало знаю о ней. А ведь чтобы писать, надо заглядывать и в завтрашний день.

В послевоенные годы наша страна совершила небывалые по своему размаху дела — одно удивительнее другого. Смелость и грандиозность творческих планов Коммунистической партии поражают и наполняют сердце чувством огромного восторга и гордости за нашу великую Отчизну.

В такое время поэту хочется как можно больше видеть, быть всегда вместе с народом и хоть каплю своего труда вложить в великое дело, творимое советскими людьми.

В начале 1951 года я в качестве специального корреспондента «Литературной газеты» был на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции. В том же году побывал на других стройках, и в результате этого появился цикл стихов «Советский человек».

В 1952 году я был очевидцем великого народного торжества, когда слились воды Волги и Дона, потом присутствовал на открытии Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Счастье быть советским человеком, жить и работать вместе с нашим народом!

В настоящее издание включена часть стихов и поэм разных лет. Все произведения заново пересмотрены и доработаны.

*Май 1953 года
Москва*

Александр Яшин

Советский человек

ПЕРВЫЕ СТИХИ

«Начинайте!» — приказал начальник,
Высадившись на берег с отрядом.
На костер поставлен первый чайник.
Первый груз немудрый сложен рядом.

Первая раскинута палатка,
Первая проторена тропинка.
Врезалась железная лопатка
В мякоть розоватого суглинка.

Далеко внизу осталась Волга,
Катерок под соснами качало.
Первого рабочего поселка
На горе положено начало.

Где-то отгружались пилорамы,
Шли водой бульдозеры и краны,
Тысячи машин не за горами;
Создавались чертежи и планы.

А пока — топор да рукавицы,
Сухари да рыбные консервы...
И кругом непуганые птицы.
Всходит солнце...
День творенья первый.

Ночью в недостроенном бараке
Плотник — сам себе на удивленье —
На чертежной написал бумаге
Первое свое стихотворенье,
Первое о стройке сочиненье.

Рифмы шли из будущего сами,
Парень не выдумывал:
Плотина...
Котлован...
Портальный кран...
Турбина...
Электричество над Жигулями.

Ничего пусты не было покуда,
Но вставала стройка, как живая,
Явью вдохновенной, а не чудом,
С первых дней к поэзии взывая.

1951

ПЛОТНИК

Для начала рассвело
Где-то в небе, на вершинах,
На высотах на орлиных,
В скалах ломких, как стекло,
А потом уже в долинах,
В рощах, в селах —
И пошло!

С ветерком откинув тень,
Улыбнулась солнцу Волга.
На строительстве поселка
Начался рабочий день.

Старый плотник принимал
Для бригады пополненье:
«Покажи-ка назначенье.
Что ты, братец, ростом мал?

Говоришь, прошел ученье?
Говоришь, на «пять» сдавал?

Поглядим...
Откуда вы?»
И, поднявшись с места, трое
К старику шагнули строем.
— С Дона!
— С Камы!
— Из Москвы!

«Стало быть, со всех концов.
Что ж, проверим молодцов».

«Есть еще в конторе друг, —
Досказал один с тревогой, —
Задержался по дороге...»
У ребят в глазах испуг:
Знатный плотник смотрит строго —
Не принять ведь может вдруг!..

И ребята говорят,
Что они теперь назад
Не вернутся. Есть причина:
Им сама страна вручила
На строительство наряд.

Бригадир отвел глаза,
Чтобы не расхохотаться:
«Значит вас, ребята-братцы,
Не принять уже нельзя?!

Да и то — в далекий путь,
На такие новостройки,
К нам не шлют кого-нибудь!
Видно, вы из самых стойких.

Я такими дорожу,
Ничего, что с виду — дети...
Ну, пойдемте, покажу
Ваше место на планете».

И гурьбой они пошли
По тропинке вдоль опушки.

Груды вынутой земли,
Бревна, балки,
Доски, стружки,
Стрелы кранов вдалеке;
Жигули в цветном просторе,
Пароходы на реке,
Там, где скоро будет мэре,

Берегов крутой отвес...
И — как чудо из чудес, —
В лязге, в выхлопах моторов,
Там, где скоро будет город,
Лес шумит,
Сосновый лес.

На холме у круглых пил
Захотелось задержаться.
«Каково, ребята-братьцы?» —
Новичков старик спросил.

И, как будто распахнул
В голубое небо двери,
Показал им на сосну,
Глазом всю зараз обмерил
В вышину и в ширину.

Свежих запахов полна,
Птиц звенящих, солнца, ветра,
Может на полкилометра
В небо вскинулась она.
«Это что стоит?»
«Сосна».

«Верно! В нашем деле — мать.
Если ты с душой, художник
И умелец, так сказать,
Из сосны все сделать можно.
Это надо понимать!

Тридцать лет я с ней дружу,
Не могу налюбоваться.
Вот о чём, ребята-братьцы,
Для начала вам скажу.

Для неграмотных сосна
Только дерево, картина,
А для нас гранит и глина,
Гипс и мрамор — все она».

У седого в бороде
Снова хитрая усмешка:
«Ну, начнем, не будем мешкать,
Топоры-то ваши где?

Значит, нету топоров,
Растеряли по дороге?..»
Новички опять в тревоге:
Ведь не примет, будь здоров!

«Или, может, вы рубить
Электричеством хотите?
Как же с вами, братцы, быть?
А учились, говорите!

Видно, что не у меня.
Ну, теперь глядите в оба!
Будет вам сначала проба.
От сегодняшнего дня
Начинается учеба».

1951

УЧЕТЧИЦА НА ЛЬДУ

Кажется, что трескаются горы,
До того погода холодна.
Из кабин не выходя, шоферы
Сыплют камень в проруби.
Одна
Девушка ведет промерку дна.

Ей кричит чернявый:
«Героиня!
Подними повыше воротник
Да смахни с лица колючий иней!» —
«Героиней» окрестил шутник.

Никуда не деться от поземки,
Ветер все живое леденит,
Наступают хмурые потемки —
Девушка с тетрадкою стоит.

Валенки, платок и полушубок,
Даже брови снег запорошил.
Пальцы пишут, но застыли губы:
Думать можно,
Говорить нет сил.

С грохотом подходят самосвалы.
Как не рухнет под такими лед?!
Только ведь водители — бывалый,
Смелый и выносливый народ.

Сколько есть таких на гидрострое —
Знатных, знаменитых, боевых!
Вот они действительно герои,
Счастье просто посмотреть на них.

Все они со стажем и уменьем.
А она пришла почти ни с чем...
С удивленьем,
С гордостью,
С почтеньем
Девушка относится ко всем.

Журналист подъехал на машине
И, на льду увидев самосвал,
Посидел с водителем в кабине,
Имена в тетрадку записал.

Отгородим перемычкой воду,
Да умолкнут взрывы на горах —
И расскажет он всему народу
О подрывниках, о мастерах...

Холодно. Невмоготу моторам.
А на льду мороз вдвойне остер.
Реже стали прибывать шоферы,
Разложили плотники костер,

Все геологи пошли погреться...
Ну а ей-то можно иль нельзя?..

Завистью не тронутое сердце,
Ясные и чистые глаза!..

1951

ПОЛЯ БАТРАКОВА

Поля Батракова полюбила
И была со всеми так мила,
Что, казалось, если бы могла,
Всех своим бы счастьем наделила,
Всю бы землю сразу обняла.

Возвратившись с промысла в избушку,
Прочищает лесовик ружье,
А гидролог разберет вертушку,
Смажет снаряжение свое,

Полевые дневники разложит,
Цифровые обведет ряды,
Пересмотрит, сверит, подытожит
За день бухгалтерию воды.

Перетерла Поля все вертушки,
В печку дров с морозу принесла,
Вскипятила чайник и по кружке,
Как вина, подружкам налила.

Две газеты вслух перечитала,
Петь уговорила...
Что еще?
Что еще придумать, чтобы стало
Всем, как ей сегодня, хорошо?

Кажется: зима пошла на лето,
И у всех, живущих в Марквашах,

День и ночь,
С рассвета до рассвета,
Соловьи должны греметь в ушах.

Кажется: на Волгу только выйдешь —
И сверкнет плотина под луной;
Новые созвездия увидишь,
Новый город-порт над крутизной...

А начальник партии сидит
И не видит, верно, и не знает,
Что уже и море подступает,
Бьет волной в береговой гранит.

Поля села рядом, замирая.
«Петр Петрович, что я вам скажу...
По секрету, Петр Петрович...»
«Знаю!»
«Петр Петрович, замуж выхожу».

«Знаю все. Недалеко до свадьбы?»
«Да, теперь уже недалеко.
Только маме телеграмму дать бы,
А решиться как-то не легко.

Напишите папе с мамой,
Что вы Юру знаете,
Очень уважаете
И что против этой свадьбы
Вы не возражаете.
Ведь не возражаете?

Мы теперь от всей души
И на веки вечные
Полюбили Маркваси,
Стужи, ветры встречные,
Дали бесконечные,
Воды быстротечные
Да беседы у печурки
Светлые, сердечные».

Над горою Лысою восход,
В избах начинается побудка,
И гидрологическая будка
На санях опять идет на лед.

И хотя у Поли выходной —
Начала со всеми собираться:
Просто ни минуты ни одной
Не могла без дела оставаться.

Видит все как будто в первый раз —
Берег, небо, вышки, краны, трубы...
Все счастливо радовало глаз.
Задубели пальцы, стыли губы,
Вот прихватит щеки...

А она
Только больше пела да шутила.
Нет, поземка ей в лицо не била,
И мороза не было — весна!..

Поля Батракова полюбила.

1951

РОМАНТИК

Юноша, окончив ФЗО,
Получил на Волгу направленье.
Провожала вся семья его,
Девушки смотрели со значеньем.

Говорили сверстники:
«Везет,
И везет же человеку в жизни!
Чуть из школьных вырвался ворот
И уже — на стройку коммунизма!..»

Берег в грузах да сосняк густой.
Только начинается работа...
Ехал каменщик на гидрострой
И на мир смотрел, как с самолета,

Замышлял прорабом сразу стать...
Дали парню самое простое:
Глину рыть да кирпичи таскать, —
Как везде, жилье сначала строить.

Комары, камыш береговой...
Первый тракт в лесах едва проторен.
А хотелось написать домой
О дворцах,
о чудесах,
о море.

Будет все,
Но нет терпенья ждать.
И в обед, устроившись под елкой,
Начинает паренек писать
О звенящих проводах над Волгой.

...Не смолкают взрывы в Жигулях,
Раскаленная вода клокочет,
Ночи нет,
Дрожит вокруг земля...
Он иначе и писать не хочет.

Сам поверил, срокам вопреки,
Что уже кладут бетон в быки,
Под ногами море заблистало,
И вода соленой будто стала...

Так, бывало, хлопец в дни войны
Видит героические сны
И, еще не испытав боев,
Как бывалый воин сообщает,
Что все дни в походах,
Жив-здоров
И, как должно, всем того желает.

1951

ПИСЬМО РОДИТЕЛЕЙ

Из-под Молотова на Волгу
Поступило письмо парторгу.

«Дорогой товарищ Суфтин!
Извините за беспокойство.
К вам с докукою старииковской
О сынке — он у нас один.

На участке взрывных работ
Под опекой партийной вашей
Николай Колонков живет, —
Мы его папаша с мамашей.

Нас тревожит судьба его.
В Коле наша жизнь и дыханье,
Свет и радость,
На одного
Все надежды и упованье.

Кончив школу прошлой весной,
Попросил он, чтоб к вам послали.
Мы ему перечить не стали,
Поезжай, мол, сыночек, строй!

Посмотри на больших людей
И себя покажи, как должно.
А самим-то было тревожно;
Не бывал ведь еще нигде.

И теперь вот письмо пришло.
Пишет Коля на три странички,
Что и трудно, и тяжело,
Да и холодно с непривычки,

Что театра нет под рукой,
Только камни да берег белый...
Алексей Фомич! Дорогой!..
За день вся душа изболела.

Не подумайте — сын у нас
Не плохой и не глупый малый,
Только из дому в первый раз
И, наверно, тоскливо стало.

Бьем, товарищ, поклон земной
И хотим на вас положиться;
Как бы Коле не осрамиться,
Как бы он не ушел — дурной!

По душам потолкуйте с ним:
Разве легкой жизни искал он?!
Завсегда тяжело начало...
Будьте Коле отцом родным.

Мы в былые-то времена
О театрах не помышляли.
Ныне, видишь, какие стали:
Дай им сразу все да сполна...

Да скажите: весной к нему
Сами выберемся...
С приветом!»

Улыбнулся парторг письму
И направил в ответ газету.

А в газете Колин портрет
И статьи о героях стройки.

Папу с мамой на склоне лет
Не подводит сынок никаких:
Волноваться причины нет.

А что было — давно прошло,
И о том вспоминать грешно.

1951

ВЗРЫВ

Проходчики встали рано.
Над Волгой темным-темно,
Созвездье большого крана
Еще смотрело в окно.

Лиши где-то, очень далеко,
За линией хвойных круч
Затеплился свет
Намеком
На первый солнечный луч,

Да резче вершины чащи
Отметили высоту,
Да голосистей и чаще
Запели гудки в порту.

Недавним бойцам не в диво
Гранит пробивать насквозь.
Такие ль на фронте взрывы
Устраивать довелось,
В таких ли горах!

Однако
Уже не первую ночь,
Как будто перед атакой,
Ребятам заснуть невмочь.

И все-таки не гадали,
Что все последние дни,

Как праздника, взрыва ждали
Не только они одни

И что впереди саперов
К подножью издалека
Примчатся кинорепортеры
На крытых грузовиках.

Из ближних селений деды
Стояли толпой вдали,
Как на салют Победы,
Они посмотреть пришли.

И вот над леском сосновым
Луч солнечный засиял,
Вот подал старшой —
Не словом,
А взмахом руки сигнал,

И, как при землетрясенье,
Пошла оседать гора...
Не выдержав напряженья,
Вскочили друзья:
«Ура!»

«Ура!» — закричали рядом
Шоферы, подрывники,
Как будто под Сталинградом,
Когда бросались в штыки.

«Ура!» — подхватил с восторгом,
Как песню, начальник сам.
«Ура!» — пронеслось над Волгой,
За Волгой
И по лесам.

И, верилось, до столицы
Раскаты басов дошли,
До самой дальней границы,
До всех уголков земли.

В тревожную даль эфира
Врываюсь живой волной,
Салюты труда и мира
Гремят над нашей страной.

1951

ЛОЦМАН

Еще не скоро ледоход,
Хотя синеет лед,
Еще не скоро проплынет
С верховьев первый плот.

И далеко до той поры,
Когда взвурлят яры
И станут поднимать пары
В затоне у горы.

Еще не мало ждать, пока
В бетонные бока
Упрется матушка-река,
Как море, широка.

Ждать речникам невмоготу:
По суткам — на посту,
На пароходах и в порту
Наводят чистоту.

И лоцман пополненья вод
Нетерпеливо ждет:
«Ведь это значит — поворот
Всей жизни настает.

Мы любим Волгу с давних пор
И даль лугов и гор,
Но все-таки морской простор —
Особый разговор!

Размах не тот, что у реки...
И вот мы, речники,
Выходим сразу в моряки.
Нам все теперь с руки».

Поутру он, еще темно, —
Уж на ногах давно,
Спешит с прорабом заодно
На будущее дно.

Не вылезая из бахил,
Весною лоцман жил:
Все дно не просто изучил —
Излазил, исходил.

Весной поднимется вода
Отиныне навсегда.
Со всех пяти морей сюда
Начнут ходить суда.

И пусть не станет солона
Морская глубина,
Но трехметровая волна
И здесь шуметь должна.

1951

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Жинке было невдомек,
Что такое вдруг случилось:
Очень смирный муженек,
А, скажите вот на милость,
Размахнулся — спасу нет:
И статьи о нем в газете,
И плакаты, и портрет,
И кино,
И все на свете.

Каменщик — и вдруг Героем
Стали звать на Днепрострое.

Не гадала, не ждала, —
Удивительны дела!

Выдвигают в бригады,
Выбирают в горсовет...
Только вот своей квартиры,
Настоящей, нет как нет.

И жена исподтишка
Допекала муженька:

«Всем построил — нам не смог.
Иль плохой работник?
Иль сапожник без сапог,
Без квартиры плотник,

Как бывало в старину?
Слушать даже странно...»

Кто откажет Бурмину?
Ждал он комнату одну,
Дали три, да с ванной.
В окнах свет со всех сторон,
Солнце не уходит.
Есть и садик, и балкон,
Все — лицом к природе.
А с балкона, как с горы,
Взгляд в просторах тонет,
Степь, плотина и яры —
Все, как на ладони.

Переехали.
Жене
Все понравилось вполне.
Только мужу дом не в дом...
Сердце жинки чует:
О строительстве другом
Каменщик тоскует.

Он не долго тосковал —
На Амур путевку взял.
Ну, жена, конечно, — в бой:
То ворчит весь день, то плачет,
Говорит, что, не иначе,
Ты смеешься надо мной.
Но в дорогу собралась:
Муж смирен,
А все же власть.
Власть — молчит себе да курит,
Не желает в спор вступать...

В Комсомольске-на-Амуре
Повторилось все опять.

Снова каменщик гремел.
Слава, слава бригадиру!
Здесь он в новую квартиру
И въезжать не захотел.

Укатил Бурмин с женой
На объект на номерной.

А потом другой объект...
Строила Страна Советов:
Было ль где-нибудь на свете
Сразу столько строек?
Нет!

Видно, эта смена мест
Бурмину пришлась по нраву:
Кончит стройку — и в отъезд;
Хочет видеть всю державу...

И не вспомнятся теперь
Дни семейного скандала,
Как жена, захлопнув дверь,
На строителя кричала:

«Не желаю кочевать!
Разве я семье квартиру
Не могу сама достать?
Будешь кладке обучать...»

Не легко теперь понять,
Как пришли супруги к миру.

Много лет прошло с тех пор.
Бригадир на первый случай
Показал своей подручной,
Как замешивать раствор,
Как его на кельму брать,
Как стоять, — чтоб тоже знала.

Месяц, два, — и жинка стала
Мастерство перенимать.

На четвертом этаже
Принялась сама за дело,
Увлекаясь, песни пела.
Муженьку во всем уже
Подражать хотела.

И характер, видно, тоже
Вдруг на мужнин стал похожим.

Каменщика Бурмина
Ныне знает вся страна.
Да не меньше и жену
За работу прославляют:
Широко на Волге знают
Каменщика Бурмину.

На высотах расписных,
Где, как мачты, бор сосновый,
Две бригады Бурминых
Воздвигают город новый.
Скоро будут заселять
Корпус «Д»;
Вокруг газоны
И скамейки для влюбленных,
Клумбы — парковым подстать,
Даже свет — и тот зеленый.

«Ну, осядем, что ли, здесь? —
Как-то муж спросил. — Желаешь?»
«Да, не плохо бы осесть...»
«В чем же дело? Ты решаешь!

Нам, того гляди, дадут
Нынче две квартиры сразу
Да на выбор, по заказу —
Оба все же на виду...»

И, лукава, озорна,
Засмеялась Бурмина:
«Искушаешь бригадира?
Мне квартира не нужна.
Есть уже,
И не одна:
Что ни город — то квартира.
В каждой кто-нибудь живет,
Но, чужие ли, свои ли,
Лишь бы только с пользой жили, —
Всё советский, наш народ.

Ну а мы достроим здесь
И уйдем.
Страна большая,
Планов столько, что не счесть...»
«Вон ты, женушка, какая
У меня!»
«Какая есть».

1951

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

С пристани на берег утром рано,
Озираясь, вышел паренек.
На фанерной крышке чемодана
Маленький побрякивал замок.

Голуби летают в Сталинграде,
Ласточки под крышей гнезда выют.
Снова город в праздничном наряде,
И гудки над Волгою поют.

Снова есть и улицы, и парки,
И прозрачны воздух и вода,
И, наверно, так легко и ярко
Не светило солнце никогда.

Из подвалов в новые квартиры
Люди навсегда перебрались,
И шагает улицею Мира
Из развалин поднятая жизнь.

Осмотревшись, парень за ограду,
В сад вошел и стал читать подряд,
Словно книгу жизни Сталинграда,
На граните имена солдат.

Где-то здесь, в один из этих списков,
Брат его навечно занесен,
Под высоким серым обелиском
С воинским салютом погребен.

Где-то здесь... И, раздвигая ветви,
Парень слезы смахивал с лица...
Так приходит совершеннолетье
И мужают юные сердца.

По проспектам города-героя
Он в раздумье целый день ходил,
А потом в конторе гидростроя
Справки из колхоза предъявил,
Попросил работу дать.

Отныне
И навеки в мире для него
Этой волжской славы и твердыни
Не было роднее ничего.

1951

НА ПЕРЕДОВОЙ

Приехал на гидроузел
К строителям
в первый раз
Народный артист Союза,
Прославленный русский бас.

Встречали его всем миром,
Нивесть где цветов нашли
И первым делом квартиру
Спокойную отвели,

Чтоб шум никакой снаружи
До гостя не долетал:
Покой для артиста нужен,
Наверно, в пути устал.

И удивлялись немало
Тому, что, сдав чемодан,
Немедленно пожелал он
На стройку, на котлован.

Из туч начинало крапать,
А он зашагал к реке:
В руке широкая шляпа,
Пальто на другой руке.

Спешит к бетонным заводам,
К машинам-богатырям,
К змеящимся пульповодам, —
Все хочет увидеть сам.

Казалось, что по ухабам
Не ноги его несут.
Он мог сойти за прораба,
Вся жизнь которого — тут.

Пути утвердив прямые,
Как в годы большой войны,
Идет на передовые
Искусство нашей страны.

Когда, заслоняясь от ветра,
Взошел на плотину гость
И сердце по трассе светлой
В открытую степь рвалось, —

Над стройкой, над шумным фронтом,
Сверкая, дымясь, пыля,
Раздвинулись горизонты
И песней стала земля.

Лишь перед самым закатом
На сером донском лугу
Сказал певец провожатым:
«Сейчас выступать могу!»

Уже заждались артиста
Водители, мастера,
Бетонщики, скреперисты,
Уже начинать пора.

И вот, как гром в поднебесье,
Взвилась, покоряя сердца,
Родная русская песня
Без края и без конца.

Вставали перед глазами
Разливы новых морей,
Обсаженные лесами
Поля в цветущей поре...

Один ли наш гидроузел
Раздольной песне внимал!
Для мощного баса узок
Дощатого клуба зал.

На стройках Москвы, на Урале,
За Волгой и в Крыму,
В горах, в лесах подпевали
Строители ему.

Раскатистый, многокрылый,
Широк, как девятый вал,
Он множил людские силы
И к новым свершеньям звал.

1951

ПОЗДРАВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДЦАМ

Еще у раздольев Волги,
На светлом ее берегу,
Окопы, воронки, осколки
Встречаем на каждом шагу.

Еще не закрылись раны
Недавних боев...
Но вот
Машины пришли великаны
И время рванули вперед.

У маленького поселка,
К причалам грузы неся,
Опять запенилась Волга,
И новый поход начался.

Не меркнет свет Сталинграда,
Бессмертны его сыны!
Великая гордость и радость
Сегодня у всей страны.

Друзья мои
по землянке,
По кубрику на корабле,
Сжигавшие вражьи танки
На этой святой земле,

Для вас, стоявших здесь насмерть,
Где б ни были вы сейчас,
Особое выпало счастье,
Особый праздник у вас.

Раскинется величаво
В Поволжье огней каскад,
И подвигов наших слава
Умножится во сто крат.

Все планы в жизнь воплотятся.
Мир видит, чего хотим:
За что дрались сталинградцы —
На том и теперь стоим!

1950

СТЕПНОЕ МОРЕ

Вода из Дона вышла на подъем
По мощным трубам,
И в степном просторе
За дамбою образовалось море,
Запело, заходило ходуном.

Уже волну нельзя сравнить с донской,
Она гудит, под ветром нарастая,
И хоть вода попрежнему — донская,
Но вид и норов у нее морской.

Как небо голубое, широка,
Игрой ее нельзя налюбоваться.
Окраина степного хуторка
Отныне стала набережной зваться.

Взглянув на море, инженер затих,
Завороженный красотой природы:
В сухую степь продвинув эти воды,
Он сам дивится делу рук своих.

1952

ШЛЮЗ ОТКРЫТ

Уже заканчивалась работа,
Над башней победно зажглась звезда,
Уже в заградительные ворота
Стучала мутной волной вода.

В железобетонной камере шлюза
Уже зачистили дно с утра,
Остатки всякого лома и груза
Кран торопливо нес на-гора.

Не раз у створа в верхнем канале
На глубину ходил водолаз.
А мы почти дышать перестали,
С командного пункта не сводим глаз.

И вот над мостиком,
Над парапетом,
Как светлая музыка разнеслась,
Как песня мира:
«Открыть клинкеты!»
И полилась вода, полилась,

Пошла, голубушка, закипела!
В решетке гасителя бился вал,
Разгоряченный
И белый-белый,
И загудел весь шлюз, как Дарьял.

Казалось, к ногам строителей шлюза
Потоком пенистым с высоты
Летели из всех уголков Союза
Цветы Первомая,
Любви цветы.

А той порой из-за поворота,
От Дона,
Где так же росла вода,
Уже подтянулись к входным воротам
И в очередь выстроились суда.

1952

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Для трудящихся всей планеты
Вы навеки стали родным.
В клубе, в доме любом храним
Ваши снимки,
Ваши портреты.

Мы вас видим в кругу друзей:
На скамейке с Лениным в Горках;
С вами Киров...
Калинин...
Горький...
Вот вы въходите на мавзолей,

Вот вы с девочкой на руках,
Здесь вы трубку свою закурили.
Огонек — и тот на века
Фотографии сохранили.

Видим вас на полях весны —
Вы стоите в лучах рассвета;
И в Кремле, в тиши кабинета
У победной карты войны.

Здесь над планом новых работ
Миллионы склонились с вами.
Заастают степи садами,
Море новое в дамбу бьет.

На плотине, на полосе,
На линкоре иль на заводе

Вы всегда с народом,
В народе,
Неизменно родной для всех.

Строгий друг, учитель, отец,
Гордость нашей большой державы,
Вы людского счастья творец.
Свет немеркнущий нашей славы.

1950

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог, —
Тогда прямой, с пушистой желтизною,
Откуда ни возьмись, степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все твое предельно стало мило —
Брусника в чащах,

Рек голубизна, —
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что все перед глазами.
Не прогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

ПРИЗЫ

На рассвете у правленья —
Вся деревня,
Все селенье.

По деревне мчатся кони,
Словно в гонках на призы,
Заливаются гармони:
Парни едут на призыв.

Ребятишки лезут выше —
На черемухи, на крыши,
И завистливо глядят
На товарищей солдат.

Обсуждают ребятишки,
У кого ботинки чище,
У кого новей наряд.
У кого отважней брат...

К дому тройки подлетают
В кольцах, в пряжках,
В бубенцах.
Председатель их встречает
У тесового крыльца,
Водит пальцем по усам,
Все осматривает сам.

Посмотрел на пристяжную —
Чмокнул:
В теле и — бела.

Посмотрел на коренную:
Что-то сбруя не светла.
«Бригадир, смени-ка сбрую
Да почисти удила!
Почему дуга не в лентах?
Где ромашки?
Где кумач?
Для текущего момента
Надо б в радугу запрячь».

У крыльца стоит рысак,
Бьет копытом так и сяк.
Парень чистит щеткой брюки,
Кепи чистит и пиджак.

Мать наказывает сыну:
«Как в наборную войдешь,
Не сгибай, сыночек, спину,
Пусть не хают молодежь.
Волю дай плечам упрямым —
Встань широкий на весы».
«Я и так не узок, мама!» —
Говорит старушке сын.
«Да гляди, что ясный сокол,
Выше голову держи...»
«У меня и так высоко!»
«А пойдешь служить —
Служи,
Чтобы всей округе слава,
И семье и роду честь,
Чтобы мне пришлась по нраву
О твоей отваге весть».

Сын спускается с крылечка
И садится в тарантас.
Конь буланый рвется в пляс.
Мать распутала уздечку:
«Ну, сынок,
В счастливый час!»

РУССКИЕ МЫ!

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Черные лаковые бока
Снова заметны издалека.
Я покрываю его попоной
Темнозеленой,
Из веток сплетенной,
И оставляю в лесу, в стороне —
Я не ропщу на дождь на войне.

Полем ползем,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп.
Из-под соломы забили ключи,
Грязь проступила...
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне —
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,
Только б врагам не давал пощады,
Пусть они ждут, как смерти, зимы.
Сами все вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга из Сталинграда
О голубых вечерах в степи.

Мне и небес голубых не надо,
Мы говорим друг другу: «Терпи!»

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только бы враг наш околевал!

Топи да будут непроходимы,
Небо нелетным, черным от дыма,
В полночь пустым,
Беззвездным, безлунным,
В полдень знобящим, низким, чугунным

Пусть оно будет тогда голубым,
Когда победим.

1941

КРАСНАЯ ГОРКА

Красная Горка. Круча лесная.
Красный огонь по стволам.
С катера глянешь — сосны без края,
С воздуха — та же глушь расписная:
Здесь бы парить орлам!

Хвойные тени. Зеленая грива.
Серый овал валуна.
Глянешь с залива — очень красиво,
Небо на диво,
Воздух на диво,
И тишина, тишина.

Но наступать враги начинают —
И поднимается гром:
Камни взлетают,
Сосны стреляют,
Дышит земля огнем.

Люди укрылись в бетоне и в стали.
Много врагов сметено:
С воздуха лезли —
На землю упали,
С моря —
Пошли на дно.

Красная Горка. Мерзлые комья,
Светлый излом берегов.
Каждая тропка Сталина помнит,
Твердость его шагов.

Помнят и голос и взгляд его зоркий...
Все мы — до одного —
Любим его
И верим в него:
Красное знамя
Над Красною Горкой
Взвито рукою его.

1941

ВАЛЛАДА О ТАНКЕ

Советский танк попал в болото —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Строча из сотни автоматов,
Солдаты, как из-под земли,
Осматриваясь воровато,
К нему со всех сторон ползли.

Танк был из пушки, пулемета,
Сжигая травы на корню.
Но вот мотор заглох...
Пехота
Насела с гиком на броню.

Он, словно мамонт — в иле, в саже, —
Затихнув, бивень опустил.
Не выпуская экипажа,
Его решили в штаб вести.

Фашистский танк подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Приземистый и тупорылый,
Он заревел, что было силы,
Налег на цепь и поволок.

Вода и грязь текли с металла.
Осенний день совсем погас...
Но не бывало,
Не бывало,
Чтоб на цепи водили нас!

Едва из топкого болота
Наш танк был поднят на увал,
Как вдруг шарахнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Взгревев утробою железной,
Рванулся танк.
Сама земля
К нему под гусеницы лезла:
Вперед, к своим — он в ров безлесный
Пошел, по травам гром стеля.

Пошел лугами к дальним хатам,
Подмяв пенек, подрезав ствол, —
Он сам уже врага повел! —
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он пошел.

Казалось, ветер в поле стих,
Казалось, сосны молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

1941

НОВИЧКИ

Что впереди — за насыпью? за скатом?
Бойцы остановились на опушке.
Быть может, их окликнут автоматы,
Гранаты рявкнут: стой!
Иль даже пушки?..

Кусты и кочки в сумерках двоятся.
Боятся парни.
Парни с толку сбиты.
Они еще покуда землепашцы,
Недавно из села — не следопыты.

Осталась только узкая дорога,
Песчаный склон да перешеек пашни...
Врагов, быть может, в зарослях немного,
Но их не видно,
И ребятам страшно.

Врастают в землю и дубеют ноги.
Тогда бойцы шинели подбирают,
На животы ложатся, и дорогу,
Почти зажмурившись, переползают.

Хоть непривычно ремесло солдата,
Но отступать без толку неохота:
Они — трудолюбивые ребята,
Должна быть в срок закончена работа!

Им только обнаружить супостата —
И страхи минут,
Оживут ребята.

1944

ОБСТРЕЛ

Снаряд упал на берегу Невы,
Швырнув осколки и волну взрывную
В чугунную резьбу,
На мостовую.
С подъезда ошарашенные львы
По улице метнулись врассыпную.

Другой снаряд ударил в особняк —
Атланты грохнулись у тротуара:
Над грудой пламя вздыбилось, как флаг,
Труба печная подняла кулак,
Грозя врагам неотвратимой карой.

Еще один — в сугробы, на бульвар,
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Над темной башней занялся пожар.
Опять пожар!
И снова вой снаряда.

Куда влетит очередной, крутясь?..
Враги из дальнобойных бьют орудий.
Смятенья в нашем городе не будет:
Шарахаются бронзовые люди,
Живой проходит, не оборотясь.

1942
Ленинград

ПОЛЕ

«О поле, поле!..»
Пушкин

Где конец его и где начало —
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки;

С грязною соломою окопы,
Скорлупа яиц, как черепа,
Проволокой спутанные тропы,
И на ней, как трупы, — три снопа...

Полюшко родное! Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку.
— Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941

ТОВАРИЩУ ПО ОКОПУ

Теперь бы нам поля дожинать,
Зерно по лоткам ссыпать в закрома,
На свадьбах гулять,
Ягнят свежевать,
До холодов утеплять дома!..

И здесь чуфыкают косачи.
Теперь бы нам ходить на тока,
Под вечер огонь развести в печи
И молча греться у огонька.

Но мины, мины свистят вокруг,
Война занесла над нами кулак.
Так пусть же погибнет заклятый враг!
Лежи, мой друг, не робей, мой друг,
Не отступай, мой друг, ни на шаг.

В Москве не достроены корпуса;
Мы, школ не окончив, пошли в поход
За эти березовые леса,
За нашу свободу,
За свой народ.

Фашисты любят брать на испуг —
Стреляют не целясь, ползут в дыму...
Сдержись, мой друг,
Подпусти их, друг,
И молча укладывай по одному.

А доведется -- на штык бери,
Пусть видят, от чьих умирают рук!

Ах, до чего разошлись глухари!..
Вон враг опять...
Приготовься, друг!

1941

А Т А К А

В густой траве, за буераком
Лежал он молча и курил,
Когда пронесся крик:
«В атаку!»
И пулемет заговорил,

И сразу рожь вокруг и ели,
Кусты и желтые пески
Зашевелились, загремели,
И кровь ударила в виски.

Да, он в боях держался смело,
Но каждый раз, как в первый раз,
В нем все сжималось, холодело,
Лишь наступал сраженья час.

По травам, вверх от переправы
Неслась в огонь морская часть.
И, прыгая через канавы,
Он думал только:
«Не упасть!»

Все проплывало, как в тумане,
Порой рвалась сознанья нить.
Узнав фашиста на кургане,
Он думал об одном:
«Убить!»

И, раньше всех прорвавшись к цели,
Два диска в схватке разрядив,

Он в теплый мох у старой ели
Упал и вслух промолвил:
«Жив!»

Во рту горчило,
Было жарко...
Он вспомнил, что курил в логу,
И злобно выплюнул цыгарку,
Изжеванную на бегу.

1943

ТЕТЕРЕВА

Рассказ стрелка

Однажды грохот орудийный стих,
И вот в прозрачной с изморозью дали,
За озером, в березняках густых
Тетерева, как встарь, затоковали.

Немудрые гортанные лады,
Но было в них и осени дыханье,
И трубный зов, и бульканье воды,
И голубей домашних воркованье.

Во мне охотник устоять не мог:
Весь в пулеметных лентах и гранатах,
Из блиндажа я ринулся на ток,
Но не с ружьем пошел, а с автоматом.

Прыжками
От осины до сосны,
По желтым мхам, по листопадной прели
С юдветренной, с восточной стороны
Я подходил к живой, зовущей цели.

Казалось, только обогну кусты —
И над поляной средь верхушек рыжих
Развернутые черные хвосты
Тетеревов токующих увижу.

Но чем слышнее становился ток,
Чем до него короче расстоянье,

Тем явственней я слышал холодок
В однообразном птичьем бормотанье.

Какие-то фальшивые тона,
Не птичья, металлическая резкость.
Условные сигналы?..
Вся окрестность
Как в заговор какой вовлечена.

Ползу вперед.
И вот у цели я.
Не автомат — весь лес, казалось, грянул,
И с елки, снаряжением звена,
Фашистский снайпер рухнул на поляну.

1941

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная.
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.

Черная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная.

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристает.
Полюбил тебя народ.
За одну шинель матроса
В гости девушка зовёт.

В чистом поле и постель,
И шатер — моя шинель.

Если надо, в жгут свернется,
На ночевке вытянется,
Ветер грянет,
Дождь польется —
Ты моя спасительница.

Мало дюжину штиблет
Изорвешь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?

Может быть, и в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счесть, —
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

1941

УЛЬЯНОВСК

В этом городе вырос Ленин,
В доме, тесом обшитом, жил,
В первый раз через эти сени
В неустроенный мир вступил.

Все далекое воскрешая,
Голубой отражая свод,
Всем родная и дорогая
Волга-матушка здесь течет.

Деревянные сходы узки,
Палисадники широки...
Все по-волжски
И все по-русски
До последней резной доски.

В доме этом учился Ленин, —
Против окон зеленый сад, —
Износившиеся ступени
След его башмаков хранят.

Здесь, наверно, гулял он с другом,
Стопку книг затянув ремнем.
Каждый камень и каждый угол
Рассказать могли бы о нем.

В осень памятную, из тумана,
Озарен огнем баррикад,
Над веками встал великаном
Брат Ульяновска — Сталинград.

Молодых моряков отряды,
Породнившись с его судьбой,
Уходили вниз к Сталинграду, —
Ленин их провожал на бой.

Сыновья великой Отчизны,
Мы: во всем Ильичу верны.
Вечным светом ленинской жизни
У людей сердца зажжены.

1943

БАТАЛЬОН

В землю зарывшись, стоит батальон,
С трех сторон окружен.
Даже дубы огнем сметены...
Чем эти люди сильны?..

Кажется, их уже нет в живых.
Все разнося в куски,
Кинутся немцы с холмов крутых
К ним,
А они — в штыки,

Заново враг начинает бомбить,
Танки спустились в лог,
Но не ослабить он,
Не сломить
Нашей пехоты не мог.

Ночь подошла.
Огляделись бойцы:
Лента земли узка,
Метров по триста во все концы,
А за спиной — река.

Не снарядить ли за Волгу плот?.. —
Что им рассвет принесет?
Утром их и ковер-самолет,
Верно, уже не спасет.

И смельчаки отдыхать не легли,
Утра не стали ждать,
Мелкими группами поползли —
По три бойца, по пять.

Но поползли вперед, не назад:
Пусть и враги не спят!
По три диска на автомат,
По десяти гранат.

В полночь вышел боезапас.
Снова в штыки: «Ура!»
Да подоспели к утру как раз
Волжские катера,

Да в облаках запели «У-2»,
С неба летит термит.
Ожили люди:
К чему слова?
Значит, стоит за ними Москва,
Москва за ними следит.

Вскинули головы, и по траве,
Сбросив врага с высот,
С песней победы
Навстречу Москве
Ринулись вперед.

*1942
Сталинград*

ТРИСТА МОРЯКОВ

Отряд краснофлотцев в триста штыков
По гарнизонной тревоге
За город вышел
Держать врагов
На серой степной дороге,

На выжженных скатах к реке родной,
На пыльных волжских высотах,
Куда прорвалась порою ночной
Фашистская мотопехота;

Стоять до подхода наших полков,
Пока есть дыханье и сила.
Сам Сталин о том просил моряков,
Их Родина благословила.

Сошли с кораблей, лишь день на восход,
И сшиблись с врагом на марше.
Уперся немец — ни взад ни вперед,
Ни взад ни вперед — и наши.

В отряде матросы со всех морей,
Они под огнем бывали.
Атаки советских богатырей
И ночью не затихали.

А той порой, в поту и в пыли,
Из чаш и трущоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вел полки
От Ахтубы к переправе.
Гороховцы шли — на весу штыки —
К победной, гвардейской славе.

И город все ощутимей крепчал,
Упорство его нарастало,
Тогда уже он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

Отряд краснофлотцев в триста штыков
Не дрогнул в боях ни разу,
И скоро прославленных моряков
Вернули на флотскую базу.

Орлов запыленных встречал адмирал.
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он все уже знал,
И все-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

1942

ВО ФРОНТОВОМ ГОРОДЕ

Пылали всю ночь крутые яры.
Дышали мы пеплом, летящим мимо.
Пожары ползли к кораблям с горы...
Но мне было жарко не от жары:
Не разыскал я своей любимой.

Перебегая из щели в щель,
Я долго метался в районе вокзала,
Где до войны она проживала.
От пыли моя морская шинель
Из черной — армейскою, серой стала.

Что будет с любимою?
Даже броня
Горит, как тесина, дороги тлеют...
Тогда показалось:
Ничто от огня —
Ни небо, ни воздух не уцелеют.

Но утром, когда рассеялась тьма,
Увидели мы в простиупившей дали,
Что трубы и башни, не дрогнув, стояли,
Что новые наши сады и дома,
Казалось, к себе прикоснуться не дали

И все, чем гордился родной народ,
Чем славилась Волга в последние годы —
Рабочие улицы, клубы, заводы —
Живет, несмотря ни на что, живет!

Мальчишки сновали по мостовым;
Припомнились школьные перемены...
И мы поклялись, что здесь устоим,
Хотя б довелось против всей вселенной.

Повеселев, я поверил тогда,
Что встречусь с любимой,
Что годы иные
Застанут нас вместе, что минет беда:
Как город, подруга была молода,
Из жизни легко не уходят такие.

Спустя два иль три беспокойных дня
Узнал я, что, жизнью своей рискуя,
Она выносила больных из огня,
И было ей вовсе не до меня:
Такою — знал,
И люблю такую.

1942

КОНТР-АДМИРАЛ

Он был на катере, когда
Над плесом вспыхнула ракета.
Кругом не Волга — море льда,
И катер от облавы света
Не мог укрыться никуда.

Он был на катере, когда
Заполночь мина борт пробила,
Через пробоины забила
В отсеки темная вода.

Не раз бывавшие в беде,
Матросы катер отстояли.
На Волге, под Москвой — везде
Таких не зря орлами звали.

Седой, в очках контр-адмирал
У щели смотровой стоял;
Когда рвалась броня стальная,
Он сам хватался за штурвал.

В протоки набивался лед
Сплошною серою громадой, —
Он говорил одно:
«Вперед!
Нас ждут причалы Сталинграда», —
И катер находил проход.

Враг вылез из прибрежных нор.
Контр-адмиралу доложили,

Что снова немцы борт пробили,
Из строя выведен мотор,

Что в днище два фонтана бьет,
Воды по пояс будет вскоре,
Что катер замедляет ход...

Контр-адмирал сказал:
«Вперед!

К рассвету фронт снарядов ждет,
Пробьемся на одном моторе».

Всему на свете вопреки,
Сквозь лед, свинец, в огне орудий
Шел катер,
Шел в изгиб реки.
Держались твердо моряки,
Но моряки ведь тоже люди.

От пуль не скрыться никуда —
Стучали в борт, что град по крыше,
Лишь рубка — крепость, лишь туда
Не проникала смерть... Тогда
Контр-адмирал из рубки вышел.

И вот на срезе — на краю
Его увидели большого,
Давно знакомого, родного.
Все подтянулись, как в строю,
Хоть он не вымолвил ни слова.

Кто на ходу ни кинет взгляд —
Всем кажется: опять чернеют
На нем, как много лет назад,
И бескозырка, и бушлат,
И за плечами ленты реют...

И вот он — дымный Сталинград.
Причал,
И ветлы зеленеют.

М О Р Я К

Он в море ни разу не был,
А все зовут моряком.
Он с волжской водой и небом
Со школьной скамьи знаком.

Ходил на лодочонке дряхлой,
Под ветром осенним дрог.
И дегтем и рыбой пахло
От рыжих его сапог.

Широкий, черноволосый,
Шагал в родное село,
И девичьи ленты и косы,
Как ветром, к нему несло.

Под ним прогибались сходни,
Дощатый скрипел баркас...
На вид ему и сегодня
Никто сорока не даст.

Когда подошла в Царицын
Флотилия катеров
И стал деревянный Царицын
Границей меж двух миров;

Когда угрожал штыками
Поволжью красновский Дон, —
Он к Сталину с рыбаками
Явился в штабной вагон.

Одернул рывком рубашку,
Чешуйки с нее смахнул,
Сорвал с головы фуражку
И прямо к столу шагнул.

«Товарищ нарком! — сказал он, —
Я не учен войне,
Ловлю осетра, сазана...
Но дайте работу мне.

Все глуби на Волге знаю,
Все отмели и пески,
Чирков на лету стреляю, —
Возьмите меня в моряки.

Могу паруса поставить,
Палатки разбить на лугу,
На плесах при переправе
Командовать могу.

Смолю корабли и снасти,
Гожусь на любой баркас...
По вашей, товарищ, части
Отдайте такой приказ!»

Ему улыбнулся Сталин:
«Видать по всему — моряк!»
На катер его послали,
Достал он себе тесак,

Сорвал козырек с фуражки,
Морскому наряду рад,
Морскую нашел тельняшку,
Поношенный бушлат.

Водил караваны с хлебом,
Соленой казалась вода.
А в море ни разу не был —
Какая ему беда!

В тяжелые дни Сталинграда
Я повстречался с ним.
В огне была баррикада,
Удушливый стлался дым.

— Стоим! — он сказал, и руки
На автомат положил.
Он был в сапогах, но брюки,
Как встарь, навыпуск носил. —

Пусть город, — сказал он, — разрушен,
Врагу не видать реки:
И на воде и на суше
Сражаются моряки.

1941—1943

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Желто-зеленые редкие травы.
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий — как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чебра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичий гнезда.
В тихом теченье летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Все в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили, —
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Брата родного немцы убили.

1942
Сталинград

В К Р Й М У

Земля тосковала по русской речи,
Два года была в огне и в дыму.
Враги, все живое перекалечив,
Учили ее языку своему.

Но грянул суд.
Расстреляв дозоры,
Мы закрепились на берегу,
И, боже мой, как засияли горы,
Какой по ущельям понесся гул!

Горячий песок скрипит под ногами,
Вода в борта корабельные бьет.
Земля, что лежит еще за холмами,
Зовет нас к себе, торопит вперед.

По желтому скату,
По кочкам зеленым
Бегу к родниковой воде во рву,
Как на свиданье мальчик влюбленный,
И падаю, радуясь, на траву.

Все необычно, для сердца ново —
От серых долин до сизых высот.
И ветер каждое наше слово,
Как откровение, вдаль несет.

Поднявшись в рост на камне лобастом,
Приветствуя:
«Здравствуй, родная земля!»

И горы мне отвечают:
«Здравствуй!»
И веселей шумят тополя.

Кричу в озаренные днем просторы,
Напоминаю родные слова:
«Огоны!»
«Огоны!» — отзываются горы.
«Москва!» — кричу.
Повторяют:
«Москва!..»

Не слышали, верно, ни разу и деды.
Чтоб горы так ликовали здесь.
Для нас это эхо — голос победы,
А для фашистов — о смерти весть.

Земля моя,
В гальках, в зеленых росах, —
Расправь свои плечи, живи, цвети!
Ты — наша.
Мы снова с тобой — матросы,
Да разве могли мы к тебе не прийти!

Уже из пещер, из ущелий и гротов
Выходит на солнце родной народ.
«Вперед!» — кричат моряки и пехота.
И горы, как гром, повторяют:
«Вперед!»

1944

ПОСЛЕ БОЯ

Усталый, лежу на вершине скалистой,
Не шевелясь, замерев, лежу,
Земля не колеблется, небо чисто,
Прищурясь, в ясное небо гляжу.
Кузнечик возится у виска,
Песок на губах — не сдуваю песка.
Орел парит над моей головой...
А я живой!

Последний грохот предгорного боя
И дым по расщелинам разнесло,
И все зеленое, все голубое
Вдвойне засияло и расцвело.
Внизу среди скал и круглых озер
Мои друзья разожгли костер.
Все живы: еще один выигран бой.
И я живой.

Орел все ниже, все ниже, ниже.
Лежу неподвижен. Затих. Застыл.
Уже рябоватые перья вижу
Его тупых распластанных крыл.
Все явственней шум, все уже круги,
Вот-вот налетит — глаза береги.
Темнеют когти и клюв кривой...
Но я живой.

Пропала вялость, исчезла усталость,
И я опять напрягаюсь весь.

Как тяжело в боях ни досталось,
В нас сила не тронута, крепость есть.
От сердца к пальцам пошел огонь,
Слежу за разбойником: «Ой, не тронь!
Узнаешь сейчас, поплатясь головой,
Что я живой».

1943

МАТРОССКИЙ СЫН

Сыну Якову

Над синим заливом заняв поселок,
Спасли краснофлотцы мальчишку в плавнях.
В его глазах, когда-то веселых,
Увидели вспышки боев недавних.

«Как звать?» — спросили.
Ответил: «Коля!»
А Коли дома у многих были,
И сироту рыбака в отряде
Усыновили и полюбили.

Большие и очень строгие дяди
Его, как могли, развлекать старались,
Смешно на губных гармошках играли,
Смешно, не по-взрослому, улыбались.

Устроили Колю в землянке связистов
И с поля боя по телефону
Нередко от целых подразделений
Передавали ему поклоны.

Из выходов в тыл,
Из смелой разведки,
Как сыну ягоды с сенокоса,
Ему то пряники, то конфеты
В противогазах несли матросы.

И куклу и кошку достали где-то.
Но мальчик сурово сказал:
«Не играю!»

Тогда надарили ему зажигалок,
Трофейных ручек и пистолетов.

Сукно офицерское раздобыли,
Нашли портного в соседней части,
Старшинскую форму по росту сшили:
«Бери, сынок, да носи на счастье!»

Мальчишка рос спокойный и сильный.
Но сколько бойцы его ни ласкали,
К нему уже не вернулось детство:
Он видел, как мать фашисты распяли.

Мой сын! Для тебя, как о лучшей школе,
Мечтаю о дружбе с матросским Колей,
Тебе бы понятней рассказы стали —
За что воевали мы,
Что отстояли.

И как тосковали мы все, бывало,
О вас, о родных —
О старых и малых,
И как мы рвались, рвались за врагами
На запад, чтоб встречу ускорить с вами.

1943

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Над Малой землею красный флаг.
Далеко сегодня разбитый враг.
На Малой больше не быть врагу,
Но памятны битвы на берегу.

Вхожу на землю на Малую,
На талую,
В боях бывалую.

Это не остров:
Земля узка —
Кусочек травы, полоска песка,
Израненный локоть материка.

И не поселок, не город она.
Станичка была — огнем сметена.
На ровной поляне — щепа одна.

Границы траншеями обведены.
Пять линий окопов в рост глубины.
Пять линий окопов,
Короткие тропы,
Разбитые крылья
И ржавые стропы.

Завалов
петля
Две земли разделяла.
О Малой
Большая земля тосковала.

Но Малой земли уже нет давно,
С Большою слили ее в одно,
И я не увижу ее никогда:
Спокойно о берег плещет вода.

Я был в Ленинграде,
Потом в Сталинград
Война меня бросила: я солдат.
Жалею, что я не на каждый порог
Как вестник свободы явиться мог,

Что без меня, раздавив врага,
Сомкнулись днепровские берега,
Что Прут и Днестр под градом огня
Прошла наша Армия без меня.

Земли обездоленной каждую пядь
Хотелось бы мне самому отбирать.
И видеть хочется всей душой:
Сольются — настанет же день такой! —
Все Малые земли с нашей Большой,
Как малые реки с большой рекой.

1944

Черноморский флот

ОСИНА

Осина ты, осина,
Проклятая лесина:
Гнилая сердцевина,
Тряпье — не древесина.

Дрожишь, как дунет ветер,
Краснеешь с первой стужей,
И нет на целом свете
Тебя, осина, хуже.

Под рельсы не положишь,
Хоромы не построишь.
Копейку, не дороже,
И в лютый холод стоишь.

Дрова хоть и сухие,
Да все одно плохие:
Ни пламени, ни жару,
Ни угля к самовару.

Но хоть один покуда
На свете есть иуда —
Нужны под небом синим
Русские осины.

1944—1947

* * *

Весна по всем дорогам,
По всем фронтам идет,
На севере далеком
Яснеет небосвод.

Над лесом пух летает,
И в солнце вся земля.
Оно огнем играет
Над башнями Кремля.

Оно в глазах оленя
И на его рогах,
В морской зеленой пене
На крымских берегах.

Оно на горных скатах,
На скалах, на песке,
На диске автомата
И на живом цветке.

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.

Березоньку наклонишь —
Весь лес шуметь начнет,
Кого из нас ни тронешь —
Поднимешь весь народ.

ДАЛЕКИЕ ПОХОДЫ

Желтые дороженьки,
Далекие походы.
Ножечки вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы!

Дубленые, солдатские, —
Шнурки в пыли багровой,
Подошвы ленинградские,
Уральские подковы.

Низы, лошины грязные,
Болото на болоте,
Завалы непролазные, —
А вы себе идете!

А вы себе шагаете
И удержу не знаете,
И горы вам не горы,
Озера не озера.

Дорог и троп исхожено —
Самим не надивиться!
Но нам было положено
Пройти по заграницам,

Сломить врага, пробиться
До вражеской столицы,
Чтоб воздухом свободы
Вздохнули все народы.

Над Польшей, над Румынией
Все шире небо синее.
В Болгарии, в Албании
Сама земля в сиянии.

Пылят, пылят дороженьки,
Шумят речные воды.
Ах, ноженъки вы, ноженъки,
Ботинки-скороходы!

Суконные обмотки,
Железные подметки!
Земля вовек не видела
Уверенней походки.

1945

С В Е Т В Д У И К

Мой дед любил копить рубли,
С печным горшком дружил.
За шар земной
Своей земли
Вершка б не уступил.

Засел в домок свой, как в окоп.
Росла бы в поле рожь,
А там в округе хоть потоп —
Его не прошибешь.

И шла молва про старика
Крута, не хороша:
Черна душа у мужика,
Берлога — не душа.

Но дед не смог добра скопить:
Дожив до седины,
Не чаял он, что можно быть
Хозяином страны...

И я мужик,
И мне люба
Родимая земля,

И я болею за хлеба,
За зря не жгу рубля.

Но я в такую даль взглянул
От узенькой межи,
Такого воздуха хлебнул,
Что душу освежил.

Прошло без мала двадцать лет,
Как жить в колхозе стал.
Моей души коснулся свет,
Какого дед не знал.

По той же пахоте хожу,
С лица текут ручьи.
Но я на шар земной гляжу,
Как на поля свои.

И чтобы свет в душе не гас, —
За правду за свою,
За нашу власть,
За всех за нас
Всей жизнью я стою.

1946

САМА ПОБЕДА

По селу в обгон, вприпрыжку,
Взбудоражив весь народ,
Пробежали ребятишки
С криками:
«Идет! Идет!..»

«Далеко ли он?»
Дома
Окнами захлопали.
И пошла
Кутерьма.

Вот уже сошел с холма,
Вот он катит по полю.
Пыль, как дым,
И гром гремит
Над лесными далями...

Кто-то издали кричит:
«Гусеничный!
«Сталинец!»»

Мир! —
И тракторы опять
В села стали поступать.

Он пронесся вдоль селенья,
У народа на виду,
Встал под окнами правленья —

Новенький, послевоенный,
Первый в нынешнем году.

Даже солнце из-за туч
На него скосило луч.

Тракторист привстал с сиденья.
Встреча? — Что же, так и след!
«Добрый день!»
«Мое почтенье!
Потрястись для развлеченья
Есть охотники иль нет?»

Ребятишки — всей оравой.
И пошло пылить шоссе...
«На какую скорость ставить?»
Отвечают:
«Ставь на все!»

Стол — самим на удивленье,
Словно это складчина:
Есть соленье, и варенье,
И печенье, и копченые —
Всякая всячина.

Тракторист — посередине,
Как для свадьбы разодет.
Перед ним вино в графине,
Для других покуда нет.

Флотский китель сбросив с плеч,
Председатель держит речь:

«Дорогие граждане,
Поздравляю каждого:
Жизнь на мирный курс легла
И для нашего села.
На коровах? Да, пахали!
Нам свобода дорога.
На себе пахать бы стали,
Только бы разбить врага!..»

И звенели ложки,
Чугунки и плошки.
«Да хлебните ж хоть для виду
С холодка окрошки!..»

Задушевная беседа
Не вином хмельна была.
«Это к нам сама Победа
Нынче, граждане, пришла».

1946

ОТПУСКИК

Отпуск дали от войны
Лишь на три недели.
До родимой стороны
Он добрался еле.

Как завидел речку, лес —
Сердце зацемило:
До чего ж покойно здесь!
Все, как в детстве было.

Он решил, что о войне
Вспоминать не будет,
Отоспится в тишине, —
Кто бойца осудит?

Но соседи в тот же день
Встретились на сходке,
Из заречных деревень
Подошли молодки,

И, развесив на стене
Карту полушарий,
До полночи о войне
Вел беседу парень.

На заре второго дня,
Только встал с постели,
Подают ему коня
Из другой артели.

А потом — в райком и в рик,
В школах тоже встречи...
Все хотят, чтоб фронтовик
С ними пробыл вечер.

В сельсовете пленум шел.
Едут за солдатом:
«Хоть на часик сядь за стол,
Будешь делегатом».

Приглашали — исправлял
Мельницы ручные,
С сотню писем написал
В почты полевые.

Да случилось под конец —
Как? — и сам дивился, —
В Зою Павловну боец,
В доктора, влюбился.

Походили по лесам,
Постреляли уток.
Не по дням, не по часам
Жили — по минутам.

И минуты сочтены...
И шутили люди:
«От любви, не от войны,
Отпуска не будет!»

1945

* * *

Каждый год весна, как чудо,
Но такая в первый раз.
Словно ветры отовсюду,
Новизна пьянила нас.

Соков раннее движенье
Вдруг ускорила гроза
И, как в первый день творенья,
Солнце вскинуло глаза.

Вся земля пропахла бором
Да травою луговой,
Переполнились озера
За селом водой живой,

За ночь выгнало побеги...
Срок настал —
И в ранний час
О победе, о победе
Весть, как песня, разнеслась.

Как на праздник, все селенье
С песней вышло на поля.
Словно в первый день творенья,
Приняла зерно земля.

1945

КОНЮХ

От махорки лампы гаснут,
Не курить — терпенья нет.
Стол накрыт отрезом красным,
Над столом вождя портрет.

Торжеству большому рады,
Стар и млад пришли на сход:
За великий труд
народ
Получал награды.

Люди, будто не в артели —
На скамейках, на полу, —
А в Москве, в Кремле сидели.
Молодые чуть не пели,
Подходя к столу.

Присягая на все годы,
Каждый четко, как солдат,
Говорил:
«Служу народу!» —
И садился в первый ряд.

От волнения сквозь слезы
У молодки у одной
Вырвалось не как должно:
«Служим нашему колхозу!»
Ей шепнули:
«Все равно!»

Только конюх, рыжий дед,
Не сказал ни «да», ни «нет».

Огорчил старик людей:
Раз тебе награду дали,
Должен молвить —
Про себя ли,
Или что про лошадей...
Может быть, одной медали
Мало этой бороде?

Взял и сунул под армяк,
Да еще нахмурил брови,
Словно все ему не так
Да не внове.

«Приколоть медаль-то надо! —
Зашептали деду все. —
Аль не по сердцу награда?»
Но старик не поднял взгляда.
«Ничего!» — сказал.
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

А потом, когда с собранья
Вышел конюх, как из бани,
Мокрый весь, —
Никто в ограде
В темноте не разглядел,
Как он бороду разгладил,
Как на грудь медаль приладил,
Как он вдруг помолодел.

Хорошо мужик работал,
Было много старику
И вниманья
И почета,
Нэ такого поворота
Нé случалось на веку.

В первый раз за много лет
Не стерпел — заплакал дед.

Не домой пошел — в конюшню,
С лошадьми поговорить,
Кстати, пару непослушных
Случай выпал пристыдить.

Кони радостно заржали
И, вглядевшись в полутьму, —
По всему — из-за медали —
Головами закивали,
Как бы кланяясь ему.

Он сказал им:
«То-то вот!
И меня народ отметил.
Заодно и вам почет.
Я гляжу: на этом свете
Честный труд не пропадет.
Это вам не то, что встарь!..»

И зажег в углу фонарь.

Вдоль конюшни от порога
Он шагал — хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогал,
И для каждой хоть немногого,
Хоть два слова да сказал.

«Чур, меня не подводить! —
Молвил, глядя на гнедого. —
Вам за конюха такого
Бога надобно молить».

Сосунок, еще без толку,
Маленький, как горбунок,
Мокрой мордой ткнулся в бок.
Он схватил его за челку:
«Признаешь теперь, сынок?!»

Напоследок ярового
Всем засыпал:
«Ешьте всыпь!
Поутру — за дело снова:
Мы теперь — даю вам слово —
Орден можем заслужить».

1947

НА СЕНОКОСЕ

Сено высохло. Гребли,
Торопились, как могли,
Торопились, уморились —
По щекам ручьи текли.

Надвигалась из-за леса
Грозовая дымзавеса.
Появлялись ветерки,
Завивались вихорьки.

Дождь нагрянет, сено смочит —
Не кажись домой с бедой.
Кто приход дождя отсрочит?
Кто заведует водой?

Бригадиru нет покоя,
С темных туч не сводит глаз:
«Хорошо бы за рекою
Задержать грозу на час!
Все правленье,
Все селенье
Положилися на нас».

Но в бригаде был малец.
Молодец-то молодец,
Да годков ему двенадцать, —
Где за взрослыми угнаться.
А отстать или присесть
Он не может — гордость есть.

У него свое желанье,
Шепчет, словно заклинае:
«Поскорее, дождик, лей,
Поскорей, повеселей,
Хоть не крупный, не проносный,
Догребли бы сено после!»

Дождь не долго собирался,
Но пока огонь сверкал,
Бригадир не растерялся —
Сено свежее убрал.

На привале, пообедав,
Отдыхая без помех,
Люди хвастались победой,
А мальчонка... больше всех.

1945

ХОЗЯЕВА

Ребятишки слушают урок,
Удивленно вскинуты ресницы,
Будто вдруг раздался потолок
И кружат над партами жар-птицы.

Карандаш цветной засунув в рот,
Девочка сидит не шелохнется.
Мальчик рядом с нею то вздохнет,
То счастливым смехом засмеется.

Карте школьной тесно на стене.
Палочкой по ней учитель водит.
Говорит он о родной стране:
О горах, с которых снег не сходит,

О краях, в которых нет зимы,
О земле, где не бывает лета,
Где в медвежьи шубы и в пимы
Даже в мае детвора одета.

Говорит о северных ночах —
От рассказов вьюжным ветром веет.
Гимнастерка на его плечах
Вологодской хвоей зеленеет.

Он за земли эти воевал, —
Вся шинель осколками пробита,
Каждый куст от немцев защищал,
Каждый куст ему служил защитой.

В Ленинграде мучила цынга,
На Кавказе малярия била.
Горный Крым,
Карельские снега
Молодость его исколесила.

Зверем в дебрях,
Золотом в горах,
Рыбою в морях страна богата...

Слушают учителя ребята —
Жажда ненасытная в глазах.

Напрягая память, морща лбы,
Замерли, скрестив босые ноги.
Видятся им дальние дороги,
В небо уходящие столбы,

Дым войны, над фабриками чад...
Подрастут — родимый край подымут,
Власть над недрами земными примут,
Ветры, водопады приручат,

Верно будут на луну летать —
Время сказкам былью становиться...

Реют, реют над столами птицы
Золотые — глаз не оторвать!

1941—1945

ЭЛЕВАТОР

Он, как скала, в степи стоит,
Вся степь вокруг видна.
Пшеница на холмах шумит,
И на него, как на гранит,
Надеется она.

Церквушку сгорбили века —
Чуть выше тополей.
А он — с осанкой маяка,
И входит — солнцем в облака —
В пейзаж родных полей.

Лишь раз в предзимье примет он
Поток машин, подвод —
И поезда со всех сторон
За хлебом, словно на поклон,
К нему идут весь год.

Ночами от его огней
Светло в краях глухих.
Что непогодь такой броне?
Немало крепостей в стране,
И он — одна из них.

1946

ДУБОК

Совсем еще слабое деревцо.
И ростом не выше метра.
Пшеница ему прикрывает лицо
От жгучего солнца,
От ветра.

Любовно за ним следит человек,
Подкармливает,
Поливает,
Подводит воду из светлых рек,
А в стужу обогревает.

Дубок молодой!
Еще ничего
Не видит он, кроме неба.
А сколько погодков вокруг него
Растет под защитою хлеба!

А сколько разбито новых садов,
Плантаций и огородов,
И сколько в степи колхозных прудов
Открыто за эти годы.

Преображается наша земля,
И люди ее,
И природа.
И этот дубок, листвой шевеля,
Расти будет год от года.

Со всеми своими погодками в ряд
Раскинется,
Возмужает
И встанет на страже —
Коммунистических урожаев.
верный солдат

1949

В АЛТАЙСКОЙ СТЕПИ

Вся степь — колхозный ток,
Скирды, скирды вокруг —
На север, на восток,
На запад и на юг.

Комбайны на току,
Что ульи на лугу:
Над каждым, словно рой,
Половы столб живой.

Колосьям нет цены,
Они крупны, плотны,
Как те, что в герб страны
Пучками вплетены.

Когда в степи восход —
Вся в золоте она.
Не сосчитать подвод
Отборного зерна.

1946

ПЕСНЯ В ПОЛЕ

Ох и степь, до чего просторная!
Прямо в небо — дорога торная.
Каждый холмик лучится, светится —
Днем от солнца, ночью от месяца.

В поднебесье по бесполосице
Самолеты клином проносятся,
Полыхая дюралюминием...
А озера какие синие!

А какие сады нарядные!
А девчата какие складные!
Лица смуглые, загорелые;
Далеко видны платья белые.

Над пшеницею птицы кружатся,
Сышен крыльев шум, если вслушаться, —
Не иначе орлы или соколы...
А хлеба до чего высокие!

Дружно люди работу начали,
Дни в степи страдные, горячие,
Молотилки гудят и тракторы,
И несутся обозы трактами.

Степь, как в сказке, преображается.
С ветром грохот машин сливается,
И плывет, плывет величальная
Песня праздничная, урожайная.

Песня радости, песня-здравица!
Наша Родина в песне славится.
Издалёка ей вторят зычные
Заводские гудки и фабричные.

1947

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Всей семье — как сбор назначен,
Только скатертку постлать.
В каравай, еще горячий,
Входит нож по рукоять.

В пожелтевшей гимнастерке
С краю сам большак сидит.
Чуть похрустывает корка,
Духовитый пар валит.

«Ну, — сказал он, — по потребе
Начинайте в добрый час!
Полной мерой нынче хлеба
Отвалил колхоз для нас».

Золотистые горбушки
Срезал: это для детей.
На особицу старушке
Вынул мякиш из ломтей.

Скосок свой, усы поправив,
Крупной солью посолил.
Всей своей семье и славы
И здоровья посулил.

И еще промолвил слово:
«С хлебом горе не беда!
Не забудьте, мол, какого
Стоил этот хлеб труда!..»

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

Осень-красавица вышла в леса.
Разве видать горожанам такую?
Кружится около ног лиса,
Над головой косачи токуют.

Из раззолоченных листьев наряд,
По сарафану оборки и стежки,
Красные клены — расшитый плат,
Гроздья рябины — в ушах сережки.

Ходит красавица в березняке
В желтых сапожках — мягка дорога! —
С желтой корзинкою на руке:
В роще грибов и брусники много.

Что ей теперь, озорной, не гулять,
Что не плясать ей? —
Посеяно, сжато.
Только и дела, что ягоды брать,
Грузди солить да чистить маслята.

К озеру выйдет, махнет рукой —
Утки с воды летят в поднебесье,
Волны шумят.
А махнет другой —
Даль огласят журавлиные песни.

Что за походка!
А смех! А пляс!
Сколько в глазах голубых простора!
Где еще есть на земле, как у нас,
В золоте реки, в рябинах озера?!

1944

ДОЖИНКИ

Из поэмы «Сон Макара»

Течет, журчит под кустиком
Прозрачная струя,
Звенит ручей —
Акустика
В лесу хорошая.

Уже давно закрапана
Листва берез, осин.
Порою дождик капает,
И льет,
И моросит.

Уже грибы с брусникою
Корзинами несли.
Вот-вот и закурлыкают
Над полем журавли.

А поле
Да река еще,
Как небо, широки.
Один несжатый краешек
Остался у реки.

Дожинка нынче поздняя.
К последнему овсу
Толпой вся рать колхозная
Сошлась на полосу.

Все убрано машинами, —
Нет слов, они в чести, —
Обычаи старинные
Все ж надо соблюсти.

Одетые с иголочки,
Серпами стар и млад
Последние метелочки
Срезали нарасхват.

Кажи работу вост्रую,
Проворствуй у межи,
На общий пояс горсть свою
Со всеми положи!

И загадай желание,
Какое поважней!
Глубокое молчание
Среди жнецов и жней.

Кому о чем мечтается...
Замечено давно:
Все сбудется,
Все станется,
Что тут загадано.

Нам нет путей заказанных,
Задумывай что хошь.
О суженых, о ряженых
Гадает молодежь.

Одни о выдвижении
На курсы в область, в центр,
Другие — о снижении
Мануфактурных цен.

А кто в соревновании
Победу одержал,
Тот о геройском звании,
Об ордене мечтал.

И чтобы снова к Сталину,
Лишь кончат обмолот,
Со всех концов сзывали их
На всесоюзный слет.

Дожали всё как следует,
И вот сошлась толпа
У «гости» —
У последнего
Овсяного снопа.

Большой — в нем с сотню маленьких
Метельчатых горстей.
Его подняли на руки,
Как гостя из гостей,

И вдоль всего селения
Высоко от земли
В колхозное правление
С почетом понесли.

1948

ХМЕЛЬ

Миновали дни страды.
Было попито воды!
Кто осудит раз в году
Пиво-брагу на меду?!

По деревне ходит хмель,
Из-под ног пылит метель.
Шелком шитая рубаха —
По подолу канитель.

Ходит важно, ходит гордо.
Хоть и горд, а не спесив.
На ногах стоит не твердо,
Но зато медоречив.

К палисаду прислонился,
Песню-складку затянул,
К молодице прицепился
И старушке подмигнул.

«У меня во флоте сын,
У меня в пехоте сын.
Дома бабы, — я над ними
Генерал и господин».

В сарафане ходит хмель,
По плечам — косы кудель,
Широченные воланы —
Золотая карусель.

Молодица под хмельком
Расшалилась с пареньком,
Расшалилась, раздурилась —
Что за грех, скажи на милость!

«Ходит хата, ходит печь,
Заводи, гармошка, речь!
Топну раз — цветы раскину,
Топну два — косынка с плеч...»

Из конца села в конец
С венкой бродит молодец.
Жеребец прошел в упряжке —
Захлебнулся бубенец.

«Председателю правленья
Мой почет!»
«Мое почтенье!»
«Как живем?»
«Куда с добром:
Целый день без году пьем.

Загуляла молодежь,
Потому что хлеб хороший,
Ну, а мы, по-стариковски,
Пьем за здорово живешь».

Ходит, ходит, ходит хмель,
Из-под ног летит метель.
У ограды засыпают
Два Ивана, пять Емель...

СОСНА

С головы зелена,
Стволом красна,
Высока, стройна
Растет сосна.

Как невеста на выданье
На большом пиру, —
Лучшей не видано
Во всем бору.
Иглами вышила
Неба треть.
Всем она вышла —
Любо смотреть!

Каких только ягод
Нет под сосной!
Здесь белка-летяга
Гостит весной,
Здесь тетерев грузный
Бруснику ест,
Здесь влажные грузди,
Маслята есть.

Здесь все для соленья
И все для варенья —
Хоть целым селеньем
Живи, ночуй!
А мох для оленя —
Ешь не хочу.

Сколько же дереву
От роду лет?
А столько лет,
Что и счету нет.

Но топор ссечет,
И вот он — счет.

1939

ГИДРОСТАНЦИЯ В КОЛХОЗЕ

Наконец пустили ток!
Все-то старым людям в диво:
Словно бы не огонек,
А наглядно
И красиво,
Не нужны коптилки, спички.
Только ярко с непривычки.

Галкам, ласточкам, грачам,
Проживающим в селенье,
Нет покоя по ночам:
Кружат стаями,
Кричат —
Спать мешает освещенье.

В школе митинги и споры,
Шум заполнил коридоры,
На решенье дети скоры —
Все хотят итти в монтеры.

В семьях праздник без конца:
«Неужель и молотилка,
И станки,
И лесопилка —
Сразу все?
И мельница?..

Как ни кинешь — хорошо,
Все дела одним мотором —
Споро!

Вот тебе и город:
На деревню сам пришел!

Надо Сталину писать».«
И в правленье до полночи
Не ложились люди спать:
Много хочется сказать,
Только надо покороче.

Сталин — он с двух слов поймет,
Всех нас держит на примете,
И к тому ж за этот год
Только в нашем сельсовете
Станций пять пустили в ход...

В дебрях северных сельцо...
Кокшеньга...
В бору сосновом
Два светила над тесовым
Над правленческим крыльцом.

Вся земля озарена
Правдой нашего народа.
И какая даль видна!
Настоящая свобода —
Бот она!

1948

СОСНОВАЯ ГРИВА

М. М. Пришвину

Бор — как озеро в разливе,
Избы хвоей занесло.
На юру крутом, на граве
Наше дивное село.

Дикий хмель и можжевельник,
Сенокосы с двух сторон.
Солнцем даже темный ельник
В заовражье озарен.

В теплой зелени дороги,
В ручейках пологий скат,
И везде, стройны и строги,
Сосны светлые в обхват.

Не руками пусть, так песней,
А без песен не живем,
Мы до звезд, до поднебесья
С нашей гравы достаем.

1945

ВОЛОГДА

1

«Ты проедешь волок, еще волок, да
Еще волок — будет город Вологда.

Как подъедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и с сенцом стоят,
Где водой стоялой бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По сосновому, еловому, по шаткому
Со своим конем соловым, со лошадкою.
Про Овдотью Олексеевну выспрашивай,
Все укажут, где хоромы охрой крашены.
В кружева ее хоромы вплетены.
У светелки окна в прошвах платяных.
Старопрежняя Овдотья у окна.
Мастерица-рукодельница она,
Всяку-всячину коклюшками плетет:
Косорядку, пучеглазку, волчий рот... ¹
Расскажи ты ей, Овдотье Олексеевне,
Как живем мы здесь в колхозе, что посеяли.
Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живем, мол, нонче, Олексеевна.
И про сына моего скажи, что знатен он...

¹ Названия вологодских кружевных изделий.

Как живет дочурка ваша, кстати, мол?
Что хвальба, мол, это, да не побхвальба.
Передай Овдотьушке поклон от баб...»

2

Словно из-за моря воротился
Из родимой Вологды сосед.
День за днем — конца рассказам нет:
«Город изменился,
Обновился
За пять лет, как будто за сто лет.

Евдокия ходит в белой блузке,
Строгая от счастья и забот,
Кадры мастериц в кружевсоюзе
Обучает.
А уж как живет!

Говорит: «Была не в чине долго,
А теперь вот — на большом счету:
Завела сношенья со Внешторгом,
Новую тематику плету».

Я и дочку повидал. У Нasti,
Прямо скажем, недоступный вид.
Говорит: на льнозаводе мастер.
А еще учиться норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
На закате, перестав летать,
Прямо с неба к ней приходит дроля,
До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
Передать:
Владимиру — салют!»

Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

1935—1936

СЕВЕРНОВ СКАЗАНИЦ

На Мезёни было,
На Мезёни.
Не богата на Мезёни зелень,
Зыбунисты мшистые дорожки.
Но красны болота от морошки.

Меж холмами
В Холмогорах было.
Только солнце лес позолотило —
Из неволи каторжной постылой
Уходил на полдень Ворошилов.

По пятам бежали, как собаки,
Царские продажные служаки,
Угрожали саблями стальными,
Пулями стреляли разрывными.

А кругом урочища медвежьи,
Дебри непролазны, непроезжи,
Все в трущобах смертью угрожало, —
Ни одной дороги не лежало.

В Холмогорье было,
На Мезёни...
Требовал к себе Клиmenta Ленин,
И спешил он дикой целиною,
Где стояли ельники стеною.

Впереди его летели птицы,
Чтоб в тайге ему не заблудиться,

Дятлы чернозобые стучали —
Волока полегче намечали.

В Заонежье было,
В заовражье...
Одолел он все заслоны вражьи.
В три обхвата сосны и коряги
Он кидал в бездонные овраги,

Скатывал немеряные горы
В синие студеные озера —
И легли мосты да переходы
За болота, за лесные воды.

Нынче та дорога ездовая,
Маршальской дорогу называют.
Есть под елью камень, мхом поросший,
И на камне след его подошвы.

Камень этот вам желна укажет,
В Заонежье это,
В заовражье,
Где теперь светлы и ясны зори.
В Запечорье было,
В заозерье...

• • • • • • • •

Доплела узоры кружевница,
Посмотрела на ребячью лица
И в сундук коклюшки уложила.
«Говорю вам, значит, это было!»

1941

ПРИСКАЗКИ

Бабушке Авдотье Павловне Поповой

1

Метель вертела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснится —
Скрипнет журавель,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвется с привязи метель,
И над лесами снова рев несется.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном дому собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь — они всегда в чести!
С мечтой и шуткою не расставаться.

«Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий, да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги! —
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы —
Ни холода, ни тряски».

«Авдотьушка,
Давай, родная, сказку!»

И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,
Что вновь ее почтили,
Авдотья начинала:
«Жили-были...»

А снег все шел.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свежевал ее, и ел.
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам.
Рычанье разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.
Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога,
На просеки плашмя упало небо.
За мясом рысь пустилась, мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

Девушка спустилась под откос,
 С золотой косой густых волос.
 Под косынку косу убрала,
 На стальную косу налегла
 Да прошла береговой косой,
 По зеленой по траве с косой,
 Полосой прошла не раз, не два —
 Прослезилась росой трава.

Далеко от дома сенокос,
 Для бригады надо хлеба воз;
 Две недели надо спать в лесу,
 По утрам сбивать с травы росу,
 В полдень сено теплое грести —
 Вёдренной поры не упустить.
 Ночью отдыхает молодежь.
 Но без сказки разве отдохнешь?

У лесной избушки дым и гам.
 Лягут косари у очага,
 И тайга замрет, и дым замрет:
 Все глядят седому деду в рот.
 Складно врет в делах бывалый дед:
 Лыко в строку —
 Слово слову вслед.
 С ведьмой, с чортом, с каждым лешаком
 Он, конечно, запросто знаком.

Все заснут, придвинувшись к костру,
 Лишь не спит бывальщик в бору
 Складная, как песня на пиру, —
 Носа не просунуть комару.

Так по суземам Юга и Двины
 И в клубах новых
 И в домах старинных
 Живут поныне сказки и былины,
 Бывальщины,
 Побаски старины.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Все лето
По всему родному краю,
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом — необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи, —
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмолленные воды.
Плывут плоты при всякой непогоде —
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мглистой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расщитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Земля ложилась на счастливый путь.

1937—1939

СЛОВО ОХОТНИКА

Избушка охотничья той сродни,
Что где-то на курьих ножках стоит.
В избушке костер смолевой горит.
В тайге трудовые, не легкие дни.
А вечером вспыхнут в небе огни,
И все принимает сказочный вид.

С густой темнотой сливается бор,
В лошинах разносится вой зверей.
Старик-лесовик тормошит костер.
Лежит на его коленях бобер.
Старик устал,
А не хмурит бровей.

Немало он взял на веку берлог,
Дорог проложил, загонял лисиц,
Немало из лесу волков приволок;
Хозяином входит в медвежий лог —
Коряжист,
Угласт
И широколиц.

Портянки висят на еловом суку,
У беличьих шкурок собака спит.
Старик сидит лицом к огоньку.
Он, как полагается лесовику,
Довольный удачей, с собой говорит:

«Добер бобер!
Хоронился — смех!..

Кого ж ты, милой, хотел провести?
А, знать, родовит. До чего блестит!
Заиндевел будто.
И что за мех!
Его дорогому другу не грех
Ко дню рождения поднести.

Добер!
Поднести? Кому поднести?..»

Костер запылал, перестал дымить.
От жара старик мотнул головой,
Цыгарку свернул и начал курить.
Охотник умеет серьезным быть,
Он миру всему хотел говорить:
Не может мир не услышать его.

«Просторный и светлый кремлевский зал
Давно уже стал народу родным.
Кто Сталину руку пожать не мечтал?
Из нас лишь один у него побывал,
А кажется, все мы бывали с ним.

Он с нашим товарищем так говорил,
Как будто и сам охотником был:

«Хватает ли пороху?
Ладно ли бьют
Советские ружья — слабы? сильны?
Какие калибры больше нужны?
Меха — это золото: пуд на пуд.
Меха нужны.
Золотой ваш труд.
Меха, — говорил он, — броня для страны».

И с той поры родная тайга,
Холодные звезды над чадной избой,
Ночевки в суземах,
Костры в логах —
Все стало цениться втридорога:
Промокнешь насеквь —
Весь день на ногах,
Но знаешь, что он следит за тобой».

Старик разложил бобра на столе,
Подул на него,
Серебро распушил.
Морщинки разгладились на челе:
Казалось, он видел, с кем говорил.

«Пусть будут, товарищ Сталин, ясны
И впредь ваши дни,
И на много лет.
Земля нам дана, леса даны,
По правде, теперь ничего для страны
Дороже здоровьяя вашего нет.

Храните здоровье свое, родной!
Погодка бывает у нас лиха,
А вы и осенью и зимой
Все в серой шинели,
Все в одной.
Ведь есть же доха!
На что же меха?

По нашей стуже,
По нашим ветрам
Все нужное северный лес дает.
Уважьте, товарищ Сталин, народ.
Взгляните, сколь на бобре серебра!
Носите, товарищ Сталин, бобра:
Тепло, и к шинели вашей пойдет.

Теплы пимы с меховым чулком,
Легки на охоте за сохачом,
Подвязишь к ремню витым пояском
И едешь в санях иль гонишь пешком:
Поземка, пурга — ничто нипочем.

В Москве одинаково — снег и пурга,
Гранитные плиты вдвойне холодны...
Зачем же в мороз ходить в сапогах,
Когда тепло уважает нога?
На что же людям пимы даны?

В дохе да в пимах — не бойся зимы.
Носите, товарищ Сталин, пимы!

Еще об одном просили бы вас...
В каких отыхаете вы краях?
Конечно, здесь — не Крым, не Кавказ.
Но реки! Но рощи! — отрада для глаз.
Природа есть и у нас своя.

Нет сказок равных нашим местам.
Зверья в лесу — умом не постичь...
Товарищ Сталин, на месяц бы к нам!
Здесь зайцы за нами идут по пятам,
На ствол ружья опускается дичь...»

Шумят вершины в лесу глухом.
Избушка в сугробах видна едва.
Тайга! Далеко отсюда Москва.
А небо такое же, как над Кремлем...

Повеяло утром,
Шумит сузём,
И просыпаются тетерева.

1939

* * *

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу,
Словно в юности по некошеным,
По заречным лугам хожу.

Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскою веет силою
От большой без колец руки.

Под окошком проходишь — рослая...
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая,
Как на родине побывать.

1945—1946

ОЛЕНА

Что ни праздник — на угоре
Все девчата наши в сборе.

Во наряды выряжены,
Парни с ними выдержаны.
Все достатки,
Все порядки
В этом выражены.

Ходят пары честь по чести,
Разговорчивые.
Городские в моде вести.
Женихи форсят: невесты
Разборчивые.

Только ахнет баян —
И Олена пляшет,
Улыбается подругам
Да платочком машет.

У Олены сарафан
Всех нарядней, краше.
Для нее поет баян,
Про нее поет баян,
Про Олену нашу.

У Олены кофта — сад,
Пуговки — росинки,
Бусы — ягоды висят,
Зреют бисеринки.

До земли свисает шаль,
Шелковые кисти.
Поглядишь — горит душа:
Очень девка хороша,
Статна, голосиста!

Приезжал один ученый
Из района.
Приглянулася ученому
Олена.

Говорит: «Нарядный вид!
Бойко пляшет.
Сарафан-то, — говорит, —
Знать, мамашин?

Достоянье старины,
Бисер — жито.
Старый Север! — говорит. —
Интересный, — говорит, —
Пережиток».

А ему Олена прямо
И сердито:
«Перестаньте, гражданин, !
Городить-то!

В старопрежнее-то время
И на свадьбе
Мне бы в этаком наряде
Не гулять бы.

Не гадала мама видеть
В нем и внучек.
И чему таких ученых
Только учат?!

Так отрезала ему
Складно да ладно...

• • • • •
Мы-то знаем, почему
Олена нарядна!

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Лучше девушки Натальи
В целой области не знали;
Все умела,
Все имела,
И умна, и весела,
И без дела не сидела,
И без песен не жила.
Женихи со всей артели
Просто очи проглядели.

А Наталья на досуге
Запиралась от подруги
И садилась у стола,
В руки зеркальце брала,
Говорила:
«Удружи,
Свет мой, зеркальце, скажи:
Я ль в деревне всех милее,
Всех нарядней, веселее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет,
Ты, Наташа, всех милее,
Всех нарядней, веселее».

Началась война.
В колхозе
Провожали женихов,
У реки, на перевозе,
Целовали пареньков.

Слезы девичьи лились:
«Отвяжись, худая жизнью!»

Дни и ночи на работе, —
Так хотели их дружки, —
На полях, на обмолоте
Даже в праздник девушки.
Руки, ноженьки устали
У красавицы Натальи.
Шел четвертый год войны —
Нет на сердце тишины.
Все хотелось сделать больше,
Коротки казались дни,
Вот уже ребята в Польше,
Вот уж в Пруссии они...

Как-то в марте иль в апреле
Косу на ночь заплела
И сдержаться не смогла:
Повздыхала у постели,
В руки зеркальце взяла
И сказала:
«Удружи,
Свет мой, зеркальце, скажи:
Я ль на свете всех милее,
Всех дородней и белее?»

И ей зеркальце в ответ:
«Прежней свежести уж нет!
Похудела ты, Наташа,
Подурнела, радость наша,
Отдохни, не надорвись,
Красоту поберегла бы:
Без нее и жизнь не в жизнь,
Без нее куда вы, бабы!»

Ой, как вспыхнула Наталья!
Ой, как вскрикнула Наталья!
Не ждала такого зла
От когда-то дорогого,
Ныне лживого, слепого,
Окравившего стекла.

«Сгинь, — и топнула ногою. —
Я найду себе другое.
Вот пройдет война, мой свет,
Поглядим тогда, — сказала, —
Лучше я иль хуже стала,
Будут сватать или нет.
По всему, не знаешь ты
Настоящей красоты».

Радость, как ее ни ждешь,
Все негаданна, нежданна.
К нареченным да желанным
Из-за моря-океана
Воротилась молодежь.
Сердце, что ли, озарилось,
Как победа подошла,
А Наталья расцвела:
Словно чудо совершилось —
Лучше стала, чем была.

Зеркальце глаза открыло
И нередко со стола
Виновато говорило:
«Ты, Наташа, верх взяла!»

1944-- 1945

МЫ ЕЩЕ ПОГОВОРИМ

В том году мы приглашали
На уборку горожан,
Жали сами — не дожали:
Выше росту урожай.

И была потом пирушка —
В ряд на тридцать два стола.
В том году к рукам Аньушка
Тракториста прибрала.

Я другому полюбилась.
Хорошо гуляли с ним,
Только я перегордилась
Перед миленьким своим.

Говорю ему:
«Обидно,
Что какой-то ты такой
Незаметный да невидный,
Небаженый, небаской.
У подружки вон какой!

Он тебе и на собранье
И на праздниках в чести.
У тебя, мол, ну ни знаний,
Никакой учености.

За подол мой не цепляйся
И не висни на руке,
Нынче ж в город отправляйся,
Приобщайся к технике».

И ушел он.
Год без мала
Проучился. Я одна.
Как скучала, тосковала —
Знают поле да луна.

Хоть и парень,
Хоть мужчина,
А послушался, ушел...

Привезла его машина:
Он в кабине — сам большой.

И, гляжу я, — изменился,
И ученым багажом
Предо мною загордился...
Ладно, думаю, ужо!

Говорит:
«Хлебнул, не скрою,
Я за партой маяты,
Но зато дороже стою,
Знаю технику...
А ты?

Вон на жнейке жнет Анюшка, —
Говорит, — и ты тянись,
Обставляет, мол, подружка!..»
Ладно, думаю, гордись!

А сама — скорей в правленье:
«Председатель, будь родным,
Дай на курсы направленье!
Мы еще поговорим!»

• • • • •

НЕВЕСТА

Диким хмелем завито крылечко,
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть лопатой ягоды греби,
Хоть ведеркой черпай рыбу в речке.

Все — под окнами, с деревней рядом.
И в таком краю,
В таком раю
Девушка — очей родных отрада —
Проводила молодость свою.

Но вокруг на сотню верст и дале
Ни избы — осина да ольха,
И в колхозе многие вздыхали:
Где найти царевне жениха?

Где найти ей парня молодого,
Равного по нраву и уму?..

Год проходит,
Наступает новый —
Ей одной как будто ни к чему.

Все тоскуют, ей и горя мало,
Не упала ни одна слеза.
До зари бригаду поднимала,
На кофейной гуще не гадала...

Но пришла пора —
И к ней в леса
Стали заявляться издалека
Молодец знатнее молодца,
Будто все проездом, ненароком
Останавливались у ее крыльца.

Ни забот невесте, ни печали —
Выбирай любого жениха...
Но опять колхозники вздыхали:
С молодыми долго ль до греха!

И опять судили да рядили, —
От забот старушки без ума,
Словно сами замуж выходили...

Только на нее не угодили:
В Вологду, в Москву ль? — не уследили —
Отбыла за суженым сама.

1939

А В Д О Т Ъ Ю Ш К А

Ночь темна и звездами богата,
За селом опять костер горит:
Рожь — в сусеках, яровина ската,
И шумят всю ночь в полях ребята,
И поют девчата до зари.

Рано спать Авдотьушка ложится —
Только смеркнет над деревней свет, —
Рано спать ложится,
А не спится:
Молодежь танцует, веселится —
Ей, запечнице, покоя нет.

По всему району варят пиво.
Друг у друга девушки гостят,
Ничего им, нынешним, не в диво:
Платья носят — синий шелк с отливом,
Для любой — гармошка на растяг.

Ничего Авдотьушка не знала,
Обряжала не свои дворы,
Столько горюшка изгоревала,
Что хватило б на десятерых.

Не любилось, даже не плясалось...
И теперь бы выйти ей на луг,
Да, чтоб все вокруг заулыбалось,
Попросить девчат:
«Попойте малость,
Ожила Авдотья — шире круг!»

Вот она какая на народе!..
Но былую не воротишь стать.
И болит спина — опять к погоде...»

А девчата ходят в хороводе —
Никакой погоде не унять.

1939—1940

СКАЗОЧНИЦА

До глубокой старости
Дожила сердешная —
Не видала радостей;
Душу сказкой тешила.

Сказки полуночные,
Времена досельные...

...Реченьки молочные,
Берега кисельные.

Зapasаясь на годы,
Из лесов низинами
Носят чудо-ягоды
Полными корзинами.

За горами-кручами
В старости не старятся,
На пески сыпучие
С неба звезды валятся.

Есть в стеклянной будочке
Золотые бабочки,
На хрустальном блюдечке
Наливные яблочки.

Эта всяка-всячина,
Самобранки-скатерти
На замки висячие,
На запоры заперты.

И хранят их черные
Силы несусветные...

Есть ли тропки торные
В те края заветные?

Где жила — не ведала,
Что вокруг — не видела,
Дальше поля дедова
Не бывала с выдела.

В ноченьку кромешную
Убивалась старая:
«Приюти мя, грешную,
Господи, устала я.

Оборви постылую
Жизнь.
Желаю малого...»
И господь могилою
Бедную пожаловал.

Гроб сосновый сделали,
В лес дремучий вывезли,
Под березы белые
Крест сосновый вынесли.

Смертыньки выпрашивала,
Чтоб спастись от бремени...

Дожила б до нашего
Золотого времени!

Новыми бы сказками —
Не про ведьм и лешего,
Новыми побасками
Ты внучат потешила.

1938—1940

НАСТАСЬЯ

На окраине села,
Белый свет не засты,
Одинокая жила
Женщина Настя.

Одинокая, безродная,
Не худая, не дородная.

Промышляла чем могла:
Для чужих варила пиво,
Угостят — сама пила,
Если свадьба где была —
Хлебы белые пекла
Всем на диво.

Нет еды — пойдет в лесок,
С кузовком грибов вернется,
Иль на озере часок
С удочкой побьется,

Иль за мельницей в силок
Рябчика изловит,
Тут же птицу в котелок —
Суп себе сготовит.

У соседа дом, как дом,
У Настасьи — банька,
Закуток... Но есть и в нем
Лавка и лежанка.

Чести мало?
Что ей честь!
Было б только что поесть.

Да, сказать по правде, Настю
И в расчет не брали власти.
Неогляден белый свет, —
Где таких бобылок нет!

Так тихонько и жила,
Никого не обижая.
Словно б людям не чужая,
И своею не была.

Стали Настю звать в артель,
Заявила:
«Вы в уме ль?
Кур смешить на склоне лет?..
Силы нет!
Здоровья нет!»

Досаждать не стал народ:
Пусть себе одна живет!

Все ж в осеннюю страду
Попросили выйти в поле.
Обозлилась:
«Не пойду!
Если будете неволить,
Я до Сталина дойду».

Началась война с Германией,
Народная война.
На деревне провожания
С восхода до темна.

Мимо баньки, мимо окон
Пролегает пыльный путь...
А Настасье одинокой
Даже не о ком всплакнуть.

Не о ком погоревать,
Не о чем поговорить.
Свадеб нет — не пировать,
Пива некому варить.

Бабы писем с фронта ждут,
Почтальонам нет покоя,
А Настасье — от кого ей? —
И поклоны не идут...

Бабы спать ночей не стали,
Все заботы о войне:
Рожь убрали, пар вспахали...
А Настасья — в стороне.

В поле едут чуть светает,
Лен теребят дотемна.
Вот и осень наступает...
А Настасья все одна.

На душе нехорошо,
Грех один с такой душой.
И однажды в день ненастя
На гумно пришла Настасья.

«Бог на помощь!»
«Слава богу».
«Как живется?»
«Понемногу».

Покряхтела, поглядела,
На снопы ржаные села,
Запустила руку в рожь.
Шум в ушах иль сердце ноет?..
Барабан гудит и воет,
Слов никак не разберешь.

«Видно, бабы, я слаба,
Одолела худоба.
Может, мне размяться, бабы?
Может, в пользу молотьба?
Подавать снопы могла бы.
Не помочь ли, бабы?»

«У тебя ж здоровье слабо!» —
Отвечают бабы.

«У меня здоровье слабо,
Но теперь война идет.
Ну-ка, дайте место, бабы,
Расступись, народ!»

Ой, как ладно сноп ложится,
Не привод поет — душа!
«Хороша, соседки, ржица!»
«Мы не хаем — хороша»

До заката потрудилась,
Постонала и ушла.
Поутру — скажи на милость! —
На гумно опять явилась
И еду с собой взяла.

«Как живется?»
«Понемногу».
«Как дела?»
«Да слава богу.

Снова, что ли, на работу?»
«А неужто не гожусь?
Только знайте: по охоте,
Без политики тружусь».

«Понимаем!» — говорят.
«Принимаем!» — говорят.

Полилось потоком снова
Золотистое зерно.
Пыль над током да половы,
Кажется, горит гумно...

И спустя полгода власти
Похвалили даже Настю...

Уж война проходит вроде,
У Настасьи в сердце свет.

Из артели не выходит,
Говорит:
«Желанья нет!»

Говорит:
«Не буду доле
Мыкать горькую нужду.
А погоните неволей
Я до Сталина дойду».

1944—1945

ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА

Очерк

В новом рабочем клубе,
Светлом от свежих плакатов,
Пахнущие опилками,
Землей и зерном,
Чуть свет
Пильщики и крестьяне
Сошлись намечать кандидатов
В Верховный Совет Республики,
В народный Верховный Совет.

• • • • • • • •

«Я предлагаю выбрать
Авдотью Петровну в Совет.
Лучше льновода, верно,
В целом Союзе нет.

Вот она, всем родная,
С нами сидит у стола.
Слава ее трудовая
Землю всю обошла.

Авдотья выходит в поле
По золотым часам.
На кофте Авдотьи орден —
Калинин вручил ей. Сам.

Думаю, будет Авдотья
Зашитницей наших прав,

Высказывайтесь, товарищи,
Прав я или не прав».

К столу, на ходу охорашиваясь,
Подружка Авдотьина вышла,
Пояс на ней, что радуга,
Как звездочка, брошь светла.
Поверх голов посмотрела,
Прикинула, будет ли слышно, —
Людей, чай, не меньше тысячи, —
Откашлялась и начала:

«Нынче моя парочка у всех на виду,
И я об Авдотье речь поведу.

Жили мы дружно — ничто нипочем,
Дело поднимали одним плечом,
Горе плечом и нужду плечом,
Пахота, жнива ли — все нипочем.

Но был один случай — скажу о нем.
Лен теребили мы за гумном.
Встали на лен, а лен не по мне:
Я даю десять, она — вдвойне.

Ласточки еще не кружат в полях,
В небе ни облачка, след на траве,
Спит, как убитая, вся земля,
А мы уж на льнище. Обе-две.

Дали по кофте нам — в бабочку шелк,
Ситцу нам дали — все хорошо!..
Только мне в поле — хоть не ходи:
Я — сто снопов, она — впереди.

Что, баю, за чудо. Как быть-стать?
Думать решила да примечать.
Взяло за живое, жить не дает.
День прошел, два прошло, три,
И вот

Стал-таки праздник на моей стороне:
Она дает десять, я вдвойне,
Она ставит сотню, я полторы...

Ну и повыхаживалась я в те поры!
Песен заодно с Евдокией не пою,
Чаю из общей заварки не пью,
Лен отказалась стлать сообща...

А подружке хочется все по душам:
«Что ты, словно дуешься, злишься все,
Что ты, — бает, — пароцька, сердишься?»

Я себе ломаюсь да форс задаю...
Но стали мы работу сдавать свою,
Вывалили мой из предбанника лен —
Старики довольны: лен как лен!
Привезли Авдотьин — мой на смех.
Лен у Авдотьи... что тебе снег!
Щупом перещупывают каждый сноп,
Лебедь белоперая — каждый сноп.

Я — к Евдокии:
«Что за ленок!
Сколько лежал? В какой воде мок?»
А она смеется:
«Форс-то брось!
Надо наперед расстилать не врозвь.
Я ли не звала тебя? Где ты была?..»
И, как бывало, к себе повела,
Чаим поит меня, с медом поит,
Книгу показывает.
«Вот!» — говорит.

Нынче Авдотью знает страна.
Наша Авдотья во всем видна.
Бабы — от нас и до Чухломы —
«Как, мол, Авдотьюшка, так и мы!»
Нет подходящей в Совет лица.
Выберем Авдотью.
Справится!»

• • • • • • • • •

За красным сукном президиума
Сидят мастера-пилоставы,
Сидят мастера-колхозники,
Пильщики — в два ряда.
На самом краю скамейки,
От выступающих справа,
Сидит Евдокия Петровна.
Скуласта. Немолода.

Не робость — чего робеть ей? —
Но жажда томит, нет мочи.
И так завсегда, лишь станут
О ней на миру говорить:
Пересыхает горло,
Глотнуть бы хотя разочек,
Хотя бы один глоточек,
Хоть губы смочить — не пить.

Графин стоит в отдаленье.
Наверно, как лед, водица!
Но надо тянуться... Авдотье
Припомнился случай один:
Вот так же в Кремле сидели...
Такие ж родные лица...
Когда, захотев напиться,
Она потянулась к графину,
Ей... Сталин подал графин.

Сначала она оробела;
Потом, одолев смущенье,
Оглядываясь на соседей,
Несмело графин взяла
И, поклонившись, села;
Держала графин на коленях
Да улыбалась от счастья;
Но пить уже не смогла...

Сутулясь и чувствуя, что немеет,
Авдотьин муж на трибуну взошел.
«Товарищи! Я говорить не умею...»
Из зала:
«Работаёшь хорошо!»

Слова эти круглые, словно колеса,
Ему подсказали: кругом свои!
«Товарищи, я про жену свою...»
«Просим!»
«...Про все обтолкую, как член семьи.

Вот тут одобряют Овдотьино имя,
И надо народу знать обо всем:
Как нам жилось при старом режиме,
Как при колхозном режиме живем.

Жили мы с ней — ни себе, ни богу.
Баба деляга, но я ее,
Прямо скажу... колотил немногого,
Так... за нерадостное житье...

Было положено: за недороды,
За мор — за все отвечать жене.
Баба жила в стороне от народа,
Прямо скажу, по моей вине.

Но вот наступил советский порядок,
Здесь стали строить лесозавод.
Вижу, всему жена моя рада,
Вижу, свою она линию гнет.

Начал колхоз осушать болота —
Грязь, комары, по суткам дожди;
Прямо скажу, не сладка работа,
А Евдокия опять впереди.

Когда ее стали знать в исполнкоме,
В обкоме
И взяли в Москву на слет,
Я думал: теперь полушенок заломит
И от моих от ворот — поворот.

Ничто. Повстречалися честь по чести.
Обид не имею, в семье совет,
За все мы беремся с Овдотьей вместе,
И мне, как мужчине, зазору нет,

Она понимает душу людскую,
На все у нее свой сердечный суд.
И я за свою жену голосую
И парню родному скажу: голосуй!»

• • • • • • • •

Авдотья глаза опустила:
«Пошел муженек хвалиться!..»
Лежат ее крупные руки
Рядком на краю стола.
Опять, как на сенокосе, —
Хотя бы глоток водицы!
Сейчас выступать заставят,
Ей жажды губы свела.

Тогда, осторожно поднявшись,
Она из-за стульев выходит,
Не утерпев, потянулась
К графину издалека.
Но кто-то графин забирает,
В стакан наливает воду,
И вот по рукам к Авдотье,
Сверкая, плывет стакан.

1937

СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

Евдокии Григорьевне, моей матери

Нет, не вернется мой брат с войны.
Что нашей матери в горе поможет?
Может, слова совсем не нужны,
Просто поплакать лучше, быть может?

Дружен, широк был семейный стол,
Правильной жизнью жили ребята.
Мама! Ты знаешь, за что он шел
И почему стал храбрым солдатом.

Матерью Родину звал свою,
Имя твое в огне окрыляло,
А пощади мы себя в бою,
Что бы с Отечеством нашим стало!

Легкого счастья на свете нет,
Все окупается потом, кровью.
Пусть в твоем сердце не гаснет свет,
Не оскудеет душа любовью.

Имя тебе — солдатская мать.
Слезы и боль с тобой разделяя,
Знаю, как трудно сына не ждать,
Верю и в силу твою, родная.

Перед бедой не согнем спины.
Вспять не пойдут широкие реки.
Русская ты, и твои сыны
Крепостью Родины будут вовеки.

1946

ВСЯ — СКАЗКА ТЫ

Злате

Хмелит не бражный полдень, не вино.
Могу ль тобою, светлой, не гордиться?
В твое ветрам открытое окно
Глядится небо и не наглядится.

Пройдешь по снегу — и растает снег,
Где постоишь — побеги прорастают,
Черемухи у затененных рек
Перед тобою головы склоняют.

Смеяться станешь — зацветут цветы,
Взгрустнешь — росой покроются долины.
Вся — сказка ты,
Вся — сновиденье ты,
В сиянье дивном — вся запев былинный.

В какой бы дом далекий ни зашла,
Везде своя ты,
Всем равно родная.
Твоим друзьям под солнцем нет числа,
Поет весь лес, тебя, как день, встречая.

Кто мог услышать голос твой хоть раз,
В тяжелый час обрел твое участье
И заглянул в глубины синих глаз,
Тот знает радость,
Знает силу счастья.

Все небо светлым полымем полно,
В лесу лучится каждая вершина.
В душе тобою все озарено —
Любовь моя верна и нерушима.

1943—1944

* * *

Слова-то красивого
Не подыщешь наскоро.
Как назвать мне милого
Задушевно, ласково,
Чтобы всем понравилось,
Чтобы в песню ставилось.

Что там ни загадывай —
Лучше нету пары мне.
Приголубить надо бы,
А слова все старые.
Назову ль соколиком?
Ненаглядой? Ягодой? —
Ласково, но только
Не такое надо бы.
Долей облюбованной?
Светиком? Касатиком? —
Тоже не по-новому,
Не его касательно.
Дролечкой? Державушкой?
Солнышком? — все дешево:
Не такая славушка
У мово хорошего.

Девушек поспрашивать бы, —
Может, у подруженек
Имя подходящее
Найдено для суженых.

Или лучше вечером
На кругу с баянами
Подойти доверчиво
К самому желанному,
Прямо в сердце светлое
Стукнуться отважиться
И слова заветные,
Сразу сами скажутся.

1936

М Е Т А

Что со мною деется?
Сон меня сторонится;
Сущая безделица,
А какой становится!

В море вышел дролечка,
В северное плаванье,
Ножиком на елочке
Памятку оставил мне.

«Зарастет, — сказал он мне, —
Штормы не помилуют:
Не прийти мне к гавани,
Не увидеть милую».

И томлюсь я, девица,
И кожу на кручи я...
Сущая безделица,
А совсем измучила.

Каждодневно заново
Надрезаю мету я.

Море океаново,
Даль-дорога светлая!

Жив ли, где он по миру
Бродит? — молви что-нибудь!

Ходят волны по морю,
Ходят тучи по небу.

Дуют ветры свежие,
А не видно дролечку...

Неужели срежу я
Напрочь нашу елочку?!

1936—1937.

* * *

Шла я нынче заимкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь зайнька
Вывертов наделал.

У плетня у каждого,
С умыслом ли, нет ли,
Вересок обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер.
До чего ж закручены
У милого речи!

Просто заливается —
До того хлопочет.
А о чем старается?
А чего он хочет?..

Я сноровку дикую,
Заячью-то, знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

1936

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНÉЕ

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки — головки горят,
Брошка ча ковте, пуговки в ряд,
Цветики на ковте.
Добер наряд!

А выуга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сумет,
Снег повсюду — не видно дров,
И вовки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревет...

А девка на лавке веревку вьет,
Веревку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку на Новый год!

«Вейся-повейся, крепка, ловка,
Вейся, свивайся на смерть вовкам.
Справлю обновку, взамуж пойду —
На эту веревку лиху беду,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка подружкой была,
Чтоб не терять мне девичью стать,
С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров,
Чтобы со славой да с пользой жить,
Солнышку нашему не заходить.
Вейся ж, свивайся...»

А выуга ревет.
Девка на лавке веревку вьет.

1935—1936

С В А Т О В С Т В О

С. В. Шириной

С водкой да с орехами
Сваты понаехали.

Думаем, на этот раз
Оберут до нитки нас.
А у них губа не дура:
У стола стоят стеной,
Краснословят, балагурят,
Подбираются к одной.

Все хлопочут об одной,
Об Алене Фоминой.

У людей в делах сердечных
Вкусы разные, конечно,
Но об ней наперебой
Говорили:
«Девка — бой!»

В стольной Вологде и дале
Фомину Алену знали:
Красотой и всем взяла,
За собой людей вела!
Но у нас такая девка
На колхозе одна была.

Невеселые дела:
Положенье — к богу в рай!
Плачь, а сватов принимай.

На колхозное правленье
Заявились все селенье.

Председатель изнемог:
Гомон, крики...
Что звонок? —
Колокол бы не помог...

Бахтиковых две семьи,
Бауковых три скамьи,
Два угла одних девчат —
Хоть кого перекричат.
Каблуками о пол бьют,
Сватам ходу не дают.

«Чтобы нашу-то Аленку
В чужедальнюю сторонку?!
Не таковский мы народ.
Всем укажем поворот.

Обобрать решили нас?
Председатель, дай приказ,
Пусть найдут себе другую...»

А сваты и в ус не дуют:
«Увезем — и кончен сказ!»

Мол, самою Фоминой
Обещание дано.

Не шутя завечерело,
А не двигается дело,
Тени пали у крыльца, —
Солнце явно не хотело
Канителить без конца.

Председатель виновато
Стороной от сватов-хватов,
От скамеек стороной,
Под шумок поднявшись с места,
Сам направился к невесте:
Дела этого по чести
Не решить без Фоминой.

Он приходит к Фоминой.

Фомина готовит чай.
«Золотая, выручай!
Весь народ к тебе с поклоном:
Без тебя и свет не в свет,
Замуж нам тебя, Алена,
Выдавать расчета нет!»

Фомина глядит серьезно,
Достает платочек звездный
И помахивает им:
«Что ж, пока еще не поздно,
Я не прочь — поговорим.
Может быть, каким советом
Помогу тебе,
Но, чур, —
Мне по нраву парень этот,
Ни за что сама на свете
С ним расстаться не хочу.

Сделай так, как научу...»

За деревней, над прудом
В две недели вырос дом
Широченный, пятистенный —
Восемь окон,
Две избы —
С телефоном и антенной,
С целой выставкой резьбы,
С палисадом и двором —
Загляденье, а не дом.

Днем на этом новом месте
Разместил колхоз невесту.
А под вечер на закате
Кто в телеге, кто верхом
Наши сваты —
Тоже хваты! —
Подались за женихом.

Пригласили жениха:
«Соглашайся без греха.
Никакой тебе помехи, —
Дел в артели — за глаза...»

Согласился,
Переехал,
Даже слова не сказал.

1939

ПУГОВКА

В доме окраинном, при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припоминая.

«Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему пожала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — этак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи,
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
«Пальто прими!..»
Нашего люду полнехонько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрою кепкой хлестнул по колену,
Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила и — марш за сцену.

Полы раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:
На левой поле
Средней пуговицы нехватает.

Перепугалась я: — пуговки нет!..
И отпороть от жакетки решила
Да толстой ниткой — на много лет —
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила. От всех тайком.
А пуговки были разного сорта:
Моя — негладкая, с ободком,
И потемнее — меньшее потерта.

Заполночь все рас прощались с ним.
Пуговки Ленин моей не заметил,
А мне приятно:
Даже родным
Не говорю о своем секрете.

Много ли, мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:
Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В длинном, приметном своем пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость!
Вижу: потертое... самое то...
Черное...
Сердце мое забилось,
Остановилась, сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине:
Пуговка — самая та, моя,
С левого боку посередине...

Дали такой же снимок и мне.
Рамочку я резную достала,
Дома повесила на стене,
И до того хорошо мне стало!

Гляну тихонько на Ильича —
Он улыбается: что, мол, хитрить то!..
Вижу, вся тайна моя открыта:
Значит, заметил, только смолчал,
Что пуговка-то моя пришита».

НА СЕМЕЙНОМ ПРАЗДНИКЕ

Скатерть белая постлана,
Рюмки тонкие полукругом,
На столе бутылка вина —
Золотое сиянье юга.

Солнце ходит по всей избе.
Песня радио — неба шире.
Самовар закипел,
В трубе —
Тоже песня, словно в эфире.

У колхозницы Ильиной
В новом доме семейный праздник.
Много в жизни праздников разных
И сегодня — не рядовой.

Белых шанег целый поднос
Напекла
И пивка сварила:
Двадцать лет, как она вступила
Заодно со всеми в колхоз.

Стулья сдвинуты,
Две скамьи....
«Ну, садитесь, дети мои!»

Шестерых подняла она
Уж в районе старшие служат,
Хоть осталась рано без мужа,
Все хозяйство вела одна.

Сохранила силу и стать,
Взгляд остер,
И легка походка,
Ничего, что седая прядь.
Марфа Павловна не молодка,
Но старухой нельзя назвать.

Разрезает свежий пирог,
И семья вокруг стола садится:
Дочь-невеста,
Дочь-ученица,
Средний сын
И еще сынок.

В рюмки налитое вино
Солнцем в зайчики заиграло.
Первый рюмку пригубил малый
И, как взрослый, сказал:
«Хмельно!»

«Не спеши! —
Упрекнула мать.
Показала на подоконник: —
Приглуши-ка лучше приемник,
Я хочу два слова сказать.

Трудодней у нас набралось,
Почитай, за тыщу, ребята.
Льном и мясом артель богата,
Электричество завелось,

В закромах немалый запас.
Что ни год — веселей живется.
Обо всем,
О любом из нас
Сам товарищ Сталин печется.

Без его участья дела
Так в колхозе разве пошли бы?
От меня, от всего села,
От народа ему спасибо.

Для колхозников никого
Нет роднее на целом свете.
Так давайте же выпьем, дети,
По-домашнему
За него!»

Марфа Павловна подняла
Рюмку звонкую,
Встала с места.
С нею Дуня — дочка-невеста,
И другие вокруг стола.

Нет угла и в лесной глухи,
Где б за ваше, товарищ Сталин,
За здоровье
От всей души
Первый кубок не поднимали.

Слава правды светлее звезд.
Бесконечно был задушевным
Этот
В дальней лесной деревне
Старой матери первый тост.

«Двадцать лет, родные мои,
Как деревня колхозной стала.
Я иной судьбы для семьи
Никогда бы не пожелала.

Жизнь раскрылась во всей красе,
Радость люди в труде познали.
В люди каждого вывел Сталин,
И теперь мы большие все.

Дуня, ты уж взрослой была,
Помнишь, как без отца остались?
Страшно, сколько я слез лила,
Испугалась,
Судьбу кляла...»
«Помню, мама,
Мы все боялись».

«Все-то все,
Но откуда знать
Вам про старую вдовью долю:
Все одна —
И пахать, и жать,
И косить, и стога метать,
Да еще — к кулаку в неволю.

Я ревела, как встарь велось,
Как от бабушки научилась:
«Солнце ясное закатилось,
Сердце навек оборвалось...»

Причитала:
«Несет Двина
В море Белое вдовьи слезы,
И от слез вода солона,
Круглый год в кораблях она,
Круглый год не стынет волна —
Не берут наших слез морозы...»

Но соседи пришли с утра.
«Что ты, Павловна, успокойся,
Ничего, говорят, не бойся,
Не погибнешь,
Не та пора!»

Если б Сталина мне хоть раз
В жизни вдруг повидать случилось,
Я бы в пояс ему поклонилась
За себя
И за всех за нас.

«Осчастливили вы народ!...»
И о том бы еще сказала:
Страшной вдовьей доли не стало,
Не пускаем с сумой сирот».

Младший, Петя, смотрит на мать
Не по-детски серьезным взглядом.
«Мама, слушай, мне тоже надо
Хоть разок его повидать.

Слова два бы только сказать...»
К Пете вся семья повернулась.
Мать ответила, не улыбнулась:
«Можно, милый, и повидать.

Но сперва должно заслужить.
Всем его повидать охота.
Надо очень много работать,
Очень правильно надо жить.

Не жалеть для народа сил,
Хорошо сначала учиться,
А потом в труде отличиться,
Чтоб народ тебя полюбил.

Чтоб от всех тебе был почет,
Чтоб героем тебя назвали,
И — такого
Товарищ Сталин
Сам тебя в Москву позовет.

Счастья этого, кровный мой,
Надо с малых лет добиваться.
Вот за то, чтоб с ним повидаться,
Мы сейчас и выпьем с тобой».

«Почему же с Петей одним? —
Повставали с мест и другие, —
Видеть Сталина все хотим!» —
«Будьте счастливы, дорогие!»

День к концу.
Почтальон принес
Две газеты, две телеграммы.
Сыновья поздравляли маму:
Именинник нынче колхоз!

Приглашая сесть на скамью,
Мать несет стакан почтальону:
«Праздник стольный, — поздравь семью!»
Почтальон ответил с поклоном:
«В пятом доме сегодня пью.

Если б к случаю вдруг пришлось,
Я бы выступил с предложеньем,
Чтобы день этот всем селеньем
Отмечать —
Сообща, не врозвь».

«Всяко можно! —
Смеется мать. —
Но тебе ж будет меньше чести.
В каждом доме не пировать...

Вот что я хотела б узнать:
Можешь к Сталину здесь, на месте,
Телеграмму от нас принять?»

«Можно, думаю... Ничего!..»
Ильина написала,
Вручила:
«Праздник нынче и у него!»
И сама приемник включила.

Вижу:
Красная площадь. Луна.
Над Кремлем неоглядные дали.
Льется тихий свет из окна.
Телеграммы читает Сталин —
И от Павловны есть одна.

1949—1950

ПЕРВЫЕ
ПИСЬМА

РЕЧКА И ТРОПКА

Течет речка лугами,
Течет речка лесами,
Над ее берегами
Ивняк нависает.

На песок, к переправам
Опускаются птицы,
Чтоб побегать, поплавать
И водицы напиться.

Вьется речка, струится,
Мох вокруг да морошка.
Вместе с речкой змеится,
Вьется стежка-дорожка.

Все изгибы, изломы
За водой повторяет,
То темна, словно омут,
То под солнцем сияет.

Речка в реку вольется,
Тропка станет дорогой —
И пылит и несется
За водою широкой.

Море реку приветит,
Разнесет по раздолью,
Синим светом осветит,
Просолит своей солью,

А дорога вокруг моря
Ляжет с кручи на кручу.
Даже в этом просторе
Их ничто не разлучит.

Полюблю — тропкой стану,
Буду мчаться дорогой
За рекою широкой,
За тобой — к океану.

1944

* * *

Что нам тысячи километров!
Имя вслух мое назови —
И домчится, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повей.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую, оживу.

1943

* * *

Очень много солнечного света,
Над землей стоит голубизна.
Кажется, в сиянье разодета,
Изнутри земля освещена.

Над высоким берегом пушинка,
Как звезда далекая, плывет,
Солнцем смотрит каждая былинка,
Каждый камень птицею поет.

Мимо сосен, и дубов, и туи
С сизых скал срываются ключи,
Водопад — светящиеся струи,
Солнечные брызги и лучи.

Золотыми зыбкими столбами
С облаками лес соединен.
Над морским раздольем,
Над песками
В миражах высокий небосклон.

Очень много солнечного света,
Будто счастьем все озарены.
Думаю:
таким — зимою? летом? —
Будет окончание войны.

Заблестят слезинки на ресницах,
Флаги, флаги вскинутся вдали,
И в твоей улыбке отразится
Все сиянье неба и земли.

1943

* * *

Если б ты в реку упала,
Я бы достал до дна,
Мне и морского вала
Силища не страшна.

Если б в тайгу, в берлогу
Зверь тебя уволок,
Я бы нашел дорогу
Даже из ста дорог.

К девятирогому змею
Я бы просек пути,
Даже из рук Кашея
Смог бы тебя спасти...

В реку ты не упала —
Тут ни при чем вода;
В сердце ты мне запала,
Мне — не тебе беда.

И глубоки ли реки!
Сердце не им подстать:
С этого дна вовеки
Мне тебя не достать.

1945

* * *

Скрутит тебя любовь,
Пальцы сожмет на горле —.
Не беспокой докторов:
Есть лечебные корни.

На волоках ищи,
В заводях незнакомых,
В хвойной грибной глуши,
В травах и буреломах.

С лайкой, с дробовиком
Рыскай вдали от дома,
Чтоб беспробудным сном
Спать потом на соломе.

Море переплыви,
Исколеси отроги,
Ноги в кровь изорви...
Дальние дороги
Вылечат от любви.

Но не болезнь любовь:
Плачут, когда болеют,
Губы кусают в кровь,
Вылечатся — жалеют.

1946

* * *

Пожелай — и останусь навеки
Чабаном на твоем берегу,
Полюблю эти шумные реки,
Эти синие горы в снегу.

Согласись — и в лесные просторы,
В глухаринные дебри умчу.
Где-нибудь на Двине, на Печоре
Сам избу для тебя сколочу.

Раем будет мне ельник дремучий...
Хочешь, место сама выбирай.
Но — решись, не молчи, не мучай,
Хоть чего-нибудь пожелай.

1945

ВСЕ РАССКАЖИ

Все расскажи ей, хоть и страшно,
Когда признаешься в любви,
Об увлечениях вчерашних, —
Припомни все и назови.

О неприглядном, о случайном
Сказать не сможешь — напиши,
Чтоб недомолвками и тайной
Не бередить ее души.

Увидит, слезы осушая,
Чем жизнь твоя озарена,
Что настоящая, большая
Любовь, как подвиг, — вот она!

И — как живой воды пригубит,
Иль — словно крылья отрастут.
А если примет, значит, любит,
В твою поверит чистоту.

1946

* * *

Опять не пришла. Не под силу мне.
Дышать скоро будет нечем.
Уж я ли не ждал, не торчал в окне
Меж двух косяков весь вечер!

Да, ветер дул и дождь моросил...
Но, если б ты из дома вышла,
Наверное, вечер бы слез не лил,
Дорога бы не раскисла.

И, если б сегодня встретились мы,
Такое бы совершилось,
Что, может, и не было б вовсе тьмы
И солнце бы не садилось!

1945—1946

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном kraю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою

И вышел в чащу, разминая плечи,
И жмурится —
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждет со мною новой встречи,
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь, и услышу ясно
И сосен стон густой
И взлет стрига.
Запахло мхом и ягодой...
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

Пройдем пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.

Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Охотничьи побаски и рассказы
Из мертвых, верно, могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спины.
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины,
За Вологдой,
А мне покоя нет.

1549

ПРОГУЛКИ

Листья гремят под ногой, как жесть,
В голый березник спустилось небо,
Клюква поспела, брусника есть,
И закрома не вмещают хлеба.

Золотом вся земля устлана,
Кажется, сосны и те пожелтели,
Желтой соломы гора у гумна —
Лучше для отдыха нет постели.

Пальцы твои черны от грибов.
Сколько корзин мы за день набрали?
Нет, не молчали мы,
Но про любовь
Так ни словечка и не сказали.

Разве весна лишь время любви?
Глаз от тебя отвести не могу я.
Губы твои в брусничной крови —
Не уберечься от поцелуя.

Как мне назвать тебя — ясный свет?
Хочешь, казни меня,
Хочешь, милуй:
Верно, чего только осенью нет,
Но для чего богатство без милой?

1944

ВСЕ В ТЕБЕ МНЕ ДОРОГО

Нынче наши нелады
И не вспоминаются.
Пред лицом большой беды
Мелочи стираются.

В блиндаже, в чужой избе
Иль под хвойным пологом
Вспоминаю о тебе —
Все в тебе мне дорого.

Все любимые черты,
Странности и слабости,
Вся нетронутая ты
Мне мила до радости.

1942

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечерком
За реку
По лаве перекошенной,
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый, неношенный.

Шел и думал:
Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновою.
Хохотнула хитрая вода
И накрыла голову бедовую.

Девушка милого заждалась,
Стала думать всякую напраслину,
Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную,

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На берег тропой, росой вечернею.

Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку — горюшица:
«Чтобы этим желтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запружена.
Чтоб тебе, неладная, ни дна,
Ни покрышки за разлуку с суженым.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести...»

Вычерпала девушка реку,
Иль река не стала худославиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами...

• • • • • • • •

Если б жены нас любили так,
Нас водою не разлить бы с женами.

1939—1940

З В Е Р О Л О В

Рыжий парнище сел на пенек,
Семечки жареные шелушит.
Сосны шумят промеж двух дорог.
Складный да ладный такой паренек:
Руки —
Медведя за горло душить

И корчевать на нови пеньки,
Ноги — по мерке сапог не найти...
Как опаленные мотыльки,
С губ на траву шелуха летит.

Он неподвижен.
А перед ним,
Косы развеяв по ветерку,
Девушка — белое с золотым —
Белкой сидит на низком ску.

«Ах, — говорит, — до чего ж он мил! —
(И зверолова глаза опустил.) —
С вами не страшно,
За вашей спиной
Я бы смеялась над сатаной.

Вы сатану согнете в дугу.
Ну, поведите ж меня в тайгу,
В выломки, в глушь, под хвойный навес,
Это же вотчина ваша — лес».

Рыжий чуть слышно мычит:
«Ага! —
Роет песок носком салога,
Перестает шелушить меледу
И отвечает: —
Не поведу!»

Но продолжается разговор.
«Слышала, вы по родне — помор.
Вам с измалетства своя — волна,
Кровь ваша, как волна, солона.

В море, когда зашумит прибой,
В море возьмите меня с собой.
Парус свистел бы, а я несусь...»
Парень чуть слышно мычит:
«Боюсь!»

Девушка смотрит ему в глаза
И удивляется: вот бирюк!..
Мимо, треща, летит стрекоза,
Дикие пчелы гудят вокруг.

Как этот увалень ей смешон:
Пятится, жмется средь бела дня.
«Что вам бояться?
Такой большой.
Ну, проведите в горы меня.

Там, говорят, и медведи есть,
Ходят к подножью малину есть...»

Словно заслышав страшную весть,
Парень краснеет, сжимается весь.

Мелкою дрожью дрожит рука.
Смотрит на девушку:
Как легка!
В пуговках вся, в стеклянном огне...
И не сидится ему на пне.

Если теперь пареньку запеть —
Склонится бор, засвистят стрижи,

В чащу пойти —
Никакой медведь
Лучше и глаз ему не кажи.

Так у него вся душа горит,
Словно кто шепчет ему:
«Не трусь!..»

Долго на девушку он глядит
И говорит ей:
«Тебя боюсь!»

1940

* * *

Я тебя не хочу встречать.
Я тебя не хочу любить.
Легче воду всю жизнь качать,
На дороге камни дробить.

Лучше жить в глухи, в шалаше, —
Там хоть знаешь наверняка,
Почему тяжело на душе,
Отчего находит тоска.

Буду лес вековой рубить,
В мозглой тундре топи гатить...
Я тебя не хочу любить.
Если б мне тебя позабыть!

1945—1946

* * *

Да, дни твои не будничны, не серы,
И свет идет от твоего лица,
Живешь легко, ни в чем не знаешь меры,
То слезы льешь, то песням нет конца.

В лес заберешься, птичьим трелям вторя, —
Самой назад дороги не найти.
Домой везешь цветные гальки с моря,
А чемодан теряешь по пути.

И в радостях и в горе неприворна.
Люблю твой взгляд, и смех, и почерк твой.
Вся — сказка ты, вся — песня ты, бесспорно...
Но до чего ж мне трудно жить с тобой.

1945

ВОСПОМИНАНИЯ

Любимая! Все с тобою —
Работа, семья, досуг.
Всю жизнь меня с поля боя
Тебе выносить, мой друг.
Пряма и светла дорога,
Над нами одна звезда,
Душа с твоего порога
Не просится никуда.
И надо ли нам бояться,
Что сердцу покоя нет
И часто обоим снятся
Волнения прошлых лет!

В голодные дни блокады
Среди баррикад и могил
Во фронтовом Ленинграде
Я девушку полюбил.
Ей дали топор и заступ —
Работала за троих.
Мешали тяжелые косы —
Она обрёзала их.
Пальто сменила на ватник,
Мужские надела штаны.
Цынга ей шатала зубы —
Она не ушла с войны.

Такой красоты и силы
До той поры не видал.
И пусть я ни разу «милой»,

«Своей» ее не назвал,
Но голову с любовью
Я перед ней клоню,
И этой любви великой
До смерти не изменю.

Родная! Не надо бояться,
Что сердцу покоя нет
И часто нам встречи снятся
Давно отошедших лет.

1942—1947

ОЖИДАНИЕ

Спи, не тревожься, на зорьке разбудят.
Я продежурю ночь до конца.
...Мальчик иль девочка это будет?
В мать ли пойдет,
Иль будет в отца?..

Спи!.. А какое бы выдумать имя —
Новое, светлое?..
Бьют часы.
...Сын или дочь — одинаково примем.
Думаю, все-таки будет сын.

Звездным сиянием, лунной порошкой
Полночь лежит у резного крыльца.
...В мать ли, в отца ли — будет хорошим.
Все-таки, думаю, будет в отца!

1937

О ДРУЖБЕ

Печальна участь одинокого,
А нелюдимого — вдвойне
Во время странствия далекого,
В дни испытаний,
На войне.

Пусть радости необычайные
Вдруг оживят его порог,
Покажется еще печальнее,
Что он друзей нажить не смог.

Все не под силу: дом не выстроить,
Хорошей песни не сложить;
Самой земле и дня не выстоять —
Как без друзей на свете жить?

1944—1946

ПЕРВЫЕ ПИСЬМА

Елене Первенцевой

1

Никогда не поздно встретиться,
Расставались не навек.
Где теперь моя ровесница,
У каких озер и рек?

По лесам-полям скитаешься,
Чемоданчик — весь багаж.
Отчего не догадаешься,
Вести сердцу не подашь?

Неужель и в пору темную,
В тишине,
Наедине
Хоть разок меня не вспомнила,
Не вздохнула обо мне?

1937—1938

2

Ни покоя тебе, ни просто
Тишины —
Берега кипят,
И вода шестибального роста
Обдает с головы до пят.

Утром гребни белее мела.
Скрип камней прознобит насквозь,

Свет морской пронижет все тело,
Ветер выстудит каждую кость.

И уже никуда — угрюмый
Или радостный — не уйдешь,
Никуда не уйдешь от шума
Этих волн и прибрежных рощ —

Ни в ущелья Урала, ни в пади
Вологодских трущоб —
Никуда!

Так — от самого первого взгляда,
Покорившего навсегда.

1936

8

Шумит, деревья гнет гроза.
Засну, укроюсь —
Может статься,
Твои любимые глаза,
Твои улыбки мне приснятся.

И лоб, и нежная рука,
И волосы приснятся, может, —
Так грозовые облака
На кудри темные похожи,

Так этот дальний свет зарниц
И вспышки молний по краю
Глубинный блеск из-под ресниц
Мне иногда напоминают.

В грозу, как в детстве, спится мне.
Дождям и грому нет отбою.
Я засыпаю, и во сне
Встречаюсь с прежнею тобою.

И пробужденье хорошо:
Все стихнет,
В каплях засверкает,
Как будто солнечный пушок
В прозрачном воздухе летает.

Кругом светло и широко...
Поднимешься,
Расправишь плечи,
И на душе легко, легко,
Как после настоящей встречи.

1938

4

Тяжело оставаться одному.
Сколько лет прошло — тебя все нету.
Как барсук в норе, сидел в дому,
Думал: не промолвлюсь никому!
Не стерпел, пустил тоску по свету.

Предо мной земля как на виду,
Сверстники везде и побратимы,
Даже с полюсом я речь веду...
А своей любимой не найду,
Не могу найти своей любимой.

Коль одна живешь в чужом краю,
Отзовись, я клятвы не нарушу,
В прах все расстоянья разобью...
Если ж не одна, тогда мою
Отпусти на покаянье душу.

1939

* * *

И что из того, что уходят года
И не было в жизни спокойного дня,
Что стали страшить дожди, холода! —
Как солнечный свет, как живая вода,
Твоя любовь для меня.

А горе бывало так велико —
Размолвки, обиды давили грудь...
Но как это все теперь далеко!
Да разве живая вода легко
Давалась кому-нибудь?!

1946

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Лежал песок, и солнце пекло
Рыхлое желтое темя.
Щепотку одну запаяли в стекло,
И вот:
Земля измеряет время.

Завод у часов на минуты — не дни,
Но время под нашим началом:
Стечет песок — часы поверни,
И станет конец
Началом.

И кажется мне, что и я таков:
Вечером сле сидишь на стуле,
Падаешь в полог мертвым, без слов,
А утром поднимешься — жив-здоров,
Словно перевернули.

Может, и смерть такая придет:
Друзья наготовят тесу,
А смерть тебя, как часы, повернет —
И снова несется за годом год,
И нету тебе износу.

1939

ХУДОЖНИК

В открытые настежь четыре окна
Брывается шум водопада с плотины...
Он ходит по комнате.
Дверь... Стена...
Косится на мертвый кусок полотна:
Картина готова... и нет картины.

Как будто разгадка уже близка:
Вот, кажется, несколько солнечных линий —
И рамка сосновая будет узка,
И стены дыхание неба раздвинет,

И ветер ударит по проводам,
Как в сказке вздохнут берега, расступаясь,
И, словно с плотины, хлынет вода
К ногам с полотна,
Журча, как живая.

Но краски не светятся, память молчит,
И время с утра уходит без проку.

А в роще по листьям скользят лучи.
Ребята горланят у самых окон.

На берег выходит толпа девчат,
Передники в крапинках волчьих ягод...
Он хочет захлопнуть окно, закричать,
Чтоб не мешали...
Но вот они рядом.

Они уже в комнате... на полотне...
И вдруг озаряется вся картина.
Так лес поутру проступает в огне
Зари,
Так сияет улыбка сына,

Так дерево крепнет от вешних смол,
Поля молодеют, дождями омыты...

«Нашел! За палитру, за кисти!..
Нашел!»

И хорошо, что окна открыты.

1936—1937

* * *

Мороз расписал оконные стекла,
И сказочной стала моя изба.
Пред этой искусствой работой поблекла
Резьба по кости, по бересте резьба.

На темном стекле, что на негативе, —
Как перья фазаны лежат штрихи.
Чтò, если б не таяло!
Диво на диве:
То горная круча, то речка в разливе,
То звезды, то ласточки, то лопухи.

Не этой ли индевью, росписью этой
Кудесников Палеха дышит кисть?
Взгляни на узоры морозные к свету,
В пушок, в завихрения эти взглядишь.

Тоскуешь о море —
Увидишь море,
О доме тоскуешь —
Увидишь дом:
Уставшую мать в цветастом убore,
Старинный колодец на сельском угore,
Четыре березы под самым окном.

Грустишь, что навек расстался с любимой, —
Глаза ее хлынут в сердце твое,
И станет она ощутимой и зrimой,
А ветер, а выюга, летящие мимо,
Напомнят и голос грудной ее.

Дивлюсь на стекло, поднявшись с рассветом,
И не дыша, стою перед ним...

Не так ли читаем любимых поэтов:
Находим все,
Что найти хотим.

1939

МАТЬ СЫН
поэма

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как быстро в лето перешла веона!
В аудиториях запахло сеном.
Легко ли усидеть до перемены:
У самого окна шумит сосна,
Такая над рекой голубизна,
Что, кажется, просвечивают стены.

Как стрелы, в небе носятся стрижи.
Галдят грачи и галки над оградой.
За город вырваться хотя бы на дены!
А тут корпи — зачеты, чертежи...
И появлялись на полях тетрадей
Речушки, елочки, суслоны ржи.

Желанья разные — кому куда
Хотелось выехать: страна богата,
Везде хотелось побывать ребятам.
И вот рвались в большие города,
К морям —
Ужель там небо да вода?
К горам —
Ужель и впрямь земля горбата?

Василий сдал последний свой зачет,
И что-то вдруг напомнило дожинку,
Последний сноп.

Теперь бы квасу кринку!
Друг путешествовать его зовет:

Взять лески, лодку, парус и — в поход,
Как в песне, — по теченью, к устью Юга,
В Устюг Великий,
В вычегодский угол...

Но тянет к матери,
Уж третий год
Родная сына на побывку ждет.
Тоска по сыну тяжелей недуга.

Всегда больная, в вытертом платке,
В дырявом домотканном сарафане,
Работала она от росной рани
До звезд полуночных,
И перед кем
Не кланялась, робея? Перед кем
Не плакалась?
Спала в чуланах, в бане...

Искала счастья.
Где его нашли?
Состарилась под окнами чужими,
И лишь на кличку отзывалась. Имя
Свое забыла.
Все в роду блюли
Закон: не поклонившись до земли,
Поганки, мухомора не подымешь.

Когда кончалась страдная пора
И пробиваться маме было нечем —
Они ходили вместе по дворам,
И вместе жили, вместе спали там,
Где заставал бездомных зимний вечер.

И он, Васек, Васютенька, ей был
И утешеньем в жизни и надежей,
Что вырастет и матери поможет,
Не сглазили бы лишь его судьбы...

Порой на печке у чужой трубы
Она молилась богу:
Дай ты, боже,

Чтоб хоть Васюту жизнь поберегла,
Ведь все по-новому пошло недаром:
При новой власти можно комиссаром,
А можно стать учителем, дела
Шли по-людски б, она бы зажила —
Корову бы доила, лен пряла,
Своим обзавелась бы самоваром.

И чтоб сынка в детдом устроить, мать
Не раз ходила в город, хлопотала.
Но без него сильней затосковала.
Сын, правда, стал учиться...
Да ведь мало ль?
К добру ли? Да пробьется ли — как знать?

Василий рано начал понимать,
О чем она молилась и вздыхала.

И вот он вынул вещевой мешок,
Взял хлеба, сала — не мала дорога!
На подбородке пощипал пушок
И вслух сказал:
— Готов! Чего еще? —
Но в голосе его была тревога.

От матери шли письма редко. Мать
В последний раз писала, что на свете
Еще есть бог, что бог ее заметил
И что теперь ей нечего желать:
Старик, к которому ходила жать, —
Вдовец Михайло, — вдруг надумал взять
Ее в хозяйки, в жены,
Сам приветил;

Что у нее теперь есть свой домок,
Весь двор мычит утрами и кудахчет,
Жизнь муторная кончилась.
Сынок

Теперь вернуться к матери бы мог,
О нем лишь об одном она и плачет.

Сначала с пылу сын решил: ему
Игти нельзя к ней — мать кулачкой стала.
(Кого-кого — Михайлу с детства знал он!)
Но любящее сердце подсказало:
Батрачит, верно, как и встарь. К тому ж,
Видней все будет после, на дому;
Он должен повидать ее сначала.

Василий был суров не по годам.
К чужим попавший чуть ли не в пеленках,
Напоминал он людям иногда
До срока выпавшего из гнезда
Драчливого лихого ястребенка.

Но сколько раз ему заговорить
О матери своей ни доводилось —
Его лицо печальным становилось:
Умел жалеть он, помнить и любить.

Нет сил в родных местах не побывать.
Что за малинники в заречье были!
Решил письмо ребятам показать,
Друзьям своим.
Друзья как отрубили:
— Ты ей не сын! Она тебе не мать!
В детдоме жили мы с тобою?
Жили!

Дружили, породнились?
Еще как!
Так что же ты о нас-то не подумал?
Чтобы тебя, как гостя, встретил враг?
Чтобы с тобой беседовал кулак?!

Спать, есть пойдешь под крышу толстосума?..

Легко сказать: ты ей теперь не сын,
И, дескать, матерью своею брошен!..
Все так: в детдом голодным и босым
Он взят был, как зайчонок с полосы,
И жизни раньше не видал хорошей.

Но брошен ли?
Не верится, чтоб мать
Вдруг повернулась к новому спиною.
Нет, мать забыть, что Родину предать.
— Пойду! — решил он, —
Где ребятам знать,
Чем связан он с родимой стороною!

Решил — и легче стало. Башмаки
Проверил: топать по корням, по лужам;
Встряхнул мешок — ремни еще послужат.

Стрекочут за обоями сверчки.
Грачи над рвом, над садом у реки,
Над опустевшим техникумом кружат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Смолью сдобренный воздух.
В реках дна не достать...
Верю, рано иль поздно
Дома буду опять.

Мох застелет дорогу,
Колеи не найти, —
Дятлы стуком помогут
Мне не сбиться с пути.

Белки с ветки на ветку
Сквозь густую тайгу
Пряником на разведку
Впереди побегут.

И волшебный помчится
Тонкой пряжи клубок,
Чтобы я закружиться
В буераках не мог.

А зимою холодной
По дороге домой
Тем клубком путеводным
Будет сердце само.

Каким большим он помнил этот лес,
Какой широкой представлялась пашня,
Где столько всяких тайн,
Во рву укромных мест,
Где было все живым
И все полно чудес,
Знакомым с детства, дорогим и страшным.

За кузницей глухой овраг, а там
Ютились ведьмы, оборотни, звери.
Какие? — кто видал. Судили по следам,
По запахам болот.
Он верил всем богам,
Всем шорохам ночным, ветрам и сказкам верил.

Поют, как раньше, по садам скворцы.
С ветвей рябин свисает паутинка.
Ребята рвут на грядках огурцы
Незрелые — в пупырышках, в ворсинках.

Здесь радостей не видел он, кругом —
Труд беспросветный да нужда лихая,
А не было милей на свете края.
О, детство незлобивое! Все — дом!
Все — свой порог!
Все — сторона родная!

Мальчишества беззлобная пора!
Как нас ни унижали, как ни били,
Все ранние обиды мы забыли,
Когда в былое отошло вчера,
Остались в памяти лишь вечера,
Когда мы рыбу на реке ловили,
Да смех и шум в полях, да запах трав,
Да лес, в который по грибы ходили.

Зеленый свет без края, без конца...
Василий шел деревней, как в тумане.
Спустился под гору.
Последний дом с конца...

С ведром сходила женщина с крыльца
В узорчатом широком сарафане.

Взглянул, вгляделся — можно ль не узнать?
Но все не веря долгожданной встрече,
Он бросился к колодцу:
— Мама! Мать! —
И стал ее неловко целовать
И обнимать ее сухие плечи.

Ведро с руки слетело и, стуча,
Гремя о камни, покатилось в яму.
И вот уж собралась толпа девчат
И баб невпроворот, и все кричат,
И все галдят и хлопают руками.

— Вот повезло!
Сама, виши, привилась
К готовому, и парень вышел в люди.
Но Аграфена слушать пересуды
Не стала, гостя за руку взяла
И мимо баб в хоромы провела,
Как будто золото несла на блюде.

— Входи, Васютенька, входи, сынок!
Тут все свое. Вот явится родитель...
Амбар, и двор, и этот теремок
Никто, как бог,
Никто, как муженек,
Радетель наш построил, вызволитель.

Смахнула кофточкою слезы, пот
И усадила сына в красный угол.
— Поверишь ли, Огреной не зовет,
Графинюшкой все больше, то-то вот...
А уж тебя, бывало, ждет-пождет:
«Сын у меня, грит, коммунист в округе!»

Василий слушал, думал, что сказать...
Смотрел на мать:
Согнулась, исхудала,

Но что-то есть тревожное в глазах...
— Здорова ль, мамонька?..

...А с год назад
Огрена у Михайла поле жала.

Он овдовел, Михайло. (Почему? —
О том лишь богу да ему известно.)
«Как жить тут, — говорил он, — одному:
Хлеб не сдал — штраф,
Не вышел в лес — в тюрьму!
Ну, прямо — перекинь на горб суму
И уходи —
В родной деревне тесно».

Нет, кулаком себя он не считал:
Ведь — дом как дом...
Ну — пять коров... ну — лошадь...
Он обхожденьем славился хорошим.
Работал сам,
Работе цену знал,
А батраков держал двух-трех, не больше.

Году в двадцатом в бане за двором
Домашнюю устроил мыловарню,
За обученье знающему парню
Платил позеленевшим серебром,
За мыло рожью брал.
И крепнул дом.
До двадцать третьего все шло куда с добром,
Но донесли, и он, захлопнув банию,

Подался в волость продавцом служить.
«Усушка» выявилась, — он — в контору,
«Утечка» обнаружилась — он скоро
В деревню перебрался. Так и жил:
Пил только за компанию, дружил
С людьми из города,
И шел тихонько в гору.

Да ждал войны, ох, как он ждал войны!
Стрельба из-за угла не увлекала,
Считал безделками ее — все мало!

Власть у Михайлы корни подрубала,
Ему безделки были не нужны,
Так мстить хотел, чтоб вся земля пылала.

Когда же беднота его взяла
За ворот, надо было примениться
И к ней, и хоть жена не рукавица,
А сбросил все же: баба умерла,
Чтоб мог Михайло заново жениться
На самой худородной из села.
Огрена сразу словно ожила:
Еще бы замуж ей не согласиться!

Не счесть, сколь вымыла она полов
И синяков на теле износила —
Все без толку, зазря пропала сила;
А сколько хлебушка измолотила,
А сколько скотных обошла дворов,
Каких коров по найду не доила!

И ни единой кринки молока
Себе не надоила, хоть дрожала
Над каждой каплей, все казалось мало;
Телят выхаживала — ни телка
Себе,
А сколько жала — под бока
Себе
Снопа соломы не нажала.

И вдруг такая с неба благодать,
Такая вдруг удача привалила!
Огрена для приличья погрустила
И согласилась.
Сыну написать
Решила тут же: больше, мол, страдать
Нужды нет, приезжай, мол, Вася милый...

Все было просто:
Поутру на стол
Михайло, покрестившись на икону,
Бутылку водки вынес,
Стол обмел

И — тут народ, случилось, подошел —
При всем честном народе, по закону,
С собою рядом посадив Огрену,
Неторопливо сватовство повел:

— Коль зло какое было — зло забудь.
Входи, Огrena, правь и будь как дома,
Будь Аграфенушкой, графиней будь,
Не казачихой¹, а хозяйкой будь
В амбарах, в погребе, в моих хоромах.

Из загса к вечеру вернулись — он,
Еще не раздеваясь, от порога
Ей указал на три угла икон:

— Благодари Христа,
Чти мой закон,
Чти благодетеля,
Молися мне и богу.

А через две недели снарядил
Ее в совет.
Она три дня ходила,
Ревела и Калининым грозила,
Чтоб твердое заданье снято было.
Добилась. И Михайло поступил
На службу — «по призванью» — в Союзмыло.

Огрена воевала за свое.
Хозяйкой став впервые, как в угаре
Она жила. По вечерам в амбаре
Разглядывала мужнино белье,
Как будто само счастье. Все ее?..
Ужели все в дому теперь — ее?..
А сколько же гербов на самоваре?

А что за печкою?
Что под доской?
Что в сундуках и что за сундуками?
(Все сундуки стояли под замками.)
Походит, шкаф потрогает рукой,

---

¹ Казачиха — на Севере работница, батрачка.

Усядется на стуле, на другой
Переберется, пожует губами...

На двор пройдет.
В корыте, как в гробу,
Разлегшись, боров стонет — стой и слушай!
Петух поет.
Привязанный к столбу
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Завидовала всем,
Сама теперь
Она завистников бояться стала.
Порою глухо по ночам стонала
И просыпалась. Проверяла дверь:
«Жизнь!.. Кобелю домашнему не верь...»
Баб к своему колодцу не пускала.

Чужого пса бранила: «Чтоб ты сдох!»
Второй замок привесила к ограде.
Все нынче есть, что Аграфене надо:
Был сарафан — теперь ей мало трех.
Был бог, — как и у всех крещеных бог, —
Теперь их два:
И вышний бог не плох,
Она земному все же больше рада.

— Что мы живем?! Не велика семья,
А пять коров... Да, ну-ка, посчитай-ка:
Пяток овец, три борова, свинья,
Две казачихи...
И над всем-то я,
Я, Вася, надо всем сама хозяйка.

Заторопилась, скатерть постлала,
Сходила нарвала на грядках луку.
— Тебе яиц или свиного туку?
Уж так-то плакала я, так ждала!.. —
Пошла в чулан.
Но словно обожгла
Скоба ее трясущуюся руку.

«Закрыто...» Застыдилась:
— Сам большой!
Ключи-то взял. А я, все я хранила! —
И заметалась. Уронив горшок,
Котенка пнула: —
Брысь, нечиста сила! —
Окно открыла: — Бабы, сын пришел.
Уж так-то ладно все да хорошо...
Но в избу ни одной не пригласила.

«Пол только топчут...»
Бабы разошлись.
Василий поглядел в окно, на крыши,
На небо серое, что крыш не выше,
И муку матери, — какая это жизни! —
Вдруг ощутил, как стон глухой услышал.

Иное счастье грезилось ему
И мать хотел устроить по-другому.
Не лучше ли уж снова ей суму
Носить, чем дохнуть в этом «терему»,
Копить добро, служить всему чужому?..

А мать — за стол.
Расправила ладонь,
Стол потрепала, как коня по крупу.
— Есть у меня, Васютка, в стойле конь:
Меня увидит — ржет, чужой — не тронь..
Ну, прямо, Вася, человек — не конь,
Яга от зависти б сломала ступу.

Уж и не помню вот — по скольку в час:
Хвост — в подгоре, а грива — на угоре...
— Что ж, покажи!
— Да... стойло на запоре.

Вошел слепой. Сказала:
— Бог подаст! —
Но передумала. — Который раз

Б о л ь ш о й, б о л ь ш а к — г л а в а с е м ьи, д о м а; б о л ь ш а-
т и х а — х о з я й к а д о м а.

Пришел? — спросила. — На! Молись за нас! —
И задержалась взглядом, как на воре.

— Сколько этих нищих ныне развелось —
Проходу нет! Отколь? — скажи на милость.
Трудились бы, так нет! Глядят, небось,
Как бы кого обчистить довелось...

Огрена набожно перекрестилась.

Под вечер тьма настала — хоть убей,
Ни зги не видно.
Стихло так, что слышен
Был писк мышей и шум тепла в трубе.
И вдруг ударил ливень по избе,
Как будто стаи сизых голубей
Затопотали по железной крыше.

Промокшие до нитки, до костей
Продрогшие, в залатанной одежде
Вбежали девушки. Таща пестерь,
Вошел и сам.

— О, бог послал гостей!
И я до радости под старость дожил.

Он был, как сыр, невиден, но глазаст,
С раскинутыми крыльями — руками
И с носом птичьим, только над бровями
Морщины громоздились пласт на пласт;
Такому если бог чего не даст,
Он сам добудет, станет рвать зубами.

— Так, значит, проживаешь в городу? —
Заокал он Василию. — То гоже!
Кому чего положено в роду.
Ты на окладе, стало быть? Я тоже,
Да небольшой вот дом еще веду.

«Вот, — думал он, — еще одна рука
В районе, да, пожалуй, и в Совете.
Сынок — не лишнее для старика:
Чуть что не так, — глядишь, за все ответит».

— Огренушка, подай-ка огурцов,
Да водочки остаточёк! —
И вынул
С ключами из-за пазухи кольцо. —
Я, стало, довожусь тебе отцом?
Ну, что же, — рады коммунисту сыну.

И, разместившись у окна, повел
Спокойную и умную беседу
Об устроенье жизни, о победах
Большевиков, о том, что власти, мол,
За то, чтобы крестьянин в гору шел,
Старался бы...
Но не порок и бедность;

О том, что вот со жнивой чуть просрочь
И спелый колос все зерно обронит,
Что «ономедни подошли помочь
Племянницы... Еще ночуют ночь...»
И тут Михайло подмигнул Огрене.

Он выдал ей —
(«Такой сегодня день,
Давай-ко, оборачивайся, делай!») —
Яиц, тучку и даже мучки белой.
И вот забрызгало и зашипело,
Запело сало на сковороде.

Подав на стол, Огrena за шестком
Остановилась, на Василья глядя:
«Сыночек мой! На старости награда...»
Сын вдруг заметил: мать не за столом.
«Боится, что ли?»
— Мама, сесть бы надо.
— Да вы-то кушайте! Я что... Я так... потом...

Михайло — тоже:
— Что ж ты? — И перстом
Ей указал на лавку, с сыном рядом.

Когда пора настала гостю спать,
Он ей сказал:
— Сынок-то шел дорогу...

Ты постелила бы ему кровать.
Мы на полатях будем ночевать. —
Огрена радовалась и молилась богу.

А сын невесел будто. Почему?
Стесняется, наверно...

Звонким лаем
Собак, возней кошачьей за сараем
День начался... Теперь они в дому
Вдвоем остались, и она ему
Сказала воровато:
— Запрягаем!

Из стойла вышел длинноспинный чорт,
Косясь на желтую в медяшках сбrouю.
Огрена хвалится:
— Смотри-ка, вот,
Хозяина глазами так и жрет.
«Дай ногу!» — скажешь —
Ногу подает,
«Подай другую!» —
Подает другую.

Все, сколько было на селе собак,
Как волки, вынеслись за тарантасом,
К колодцу ткнулся, обезумев, хряк,
Когда лихой, подтянутый рысак
Пошел плясать, гремя утробным басом.

Деревня с визгом жалась к стороне.
Взлетала над ухабами корзина.
Огрена правила сама: коней
Она любила; муж ушел, а ей
Давно задумалось потешить сына.

— Ходи, ходи, Сапуля, тереби! —
Молила шопотом она сквозь зубы. —
Пляши, родимый, топай, толстогубый!.. —
Мелькали палисадники, столбы,
А небо то вставало на дыбы,
То опускалось на сады, на трубы.

Горяч рысак — не патяни вожжи.
«Вот на таком невестой выезжать бы!..»
И вспомнила Огрена свою жизнь,
Украденную молодость во ржи —
Постыдную несправленную свадьбу.

И так дышала, словно никогда
Уж не дышать ей больше.
Лошадь взмокла...

Зло огрызались бабы у пруда,
В домах сердито закрывались окна.

Но сын как будто ничему не рад,
И взгляд какой-то пристальный, недобрый:
В хлев не зашел, не осмотрел двора,
Как будто в них ни пуха, ни пера,
В ограде — ни телеги, ни оглобли.

Михайло был покладист, как вчера:
Ждала, ругать начнет, —
Он все одобрил.

Пылью избы занесло,
Свищет ветер в поле,
И на сердце тяжело,
Тяжело до боли.

Ждет Василий, чтоб гроза
Освежила лето.
До того болят глаза,
Что не видно света.

Будто пыль со всей земли,
Все пески, что в поле,
Прямо на сердце легли —
Тяжело до боли.

В деревне было сто дворов. Кругом
Леса и пашни.
В три ряда — посада

Тянулись избы с трех полей на холм,
И здесь был центр села, «угор»; на нем
Часовня с куполом; как всякий дом,
Она имела палисад, ограду,
Скрипучую калитку с петухом,
Две-три березки и колодец рядом.

Сюда по праздникам, по вечерам
На круг, на пляску девушки сходились;
Здесь на досуге мужики судили,
Когда косить, когда пахать пора;
Охотники похвастаться любили —
Они всегда на сказки мастера...
Ходил к часовне этой и Василий.

Как свой — к соседям.
И, казалось, все
Раскланивались с ним по-свойски, просто:
Уж он не нищий,
Да и не подросток.
— Василий Николаич, вы совсем
В деревню к нам иль в гости?
— В гости, в гости!

Все шло как надо.
Только замечать
Василий стал, как иногда в беседе
Нехорошо вдруг бабы замолчат,
Иль засмеется кто-то из девчат,
Закашляются старики соседи.

«Что ж, мол, Михайло... может, и кулак,
Но человек же... Ничего, гостите.
А впрочем, сами — вам видней! — смотрите,
Судите сами — что к чему и как...»

Иные просто не скрывали зла,
С его приходом становились строже:
В глаза глядят, но как из-за угла,
А шутят так, что — холодок по коже.

И уж совсем не шли дела на лад,
Согласья не было с Петром Валовым.

Оп у Михайлы много лет подряд
Батрачил и «наследника» был рад
От всей души уесть веселым словом.

— Как вас теперь — на «вы» или на «ты»?..

...В селе Валова звали «Долог-Тонок»:
Что весла — руки,
Ноги — что шесты,
Бездомный, беднота из бедноты,
Покладист и доверчив, как ребенок.

Изведав много горя на веку,
Петр об одном лишь сожалел немало,
Что старость близко, и уж, как бывало,
Не грохать на угоре каблуку,
А бабы нет своей;
Что мужику
Жить без хозяйки как-то не пристало.

На сотню верст в окружности Валов,
И запевала и плясун когда-то,
Невест немало разных пересватал —
И старых дев
И даже старых вдов
С коровами, а чаще без коров,
Да только всем хотелось жить богато,

И за него боялись выходить:
«Веселый, — говорили, — да не сытый;
И сруб — не дом, коли стоит не крытый...»
Лишь горничная сельской попадьи
Его пригрела на своей груди,
Но Петр и от нее ушел побитым.

Большая, мягколапая, она
Мурлыкала:
— С тобой не жизнь — веселье! —
И сладко пахла липкой карамелью. —
Я буду, Петенька, твоя жена,
Но только музыка еще нужна,
Чтоб было все на нашем новоселье.

Есть у Михайлы старый граммофон;
Труба, что колокол, в трубе вся сила.
Я на твоем бы месте согласилась
Три года проработать — есть резон!
Ну, а Михайло не поспорит, он
За два отдаст...
Уж я договорилась.

Петр две страды за граммофон трубил,
Весь обтрепался, словно старый лапоть,
Ворочал тяжести с утробным всхрапом,
Пни корчевал в полях, дрова рубил,
Но в чем-то под конец не угодил,
И девка назвала его растяпой...

— ...Так как же вас — на «ты» или на «вы»? —
Он спрашивал Василья. — Сделай милость,
Скажи! —
(И парню жутко становилось) —
Михайле не сносить бы головы,
Когда б Огрена с ним не породнилась.

А с вами он и вовсе не кулак.
Мы тут мечтаем о колхозном деле,
Так вы бы о Михайле порадели.
Пишите заявление:
Так и так,
И мыловары, мол, нужны в артели.

Иль так порою начинал Валов:
— Ну, как наследство? Принял все по форме?
Теперь тебе, я думаю, тепло,
Поди, свининой да блинками кормят? —
И сам как захоочет...
...Тяжело!

Любил Михайло летом перед сном
С цыгаркой сесть на бревна под окном.
Ни голосов вокруг,
Ни ветерка...

Василий следом за Михайлом вышел.

— Зачем, — спросил, — женился ты на нищей?
Ну, ко двору ль она у кулака?
Для выбора округа велика —
Ужель невесты не нашел почище?

Михайло брови поднял. Желваки
Вдруг заиграли:
— Что вы! И в помине
Здесь этих псов, — сказал он, — нету ныне.
Ну, что у нас, в лесу, за кулаки?
Мы от всего такого далеки.
Уж коли есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

Я линией партийной дорожу.
Батрачки — говорите? Я их сроду
Не нанимал. Племянниц вон держу,
Так — от добра...
Я, как и вы, служу,
Вы сами понимаете, — народу...»

Ночь летняя светла и коротка.
Прошла к колодцу первая старушка,
Из ничего рождались облака,
Как будто чья-то сильная рука
Строгала небосклон и по бокам
Охапками раскидывала стружку.

За палисадом вздрогнул первый лист...
Михайло встал.
Узнал он, что некстати,
Зря, попусту слова и время тратил.
— Ты, стало быть, еще не коммунист?! —
Сказал Василию он. — А речист...
Ну, что ж... Светает. Посидели...
Хватит!

Когда в дому раздоров не изжить,
Кто может горе матери измерить?
Огrena плакала и не могла поверить,

Что Васенька в семье не будет жить.
Как ей хотелось всех перемирить!
Михайло, правда, смотрит прямо зверем,

Но сын-то, сын!.. Ему бы все — добром,
Ведь до какого счастья парень дожил:
К нему по праву перейдет весь дом
И утвердился б он навеки в нем
С женою работящей да пригожей.

Не радуется. Чем его пронять?
И уж она и так, она и этак,
И про коров ему, и про коня...
Молчит — и только. Васю не узнать.
— На что, сынок, теперь тебе пенять?
Не любо, что завидуют соседи?

Молчал Василий.
Что он мог сказать?
Какую мог пообещать ей малость?
А надо отстоять ее, отнять...
Учебы две зимы еще осталось.
Еще два года — и он смог бы взять
Ее к себе, чтобы утешить старость.

И, выбрав время, с наступленьем тьмы,
Обняв ее, заговорил он прямо:
— На кулака позарилася, мама?..
Иль нет другой дороги от сумы?
Иль думала — не справиться самим?
Нет, жизнь не та... травы не ниже мы... —
Огрена брови сдвинула упрямо.

— С ума ты спятил!
Где здесь кулаки?
Их в нашем крае нету и в помине,
Мы от всего такого далеки.
Уж если есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

А мой большак — какой же он кулак?
Мужик, как все, и никого не хуже...
Живет на жалованье — стало, нужен.

Он, Вася, праву нашему не враг.
Михайло служащий, а не кулак:
При месте он, и сам народу служит.

— В народе-то о нем и говорят,
Что он не служит, а народ, мол, грабит.

— От зависти, Васюта, лают бабы,
От зависти.

Михайло, виши, богат,
Вот и завидуют. Народ-то сам бы рад
К себе в домок, Васюта, каждый рад, —
Да ведь не бойки и умишком слабы.

— «Племянницы», — Василий наступал, —
Лишь у одних у кулаков бывают.

— И, полно, сын! Как будто я не знаю:
И каждый бы работницу держал,
Да ведь не выдюжить, достаток мал;
Ну — зло берет...
Вот бабы-то и лают.

Василий матери не узнавал.

Михайло слышал все и был вдвойне
С Огреной утром ласков:
Звал «Огрешай»,
«Моей графинюшкой», «моей хорошей»...
Ключи ей передал, сказал: «Жене
Всем володеть, коль будет жить по мие». —
И потрепал, погладил по спине,
Как верную объезженную лошадь.

Но вечером, узнав, что ополдня
Огрена жарила селянку сыну
И вынесла из погреба свинину,
Он в дом вошел, косясь, весь свет кляня,
Шипел, подталкивал ее, гонял,
Совал костищым кулачищем в спину.

— Беда двору, коль кура запоет
По-петушиному.
Жена, что кошка,

Пусти за стол и наживешь хлопот.
А тут еще какой-то обормот
Не ждан не зван пришел к тебе, и вот
Ему — кровать,
Ему — большая ложка.

Огрена сникла: в угол за шесток,
Как в щель, забилась. Даже не всплакнула,
Лишь на глаза надернула платок.
Василий думал:
«Может, впрок урок, —
Глаза откроются...»
Но мать вздохнула
И отошла, ни слова не сказав.

А только стихла ругань, и лохматый
Муж, двинув стол, залез под образа, —
Покорно, по-собачьи, виновато
Огрена глянула в его глаза,
В зеленые Михайловы глаза,
И бросилась греметь в печи ухватом.

Василий даже отступил назад:
Чужою показалась мать, горбатой.

Но как же плакала она потом,
Когда одна осталась! Причитала,
Как будто спорила с собой, вздыхала,
Шла в погреб с кипяченым молоком,
Да не дошла, к поленнице припала
И растирала слезы кулаком.

Вся жизнь пред ней, как пустошь за двором
Крапивная — в колодинах и в ямах:
Все до вершка завалено камнями.
Дня не было, чтобы прошел добром...
Все втоптано,
Все полито слезами.

И литься им да литься... На куски
Душа изорвана...
Ей страшно стало.
Как бы теперь к сынку она припала
И плакала бы, плакала с тоски,

Так много накопилось горя, жалоб...
Из милостыни лучшие куски
Он для нее откладывал, бывало.

Сын видел все, и вот уговорить
Решил ее поехать вместе в город.
— Ты, мама, будешь в общежитье жить,
Со мною вместе,
Там начнешь служить:
Белье стирать, полы мести и мыть;
Картошку сможешь летом посадить;
Потом... Колхозы в селах будут скоро.

И я ученье кончу. Положись
На сына, мамонька. Пойдем, родная!
Тебя Михайло изведет, замаест...
У матери слеза в глазах дрожит.
— Васютенька, сынок!.. Опять к чужим?
Уж лучше здесь мне как-нибудь дожить.
— Но, мамонька, да ты и здесь — чужая!

Мать выпрямилась, словно защищая
Последнее, чем радовала жизнь.

Глаза отерла.
— Ты ослеп неуж?!
Михайлу хоть бы зря не худославил,
Он мне опять вон сарафанчик справил.
— Он, мама, царь и бог...
— На то и муж.
— Зачем же бьет тебя он?
— Бьет по праву.

Чужие били — не могла дышать,
А свой-то бьет, так будто и не лихо.
— Все от тебя закрыто.
— Он — большак!
— Батрачка ты!
— Нет, Вася, — большачиха.

На гумнах, за дворами, по домам
Давно одни ходили разговоры:
В хомут Огрена сунулась сама,

И сын — набрался в городе ума! —
Туда же лезет,
Там же будет скоро.

Василий горячился, но в ответ
Шутили да плечами пожимали,
Мы ничего, мол, слыхом не слыхали,
До ваших дел нам вовсе дела нет...

По деревням заем распространяли,
И днем пришел Василий в сельсовет,
Чтоб и ему, как всем, нагрузку дали.

Небритый председатель за столом,
Загородив спиною целый угол,
Сидел один, потея, как над плугом,
Над сводками, где на числе число:
Все с революцией к нему пришло,
Лишь арифметика давалась туго.

Василья встретив, он оставил счет.
— А! Знаем! — говорит. — Как поживаем?
Ведь вот что значит власть-то трудовая:
Образованье каждому дает.
Ну, как вы там? Ученье как идет?..
Наслышались: приехал и живет,
Мол, у Михайлы... Или врет народ?
Или не врет он?
И Михаила знаем!..

И председатель щурился, щипал
Бородку, двигал хитрыми усами.
Все выпытал, все выспросил, узнал,
А поручения давать не стал.
— Управимся, — сказал, — тихонько сами.

Василий встал, не видя ничего,
И председателю руки не подал.
Он встретил недоверие его,
Как смерть, как отлученье от народа.

Дорога шла болотом, через гать.
Журавль покрикивал в траве высокой.

И было непривычно одиноко.
В душе смятенье:
Как оставить мать?
Мать позабыть, что родину предать...
Свернуть с тропы, упасть да зарыдать.
И рвать зубами горькую осоку!

Лес окружал его кромешной тьмой.
И вот представилось:
Он снова нищий...
Один...
Василий сел на корневище,
Вздохнул: та-ак! Рвался человек домой,
Шел — песни пел,
А дома не разыщет.

К воде склонился: думалось, юнцом
Себя увидит...
Как он посурошел!
В болотной жиже, словно в луже крови,
Веснушчатое бледное лицо,
Донельзя сдвинуты густые брови.

Стоячая зеркальная вода,
Казалось, отразила ястребенка,
До срока выпавшего из гнезда.

Так — все, переболев, перестрадав,
Взрослели рано мы, не по годам:
Глядишь, уже мужчиной стал мальчонка.

Василий посидел, набрал камней
И стал кидать в зыбун за камнем камень,
Чтобы рассеяться.
Вода пошла кругами
Густыми, розоватыми, и в ней
Явились сотни молодых парней,
Поблескивавших ровными зубами.

Негромкий плеск,
Летящая пыльца —
И толпы одногодков проявлялись
Из одного скуластого лица,
Они то хмурились, то вдруг смеялись,

Шли вглубь и вдаль, им не было конца;
И снова все в одном лице сливались.

Припомнились знакомые места...
Решение созрело:
В город, в город!..

Мать подала письмо.
«Ну, как ты там, —
Друзья писали, — рыжий, сирота?
Не прижился? Сбежишь, наверно, скоро?»

Иль дом нашел? Тогда мы не друзья,
И нечего тебе здесь больше делать...»
Василий думал:
«У меня семья
Одна со всеми. Сирота не я.
Вот мама у меня осиротела».

В ограду ночью вышел. Как в гробу,
Как в яме погребной, темно и душно.
Все спит, и лишь привязанный к столбу
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Да он сбежит.
Но этот чортов дом
Развалится. Пора еще настанет —
И над Михайлом гром великий грянет,
Мы здесь порядок наведем во всем.

Ох, и лес, ребята, ох, и лес!
Говорят, что сосны до небес,
До небес, до туч...
Легко сказать, —
Неба в соснах вовсе не видать.

А болота!
Только забрести —
Не найдешь обратного пути,
Разве что охотники спасут,
Не путем их ноги занесут.

И, живя в лесах до ста годов,
Люди не видали поездов.
Поездов все нет, но самолет
Что ни день над головой плывет.

Еще все спало, куры свой насест
Не покидали — уж Огрена встала.
Работниц в сенях грубо растолкала
И повела их к новой полосе.
Еще был след заметен на росе,
Стрекозы не летали, —
Чуть светало.

За нею, так и не успев соснуть,
Забрав мешок и мучась от зевоты,
Пришел и сын. Явилась вдруг охота
Привычно спину над жнитвом согнуть,
Почуять запах ячменя и пота.
— Сядь, мама, отдохни, а я пожну,
Тебя и так сгорбатила работа.

Все никого дороже и родней
На свете не было. Ах, мама, мама!
В какой бы час, какими бы словами
Заговорить еще раз с милой, с ней?..
Огрена разогнулась:
— Ты ко мне? —
И, улыбнувшись, развела руками.

— Я, Васенька, сыночек мой, авось,
Еще с полсотню лет в земле пророюсь.
— Я не об этом, мама, беспокоюсь.
— Зачем же серп тебе — ты нынче гость! —
Но серп дала: —
Запасный — туп, небось?
Василий взял — и вот за горстью горсть
Стал хлеб ложиться на крученый пояс.

Мать сноп нажнет, Василий — два снопа
Завязывает через два наклона;
Сухие сразу ставятся в суслоны,

Сырые на просушку, на попа.

— Ну, и дотошный! Видишь, как напал!
Ну, работяга! — ахает Огрена.

Но стоило Василию сказать,
Что жизнь, десна, мама, у тебя плохая,
Батрачишь, мол, и что-то про Михайла, —
Она поджала губы, стала рвать
Ячмень с корнями — не узнаешь мать.
— Пора бы, Васенька, и перестать:
Еще не вырос, чтоб кормильца хаять.

И снова стали торопливо жать:
Василий — молча,
Мать — ворча, вздыхая.

Вокруг — все больше кепок и платков
И все слышнее влажный хруст соломы.
Шли мимо толпы баб и мужиков.

Одни остановились:

— Кто таков
Жнет у Михайлы? А, да тут знакомый... —
И отыскался хлеб для остряков:
— Василий Николаич, бог на помощь!
Вот, бают, нет в деревне батраков,
А у Михайлы — трое. Счастье дому!

Огрена даже взвизгнула. Хлыщом
Кого-то назвала.

— Завидно, что ли? —
И завязалась перебранка в поле...

О чем просить и ждать чего еще?
Василий вскинул на плечо мешок
И, не простишись, зашагал в заполье.

Он брел, таясь от встречных, по овсу,
Как виноватый школьник — стороною,
И долго слышал эхо за собою:
Кричала мать, Христа звала на суд...
Так заблудившийся кричит в лесу
И жалуется — на кого? —
И воет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три года — время малое.
Три года лишь прошло,
А сколько небывалого
В селе произошло.

В страду за день меняются
Поля и сенокос.
Так жизнь преображается,
Когда в селе колхоз.

Страда, страда великая
По всей земле идет.
Как прежде, горе мыкая,
Не хочет жить народ.

Уж трактор земли вешние
Пошел с утра пахать,
И кажется потешною,
Нездешнею соха.

За трактором гоняются
Мальчишки вдоль полос.
Старухи удивляются
Следам его колес.

Но никому решительно
Не кажется уже
Чудесным, удивительным,
Что здесь же на меже

Мальцы спешат заранее
Решить — кому кем быть:
Механиком, комбайнером
Иль тракторы водить?

Михайлы дом и темен и суров
Стоял, как после ливня грозового.
Шла опись всех наличных животов:
Сводили со двора овец, коров,

Считали,
Пересчитывали снова.

Пять мужиков в амбаре на весы
Ссыпали рожь, трясли пшеницу в сите,
Перегребали семя льна в корыте...
Все проверял и в книгу заносил
Член сельсовета, Аграфены сын,
Василий Николаевич — учитель.

Уж год, как по путевке крайоно,
С наказами и рика и райкома
Приехал он в село свое с дипломом
Учителя — служить, и заодно
Работать избачом, и заодно
Колхозным счетоводом. Как родной
В деревне жил он:
В каждом доме — дома.

Лишь к бедной матери в богатый дом
Ему дороги не было. Вначале
Он навещал ее. Его встречали.
Но каждый раз Василий об одном
Твердил Огрене — мол, давай уйдем...
И как-то пес сторожевой на нем
Повис — да так, что полы затрещали.

Теперь он снова был в ее дому:
На все решившись, не колеблясь долго,
Он не дал в сельсовете никому
Себя сменить,
Все кончить самому
Он, видно, счел своим сыновним долгом.

С ним первым из пятерки понятых
Был Петр Валов:
Он жил уже в колхозе.
Высок, как раньше, ноги, что шесты,
Сегодня, как посланец бедноты,
Он по-хозяйски строг был и серьезен.

Но, суд верша, он все же не забыл
О личном деле, о своей обиде,

Как здесь бессовестно обманут был:
Он две страды за граммофон трубил,
А граммофона так и не увидел.

Теперь он перешарил весь амбар,
Пока другие занимались хлебом.
— Найду! — кричал,
И где он только не был! —
Мой граммофон!
Где чортова труба?.. —
Он вынести хотел ее для баб,
Пускай хоть раз повоет в наше небо.

Как в праздник, под окном шумел народ.
Одни смеялись, плакали другие,
Прислушиваясь, как в дому ревет,
На бога ропщет и на весь приход,
Вопит Огрена...
Но потребуй сход —
Любой пошел бы, верно, в понятые.

И вот на улицу, прижав к груди
Корзину с допотопным граммофоном,
В улыбки, в хохот вышел Долог-Тонок.
Все закричали:
— Петр Ильич, крути!
— Сыграй, дядь Петя!
— Долог, заводи!
И щупали:
— Сундук с замком...
— Зеленый!..

Седой стариk, зажав клюку меж ног,
На граммофон косился, как на чудо.
Он опасался: не стряслось бы худа,
Но любопытства превозмочь не мог
И из толпы не уходил покуда.

С полдюжины пластинок принесли,
Очистив их от плесени и пыли,
Все разложили.
— Что еще забыли?

— Иголки где? —
Иголок не нашли...
Но у Петра без шляпок гвозди были.
На валуне, торчавшем из земли,
Укоротив их, тут же наточили

И, затаив дыханье, стали ждать.
Мужчины сели, ребяташки встали.
— Не заиграет! — бабы завздыхали.
Петр осердился:
— Должен заиграть!
Я столько бился — и свое не взять?!
Давайте подбирайтесь, да — плясать,
Которые ни разу не плясали.

Пружина заурчала, как могла,
На скрип несмазанных колес похоже,
И вдруг труба гнусаво, ржаво, с дрожью,
Как поп, что раньше ездил из села,
Восстав из мертвых, с воем воззвала
К широкому пустому небу: «Боже,
Царя храни!»

Сначала мужики
Опешили. Все показалось внове.
И бабы ждали песен не таких.
Насторожились и взлетели брови,
Как будто ожиданью вопреки
Стал о народе граммофон злословить.

Тень старого державного орла
Над сбившейся толпою пролетела,
Она людей по-разному задела,
Но рана старая не зажила:
Толпа заволновалась, загудела.

Петр граммофон остановил, сердясь,
Как бы стыдясь чего-то, снял пластинку,
Понес ее к колодцу, на тропинку.
Ему кричат:
— На что она сдалась!
Отдай старухе, пусть закроет кринку! —
И вдруг вся площадь смехом залилась:

Валов на плоскую коровью грязь —
Край в край — с молитвой возложил пластиинку.

Казалось, деревянные мосты
Под бочками пустыми грохотали,
Казалось, с бочек обручи слетали
И прыгали по горбылям крутым:
Хватались мужики за животы,
А бабы, словно куры, кокотали.

На этот взрыв веселья, весь седой,
В муке, Василий вылез из подвала,
Прищурился, — смешливый, молодой, —
Присел. Пружина снова застучала.
И вот пошла
«...девица за водой,
За холодной ключевой...»
Да так, что вся деревня заплясала.

И лишь Огрена в доме, к вековой
Печи припав, той песне подывала.

Устала... Окаянная судьба!
Глаза слезой-туманом застилает.
Добро в трубу летит,
Всему труба!
Не бог карает: бог, он правду знает.
За все простила бы Огрена баб,
Петра простить не может.
Не желает.

Болтун как есть, из бобылей бобыль.
Давно ли вместе по миру ходили,
Батрачили, где приведется, жили,
Где бог велит,
Не знали ни избы,
Ни животов своих... И все забыл,
Вошел в права, продрал глаза бобыльи.

Мир отвернулся от нее: одна,
Без сына — мать,
Хозяйка — без коровы,

Без власти под своим родимым кровом...
Но с нею муж.
И вот глядит жена
На мужа, что недвижней валуна,
Согнувшись, за столом сидит сосновым.

Он как-то ночью к ней пришел босой,
С заляпанными глиною руками.
Огрена утром не нашла часоч,
Ножей с серебряными черенками,
С серебряными чашками весов...
Хоть он и запер думы на засов,
Она поверила:
«Все будет нашим... в яме...»

«Теперь вся сила, вся надежа в нем,
С ним — бог, он богом в большаки посажен,
Моя душа он, и семья, и дом.
Все будет так, как он решит и скажет:
Уйти захочет — стало быть, уйдем,
А смерть застанет — заодно умрем,
Могилу выроем и рядом ляжем.

Жить заодно и гибнуть заодно,
Ни я его, ни он меня не бросит...»

Дымят, шумят, смеются за окном —
Так в урожайный год встречают осень.
К божнице Михаил сидит спиной.
Тоскливо, холодно...
В глазах темно.
Уж он и бога ни о чем не просит.

Катался бы от злобы по земле,
И пусть песок набьется в рот и в уши,
Но только б смеха бедноты не слушать
И радости не видеть на селе.
Но он сидит.
На крашеном столе
Чадят окурки. Он огня не тушит.

Не верится еще, что вот конец
Пришел всему: такое ль проносило?
Но вдруг запел в ограде бубенец —
И у Михайлы душу зазнобило:
Из стойла выведенный жеребец
Плясал в оправе пряжек и колец
В чужих руках,
Чужою сдержан силой.

Плясал, сияньем солнца окружен,
Из серой гальки высекая искры,
Ушами прядал и глазами рыскал.
Казалось, не сдержи Михайло стоп,
Скажись хозяин —
И рванется он
На голос, словно гончая на выстрел.

Михайло сжался, губы закусил,
Но стон сдержал и голоса не подал,
Лишь ласково Огрене забасил:
— Огренушка! Твой сын, твоя порода...
В тебе вся сила.
Родная, спаси!
Проси прощенья, милости проси...
Да не у этих — всех,
Не у народа, —

К нему пойди,
К ногам его пади.
Васютенька, скажи, в чем я повинна?
Где у тебя, мол, совесть, мол, у сына?
Не разоряй, мол, Вася, пощади!
Ты вырос на моей, скажи, груди,
Ты сердца моего, мол, половина.

Али не чут партийцы матерей?
Али, скажи, не я тебя рожала?
Пойди, графинюшка моя, скорей...

Огрена, словно от удара, сжалась,
Взяла платок — рука ее дрожала —
И вышла в сени, не закрыв дверей.

В ограде сын и трое понятых,
В телегу упряжь разную спосили,
Отряхивали от трухи и пыли
Скрипящие седелки, хомуты.
У граммофона — смех до хрипоты,
А здесь, в ограде, даже не шутили.

Огрена вышла на широкий двор,
Сморкаясь в серый скомканный передник.
Василий от волнения помедлил
Бросать работу, а потом в упор
Взглянул на мать.
— Что? Отойти за двор?
На разговор? Не нужен разговор!.. —
Тогда в сторонку отошли соседи.

И сразу стало слышно, как жует
Овца в хлеву, как друг у друга перья
Рвут петухи...
Василий все не верил,
Что мать лишь этим миром и живет,
Надеялся: она вдруг все поймет,
Махнет рукой на все
И хлопнет дверью.

И, не решаясь поглядеть опять
В глаза ее (как все теперь далеко!),
Он отвернулся, чтоб не зарыдать:
Вдруг стало жалко и себя и мать.
Но ничего ей, видно, не понять!
Сын ощутил, как с нею одинок он.

И все ж навек родная дорога!
На плечи б кинуться,
Услышать: «Милый!»
Василий брови сдвинул через силу.
Как страшно видеть в матери врага!..

Огрена грохнулась к его ногам
Врастяжку, как на свежую могилу.

Сын, отступив, позвал Петра, а сам
Скорее — к людям, ко всему людскому.
Петр сел с Огреной рядом на солому.
— Запуталась ты! Шла бы снова к нам.
Чего тебе, — сказал он, — в этом доме?
Огрена грязь растерла по щекам.
— Завидуешь, что не твои хоромы?

Чужой те двор покоя не дает?
Глаза вам выело чужое счастье?
Набросились, обрадовались власти!..
— За счастье-то и поднялся народ.
Мы и тебе хотим, Огрена, счастья.

Но тут на двор окно раскрылось настежь —
Огрена заспешила:
Муж зовет!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

У тальянки звонки планки,
Колокольчики — лишь тронь!
До полночи на гулянке
Заливается гармонь.

При погоде, непогоде
По отаве, по траве
За селом девчата ходят
С гармонистом во главе.

«Раньше были мы в неволе,
А теперь на волюшке,
Любо, девочки, работать
На колхозном полюшке».

«Шла я, девушка, вдоль бережка,
Смотрели глазки вниз.
Все я думала про новую,
Про нынешнюю жизнь».

«Ты чего, товарка, ишешь
В вересковом кустике?
Ягодиночка-то учится
В Великом Устюге».

«Мыловар переродился,
Запросился в наш колхоз,
Он на нищенке женился:
Притворился кровосос!»

«Я иду, а трактор пашет,
Тракторист мне кепкой машет.
Я сказала: не маши,
Аккуратнее пashi!»

«Я так топну!
И вот так топну!
Кулакам не будет ходу —
Все равно лопнут!»

Просыпаются леса,
Голубеют небеса,
Петухи хозяек будят —
Не стихают голоса.

А Огрене за ночь эту
Очи выела роса.

В хлеву ни свинки, ни щетинки нет,
Хлев опустел, и опустело стойло,
А с ними вымер, опустел весь свет.
Огрена утром поднялась чуть свет.
Кого кормить?
Кому готовить пойло?

Кому с утра напарить, наболтать?
Нет силы к этой тишине привыкнуть.
От росных слез к земле рябины никнут.
Кого по теплой шее потрепать?
Кого приветить?
На кого прикрикнуть?

К чему теперь зарытый куль овса,
Распаренная в чугуне мякина?
Мертвое.
Труха, да обод колеса,
Да куры, да собака у овина.
А с нею что? Не волк ли искусал? —
Кровавая на ребрах полоса...
Огрена молча обласкала пса
И в хлев впустила: все-таки скотина!

В ту ночь, забрав котомку и топор
И все, что зарывалось у забора,
Кой-что заранее спровадив в город,
Михайло, замирая, словно вор,
Покинул свой опустошенный двор;
Тьма поневоле укрывала вора.

Один ушел.
Теперь не до жены,
На что еще могла она сгодиться?
К другому надо берегу прибиться,
Зайти не с той, так с этой стороны,
Еще к народу можно примениться,
Но только новые ходы нужны, —
Куда же с ней? жена не рукавица.

В сенях разгруженные сундуки
Стояли, словно лодки у причала.
Огрена утром взвыла, закричала:
— Ограбили! Спасите, мужики! —
Но, осмотрев открытые замки,
Все поняла: «Ушел» —
И замолчала.

«Ушел! Куда? — ни слова не сказал.
Как лапоть сбросил.
На кого покинул
Меня, свою христову половину?
Ушел и ничего не наказал.
Где были раньше у меня глаза?
Одна теперь, как сноп в пустом овине,

Как голый камень в поле у межи,
Как веник, выброшенный на дорогу.
Не занесёшь теперь к соседям ногу.
Податься ли к сыновнему порогу,
Иль снова мерзнуть под окном чужим,
В чужих чуланах спать?
А надо жить,
Доплакивать, домаливаться богу...»

И Аграфена стала собирать
Все, что осталось:
Самовар с полицы,
Горшки с шестка, тарелки, коробицы
С тряпьем, с железками, и под кровать
Все забивала — может, пригодится.

Приволокла из погреба конец
Половика, в подполье побывала,
Обшарила все уголки подвала —
Нашла топор да ржавый бубенец;
Все разложила,
Все пересчитала,
Уселась на кровать и под конец
Заплакала: насобирала мало!

Два дня, две ночи бесновался пес:
На стену прыгал, аж стена дрожала,
Дверные доски изорвал в мочала.
Баб у колодца пробирал до слез —
Огрена ничего не замечала.

Разлегшись под вечер во всю длину
И глядя на навозную лепешку,
Он взвыл, как волки воют на луну,
Потом пустил кровавую слону,
Затих, лежал, не подходил к окошку.

Не видела Огрена ничего.
Спала, но с неразумными ногами.
Опять пришел Василий с мужиками.
— Где муж? — спросили. —
Как найти его? —

И снова к сердцу привалился камень,
Огрена подняла истошный вой,
Забилась о простенок головой,
По лавке застучала кулаками.

— Вы извели!
Не от меня ушел!
Аль и его переписать хотели? —
И бросилась к коряжистой постели,
Загородила глиняный горшок. —
Умру! Уйдите! Мало вам еще?
Все подчистую взяли, все поели!

Ей показалось, что у всех в глазах
Недобре к ней что-то затаилось,
Она еще отчаянней забилась:
Впервые ощутив пред ними страх,
Все меньше плакала,
Все больше злилась.

«Валов все тут же...
Виши, глаза горят.
Во двор пошел зачем-то... ходит, шарит...
Он первый стал хозяйничать в амбаре:
Нет своего — в чужом порыться рад...»
Огрена к сыну обратила взгляд:
— Васютенька! Куда теперь мне, старой?

Одна ведь я...
Ты грудь мою сосал...
Оставь для матери хоть сруб да крышу.
Зачем Валов опять в ограду вышел,
Чего он ищет?

Вдруг рычанье пса
Из хлева донеслось, и голоса,
Визг с улицы и хохот ребятишек.

Огрена бросилась к окну, назад
Отпрянула, увидела Валова, —
Он в хлев заглядывал, —
И, не сказав ни слова,

Метнулась из избы на голоса.
Василий не успел поднять глаза,
Мать выпустила бешеного пса,
Растравленного, на Петра Валова.

— Усь, — закричала, — усь! Души! Вот! Вот!
Чтоб домом нашим злыдню подавиться! —
Собака зарычала, как волчица,
Рванулась из распахнутых ворот,
Но не к Петру, а врезалась в народ
И начала кружить, оскалив рот,
Кусать ребятам ноги, руки, лица.

Василий выскочил из дома.

— Бей! —
Кол на бегу рванул из палисада. —
Петр, за берданкой! Запереть ограды!..

Собака, взвизгнув, от избы к избе,
Распугивая кур и голубей,
С подскоком побежала вдоль посада.

А той порой Огрена у себя,
В своих владениях распоряжалась:
Закрыла хлев, на лестницу вбежала
И, увидав испуганных ребят,
Набросилась на них, шипя, хрипя,
Кого к стене, кого к крыльцу прижала,

Кого хлестнула палкой по спине.
— Чтоб духом вашим здесь не пахло ныне!
Шенки! —
Всех выбросила из сеней,
Ломая ногти, влезла по стене
И молча заперлась на мезонине.

Собаку задержали за селом:
На тракторе бригада пар пахала;
Собака, морду опустив, бежала
След заметая черным помелом.
Через загоны в лесу напролом, —

Но, ткнувшись в трактор, очумело встала,
И тракторист ее пришиб колом.

Василий с шомполкой наперевес
Спешил, когда его остановили:
— Василий Николаич, мы убили!
Он пот смахнул и поглядел окрест
Так, словно не узнал знакомых мест,
Хоть и леса и пашни те же были.

По ветру из деревни донеслись
Пронзительные вопли и причеты.
Но он не сразу догадался — что там.
А там к колодцу бабы собрались,
Кляли Огрену, поносили жизнь,
Ревели, что напрасно родились,
Попутно старые сводили счеты.

Одна кричала:
— Бабы, надо к ней
Самим итти, детишки-то ведь наши!
Гоните стерву из деревни взашей! —
Петр, как всегда, шутил:
— Шумней, шумней!
Погромче, бабоньки, не слышно мне. —
И вдруг всерьез: —
Учителю видней:
Огрена все-таки ему мамаша...

Василий шел в село, с трудом дыша,
С трудом от пашни отдирая ноги.
Душила пыль, песок шагать мешал.
Вздохнет и ступит,
Постоит немного
И снова ступит, снова трудный шаг,
И снова шаг...
А сердце бьется так,
Что вздрагивает, кажется, дорога.

Он думал:
«Надо в город написать.
Смолчать нельзя, хоть верно, маму вышлют...»

С колодца долетают голоса
И рев, но чудится — ее он слышит:
«Взгляни, родимый мой, в мои глаза...
Оставь для матери хоть сруб да крышу...»

А ребятишки плачут. И опять
Решенье трудное сгибаet спину:
«Сейчас же надо мать арестовать.
Оставить, значит Родину предать.
Взять самому...»
Но снова стонет мать:
«Васютенька, скажи, в чем я повинна?
Не вместе ль милостыню собираять
Ходили мы? Ты хочешь жизнь отнять!
Где совесть, Вася, у тебя, у сына?!»

В деревне, не заговорив ни с кем,
Прошел он улицей среди народа,
Где Петр колодезную черпал воду:
У девочки по розовой щеке
И по искусанной до локотка руке
Стекала кровь и капала в колоду.

Василий резко голову поднял.
С ружьем в руках, он был теперь похожим
На воина, но сам он ощущал,
Что все еще дрожит холодной дрожью.
Он думал:
«Пес, который искал
Детей, и вправду бешеный, быть может?

Нас не осилив, наших матерей
Враги изводят. Но не сладить с нами.
Мы все равно не станем сиротами».
И он распорядился, чтоб скорей
Везли ребят в больницу. У дверей
Ружье поставил.

Крупными шагами
Михайловой оградой зашагал,
Валов — за ним, неслышно, за спиною.

Изба им показалась нежилою —
Какой-то трупный запах в ней стоял.
Огрены не было.
Сошли в подвал.
В сарай... Во двор... Огрены след пропал.
На сеновал вошли — и сеновал
Дохнул на них могильной тишиною.

«Ужель ушла?»
Василий по скобе
Влез на чердак, ногой тряпье откинул,
Вгляделся в сумрак и... оторопел...

Она висела, как мешок мякины,
Не шевелясь,
Лицом к печной трубе,
Спиной натруженной к родному сыну.

В избе под тяжестью пудовых ног
Со скрипом прогибались половицы.
Огрену положили под божницу
И, отойдя, вздохнули — кто как мог.
Никто над прахом свечки не зажег,
И сухи были и суровы лица.

На лавках, на полу, по всем углам
Валялись тряпки, битые стаканы,
Тарелки, полушалки, сарафаны...
Кому теперь он нужен, этот хлам?
Беречь, раскладывать по коробам
Никто обнов Огрениных не станет.

Василий к матери щекой припал.
Что скажет он?
Глаза его горели.
Так постояв, он перешел к постели,
Сел, сгорбившись, вздохнул
И снова встал...
Все на него на одного смотрели.

Василий, потерев ладонью лоб,
Спросил, отправлены ли в город дети,
И, наказав, чтоб сколотили гроб,
Сам к ним пошел.
На улицу.
На ветер.

С повети были сняты три доски.
Они давно готовые лежали.
Петр злился:
— Доски не Огрену ждали! —
И так рубил, вздымаясь на носки,
Что щепки выше головы взлетали. —
Отбилась баба от людей. С тоски
И жизнь не в жизнь...
А мы не отстояли.
Давайте ж хоть схороним по-людски.

Посвящение

Ты навсегда любима. Отзовись!
Поедем в Ухту, в старое Блуднovo,
Там в наше время что ни день — обнова,
Другие люди и другая жизнь.

Бывало, посмотреть велосипед
На звук рожка сбежалось полселенья.
Ощупав все до винтика, мой дед
Руками разводил от удивленья.

Опять подростков, ребятишек всех
С утра катать по очереди будем,
Но вряд ли прежний к нам придет успех:
В селе давно велосипед не чудо.

И патефон не чудо, ни бог весть...
Иголки, правда, есть еще не всюду,
Хоть гвозди ставь,
Но патефоны есть!
Сусеки новы, хлеб в амбара есть!

А был бы хлеб,
Иголки тоже будут.

Теперь в деревне не ложатся спать.
Уже свиваться начала капуста.
На сенокосе б снова побывать,
Сметать стог сена, ячменя пожать,
Чтоб в поляннице чувствовалась усталы!

Шесть месяцев там крутятся снега,
Два — грязь стоит, к соседу нет прохода,
Перебираются по огородам.
Зато как оживает вся тайга,
Светлеют дни, медоточат луга,
Земля свежеет в середине года.

В родном краю все празднично опять.
От матери идут такие вести!
Но без тебя я стал бы тосковать.
Поедем вместе!
Будем снова вместе!

1937—1938

Блудново—Москва

АЛЕНА ФОМИНА

поэма

Александру Фадееву

1

Только солнце — из-за леса,
Только месяц — за леса,
Только птиц на всю окрестность
Зазвенели голоса,

Да легли на землю тени,
Испестрив ее наряд, —
И комбайнер за деревней
Запустил свой агрегат.

Был он в брюках не по росту,
В гимнастерке с плеч чужих.
Глянешь издали — подросток,
Подойдешь поближе — просто
Девочка,
А не мужик.

Маню Лыкову народ
«Кадрой собственной» зовет:
На колхозные доходы
Обучали целый год.

От души, со всем раденьем
Свой комбайн она вела,

Но и круга не прошла —
Подъезжает предправленья:
Как, мол, тут идут дела?

Словно вихрь перед грозою
Закружил по полосе.
За Аленой Фоминою,
Замерев, следили все.

Осмотрев жнивье сурохо,
Придралась к ограхам (власть!),
Над соломой, над половой
Постояла наклоняясь.
Под комбайн залезла,
Снова
За солому принялась.

Обнаружила зерно
В колоске,
Да не одно.

Перерыла всю мякину
И сказала:
— Исправляй!
Выпрягай свою машину,
Есть потери —
Дело знай!

Для комбайнера бесчестье
Нареканья принимать:
— У машины все на месте,
Все дает, что может дать.

Край у неба даже есть,
Зря шуметь не дело здесь,
Если техники не знаешь,
Не резон на стенку лезть!

Но хозяйка рассердилась:
— У меня один резон:
Не исправишь — сделай милость,
Уходи с уборки вон!

И не спорь! Чего стоишь?
Дорожи порой страднью...
А известно, с Фоминою
Много не наговоришь.

Маня злилась и ворчала:
— Ладно, ладно... не учи! —
Но взяла свои ключи,
Проверять машину стала.

«Может, впрямь где гайки слабы...»
Только вслух одно твердит:
— Спасу людям нет, коль баба
В председателях стоит.

Час спустя она хвалилась:
Дескать, впрок пошел совет,
Ничего, что побранилась,
А с комбайном повозилась,
Стал ходить — отказу нет.

— То-то вот! — сказали ей. —
Никогда грубить не смей.
Молода, неугомонна,
В толк, как видно, не взяла,
Что тебя сама Алена
И на курсы-то свезла.

От комбайна Фомина
На участок со снопами
Перешла, где два звена
Убирали хлеб серпами.

— Как дела?
— На полный ход!
Жнем и вяжем без заминки,
Ничего, что по старинке,
Понимаем:
Хлеб не ждет!

На гумно прошла.
Снопы
На машинах подвозили,

Молотилку и цепы
Доотказа загрузили.

День рабочий начался...

С первых дней войны Алена
Вожаком —
Ни утомы
И ни сна,
В заботах вся.

Невхватало ни людей,
Ни машин, ни лошадей,
Невхватало сил,
А все ж,
Что ни год — стеною рожь.

Что ни год — с полей колхоз
В город больше хлеба вез.

Но к концу идет война,
На Берлин ее дороги.
Со дня на день Фомина
Фронтовой ждала подмоги.

Трудно женщинам одним,
И шутили не однажды —
День победы, мол, для каждой
Станет первым выходным.

Весточки от муженька
Заждалась — уж не убит ли?..
Возвращаются пока
Лишь «по чистой» с поля битвы.

Яков Розанов пришел —
Не найдешь в труде прилежней,
Взялся с первых дней с душой,
Только нету силы прежней.

На реке тёперь живет,
Всем помолом заправляет.

Он, конечно, помогает —
Вырос мельничный доход,
Но в селе раз в год бывает.

Жаль порой фронтовика
Ставить вместо старика,
А иначе не выходит:
Жуков на маслозаводе
На приемке молока, —
Он еще не твердо ходит.

А Седых Никита — с тем
Только горе да заботы:
Пятый месяц без работы,
Лиши глаза мозолит всем.

Но сегодня еле свет
Из Совета позвонили,
Что известья поступили
О Козлове в сельсовет:
Со дня на день можно ждать.
Надо в срок коня подать.

В свой колхоз (к концу война!)
Председатель старый едет.
Может, чудится соседям,
Что Алена смущена?

Нет, она не смущена.
Просто рада Фомина:
Выдержала свой экзамен!
Только, может, сильно ранен?

И какой-то он теперь?
Раньше не был он ретивым,
Жил легко, неторопливо —
Ни находок, ни потерь.

Спрасят:
— Как дела, сосед?
Отвечает:
— Помаленьку!

И дела ведет ровненько,
Исподволь, огрохов нет...

Хорошо иметь разгон.
Брать любой подъем с разгона...

«Да, какой-то нынче он?» —
Беспокится Алена.

2

По проводу прямому
Из собственного дома
Звонит колхозный председатель
Секретарю райкома.

Зовет к прямому проводу
По случаю, по поводу,
По хлебу и покосу,
По срочному вопросу,
По важному, текущему,
По делу по насущному.

— Привет, товарищ Михалев!
Как жив-здоров?
— Я жив, здоров.
А кто у телефона?
— Да Фомина Алена.

У нас, товарищ Михалев,
Опять простоя тракторов.
Что в эмтеэсе деется,
На бога, что ль, надеются?
Напрасно люди маются,
И лошади измучены,
А слесаря слоняются,
Работать не научены.
Оставлены два трактора
На пахоте — обидно!
Работы агитатора
С людьми совсем не видно.

Уж вы нам помогли бы,
— Поможем.
— Вот спасибо.

Еще насущный разговор:
У нас опять с зерном затор.
Весь хлеб лежит на месте.
Что спят в автогужтресте?
Грязны дороги осенью,
Потом намерзнут глыбы.
Машину бы подбросили!
— Подбросят.
— Ну, спасибо!

Райком для предправления —
Во всех делах подмога.
В райком для населения —
Широкая дорога.
Он — свой,
В него идут, как в дом.
«А что в райкоме?»
«Как райком?»
Им жизнь на лад поставлена.
Совет,
Поддержка,
Правда в нем.
Идут колхозники в райком,
Как будто бы
До Сталина.

Поутру вновь Алена
Стоит у телефона.
День начинается звонком:
— Алё, райком!
— Алё, райком!..

— К нам, товарищ Михалев,
Возвращается Козлов —
Председатель довоенный.
Мне б теперь учиться:
Смену
Дождалась.
— А он каков?

— Как сказать?..
Он раньше был
Дельным...
Опытным считался,
Правда, жизнь не торопил,
Высоко летать не рвался.
Но теперь другие дни,
Всех нас время окрыляет... —
Михалев не возражает:
— Что ж... взглянись, тогда звони.

Секретарь райкома сам
С год как с фронта прибыл ранен
И ко всем фронтовикам
Относился, как к друзьям:
Все — его однополчане.

Коммунист иль нет — к нему
Шли по делу по любому,
Как солдаты к своему
Командиру боевому.

Никому отказа нет.
Чуть не так — и к Михалеву:
Он поддержит, даст совет,
Ободрит душевным словом.

Но и спуску не давал:
На примете всех держал,
Как на воинском учете.

— Ты проверь его в работе! —
О Козловой он сказал.

8

Ночью Алена с глазу на глаз
С письмами мужа осталась, читала.
Как их немного!
В который раз
Все пересматривала, разбирала.

Вот треугольничек.
Он невелик.
Послан с дороги. Давняя дата.
«Я еще, милая, не фронтовик,
Но уже в полной форме солдата.

Вот и солдаты мы!
Вышло и нам
Встать за Отчизну свою с винтовкой.
Верно, вся жизнь наша к этим боям,
К этой войне была подготовкой.

Школа, потом комсомол... Скажи,
Разве мы знали недолю с тобою?
Лес, сенокосы да поле ржи...
Скоро увижу и поле боя.

Надолбы вокруг городов, деревень.
Камни, леса стоят в обороне.
Все мы из разных мест, а в вагоне
Стали родными в первый же день.

А до чего ж велика страна!
Едем и едем.
Когда-то будем?
Близко ль? Какая она — война?
Но уже сняты чехлы с орудий...»

Несколько писем пришло фронтовых
(Все они в стопке, в строгом порядке),
Больше душевной строгости в них.
Первые залпы...
Первые схватки...

Ласково Петр называет жену.
Дальше — все сдержанно:
Он обстрелян!
Несколько слов всего — про войну,
Больше забот о делах артели.

«Выдержи, выдюжи, не сломись,
Но не щади своих сил в работе.
Мы только начали нашу жизнь,
С фронта вернемся — горы своротим».

Пишет: он понял в огне войны
(Впрок испытанья идут отчасти!),
Что, мол, не знали полной цены
Мы, молодые, нашему счастью.

«В нашем колхозе работа шла
Слишком спокойно,
Дерзали мало...»
«Это теперь и я поняла, —
Шепчет Алена, —
Умнее стала!»

Вот он узнал, что его жена
В партию следом за ним вступает,
Что председателем избрана.
Пишет:
«Горжусь тобою, родная!

Скоро начнем неприятеля гнать,
Русские мы — добудем победу.
Нам еще, милая, жить-поживать,
Время настанет — домой приеду

И поброшу еще в нашем лесу
С лайкой, с ружьем,
Подшибу косого,
В старый капкан изловлю лису,
Связку ершей принесу из ночного.

Будут и праздники в нашем дому,
Будут и встречи!
Ждем не дождемся.
Верю: с победой домой вернемся.
Верю: тебя и мать обниму.

Всех повидать,
Обо всем расспросить,
Полем пройти,

Новиною, лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?»

В связке письмо это в самом низу.
Да неужели ж последнее это?!
Сложены письма,
Закрыты конверты...
Нет, нипочем не сдержать слезу.

4

Изба пуста.
Переступив порог,
Солдат Козлов на лавку молча лег
(Он на попутной к дому подкатил,
Свою подводу ждать не стало сил).

И долго головы не поднимал,
Прислушивался к шорохам в подполье,
Все примечал
И все припоминал:
Сосновый стол как будто меньше стал...
В окне попрежнему леса и поле...

И кот на печке...
Только масть не та.
А кот на печке — значит, живы люди.
Деревня, как деревня — простота,
Дом сторожить оставили кота!
Еще заметил холдец на блюде...

Медлительный, Козлов не по годам
Казался осторожным и суровым,
Отросшая в дорогах борода
И хвойные, взлохмаченные брови.

Широкоплечий,
Но плечо одно
Заметно от ранения запало,
С горбинкой нос,
Лицо обожжено,
И пальца на руке недоставало.

Лишь к вечеру жена пришла домой —
Она за жнейкою снопы вязала.
Как вскрикнула,
К груди его припала!
Ощупала всего:
«Родной! Живой!..»
И, причитая, громко зарыдала.

Жена из тех была, которым труд —
Как свет, как хлеб, как песня на народе;
Живут у моря —
Парусники водят,
В лесах —
На зверя с топором идут;
Привычные ко всякой непогоде,
И жнут, и ткут, и кружева плетут.

— Ну, успокойся, не реви, жена!
А ты эсунулась... —
Взглянул с тревогой. —
Как видно, жизнь в деревне голодна?
— Нет, жить не голодно.
Работы много!

— Сынок, сынок! Ужели это мой? —
И сгреб Васютку рослого за плечи. —
Ты где же пропадаешь? Скоро вечер.
Вот и вернулся батька твой дсмой.
Целуй, целуй, да по-мужски, покрепче.

Пушок не виден на губе мальца,
Но бровь-то, бровь!..
В отца пошел парнишка.
Еще не бровь, конечно, а бровишка,
Но ведь топорщится уже...
В отца!

Ну, Дунюшка, затваривай блины,
Да пива, водки!.. Доставай любое.
Селом отпразднуем конец войны.
— Ужель совсем конец?

— Для нас с тобою!
Хозяин воротился как-никак,
И для семьи и для села большак.

Так будет пиво?
— Пива наварю,
Но ведь страда, деньков погубим много,
У нас в колхозе с этим нынче строго.
Я с председателем поговорю.

— А председатель кто?
— Все Фомина.
Алена Николаевна.
— Ужели?
И как?
— А что же, — говорит жена, —
Все женщины без вас понаторели.

И, торопясь, раздула в печке жар.
Дров принесла,
А чтоб помылся в бане,
Поставила ведерный самовар,
Белья на выбор подала пять пар —
Она его погладила заране.

Покуда хлопотала,
Сын-пострел,
Чтоб легче бегать, на крыльце разулся
И полсела оповестить успел,
Что у него отец с войны вернулся.

5

— Ну, Васютка, как дела?
— Ничего, не худы.
— Удишь, нет?
— Пора прошла,
И нагрузка тяжела,
Нынче не до уды.

— Неужель чины даны?
Кем ты, между прочим?
— Ну какие там чины —
Так, чернорабочим.

Вот поставили селом
К деду Кире малым¹,
Ремонтируем, куем,
Как и ты, бывало.

— Вот как!
Может, отдохнешь
Завтра встречи ради?
— Нет, теперь молотим рожь,
Много дел в бригаде.

— Угомону, значит, нет?
С детства непоседы...
У сынка один ответ:
— Это ж для победы!

Говорит, а сам глядит
На карман солдата:
Может быть, наган торчит?
Может быть, граната?

— Автомата не привез?
— Для чего бы это?
— Тут волков большой прирост,
Хоть беги со света.

Смотрит Вася на отца,
Задает вопросы —
Не узнаешь сорванца,
Говорит, как взрослый.

А уж как охота влезть
На колени снова
Да обнять, что мочи есть,
Тятеньку родного.

---

¹ Малый — подручный.

Весть о приезде разнеслась, и вмиг
 Гостей набилось в избу доотказу.
 Кузнец в пилотке,
 В ватнике старик...
 Толпа девчат — всех не признаешь сразу.

Есть женщины в шинелях фронтовых,
 Есть даже в брюках;
 У одной солдатки
 Шаль из немецкой пестрой плащ-палатки:
 Не до косынок было кружевных.

Подростки раньше станут у стены
 И слушают —
 Теперь к столу садятся,
 И тоже речь заводят о германцах,
 О «душегубках», о конце войны,
 О торжестве освобожденных наций.

А вот и председатель.
 Дверь прикрыв,
 К Козлову шла, как бы обнять хотела,
 Но только руку сжала, оглядела,
 Сияющая, радостная:
 — Жив! —
 И, поклонившись всем, на лавку села.

Такая ж все, как в девушких..
 Стройна...
 Коса густая с лентою зеленою...
 Козлов сказал:
 — Не старишься, Алена,
 Начальница, а, верно, озорна
 Попрежнему?
 Ну, с фронтовым поклоном!

Меня пришлось, выходит, замещать?
 Справляешься?
 Ты, знаю, — боевая.
 Иль трудно все ж?

— Да как тебе сказать?
Бывает всякое...
Война большая.

Работаем! — на том стоит весь свет.
Ты приглядись — одобришь или нет?
Вот отдохни — да... —
Но последних слов
Как будто бы не разобрал Козлов,
Хоть ждал нетерпеливо, сам хотел,
Чтоб разговор зашел о сдаче дел.

— Где муж твой нынче?
— Тоже на войне.
— А помнишь, к нам его перевозили?
Ведь не его — тебя на нем женили...
— Еще бы этого не помнить мне!
Ну, как воюем?
Вижу — наградили!

— А помнишь, как мы жили на гумне,
Как уходить с работы жалко было?
А ведь тогда ты нравилась и мне.
— И ты мне... —
Из-за печки в тишине
Добавили шутя:
— Что было — сплыло.

Смех оживил беседу.
А к столу
Все новые сельчане подходили,
Здоровались,
Искали мест в углу,
Вдоль стен, садились даже на полу,
Переговаривались и курили.

— Мы, Николай Петрович, здесь — в лесу.
Как там война?.. Читаем только сводку.
Порассказали б!
— Созывайте сходку,
Поговорим.
Я речь произнесу.

«Казбек» — на стол,
 Планшёт — на стол,
 Как будто напоказ.
 Перед соседями повел
 Козлов такой рассказ:

— С японцами, иль с финнами,
 Иль с немцами война,
 Страшна она не минами,
 Пожарами страшна.
 Земля горит, хлеба горят,
 Твоя душа горит,
 Глядишь вокруг, что жив, не рад —
 И жарко и знобит.

Когда, бедой научены,
 Погнали мы врага
 В дремучие, зыбучие
 Болота и снега
 И видели сожженные
 Деревни, города,
 В пустыню превращенные,
 Казалось, навсегда, —
 Нас утешало в горести,
 Что где-то за спиной
 Стоят родные области,
 Не тронуты войной...

И вот я здесь.
 И дорого,
 Что тут у вас покой,
 Не пахнет дымом-порохом
 И не пугают шорохи
 В деревьях над рекой.

В полях не рвы, а полосы,
 Не взорваны мосты,
 В лесу — шатайся по лесу,
 На пожнях — рви цветы.

Здесь все места обсажены,
Не дует, не течет.
Кота оставил в хижине, —
Он все устережет.

Давно не пил я жирного
Парного молока,
Не ел ржаного мирного
С грибами пирога.
Окопы, мины, надолбы...
Не стоит говорить!
Теперь, соседи, надо бы
Хмельного наварить,
Чтоб все, что было пройдено,
Припомнить до конца...

И красным светом ордена
Сияла грудь бойца.

И с красным светом ордена
В согласье был народ:
Путей во славу Родины,
Что Николаем пройдены,
Никто не отберет.

Алена улыбается:
— Неужто здесь покой?
Мне, Коля, представляется
Жизнь наша не такой.

— А что, — сказал Козлов, — кажись,
У вас идет, как раньше, жизнь?
Вот у меня — особ статья:
Переменилась жизнь моя!

Я раненый, контуженный,
Фашистов бил, сколь мог.
Слов нет, теперь заслуженный
Пришел на свой порог.

Сказал Козлов и ждет, что вот
Заговорит о нем народ.

Но людям словно невдомек,
На что он делает намек.

О месте председателя
Пока не говорят,
Его на пост не сватают.
Ужели не хотят?

Козлов опять:
— По-старому
Здесь тиши, да благодать,
И все, как мать поставила...
— Ну, это как сказать!

И вот уже нахмурилась
Алена Фомина:
— Сюда, конечно, с бурями
Не забрела война.

Для нас «траншеи», «надолбы» —
Мудреные слова.
Но, Коля, ты с бригадой бы
В поля прошел сперва.

Сидевший за печуркою
Седой старик вздохнул,
Взглянул на всех с прищуркою
Да ватник распахнул.

— Слова твои туманные
Не понял я, сосед,
Теперь-то с басурманами
Воюем мы иль нет?

У нас тут планы твердые
И линия одна:
Не иначе — за Одером
Закончится война.

Войну ведем, одним живем,
Все мысли о войне,
Все сбереженья отдаем...
А ты — о тишине.

С Аленой Николаевной
Колхоз шагнул вперед.
О тишине желаемой
Не говорит народ.

Иль ты в отставку полную
Задумал уходить?..

И хоть бы слово молвили
О том, как делу быть.

По самому насущному
Хотя бы пару слов!..

Алена молча слушает,
И молча ждет Козлов.

8

Лишь звезды да ребра крыши в окне.
Соседи домой ушли.
Два председателя наедине
Разговор вели.

Махорочный дым по избе, жара,
Скамейки по углам.
— Ну что ж, Николай Петрович, пора
Опять приступать к делам.

Я заждалась, учиться хочу!.. —
Козлов покашлял в кулак,
Ладонью провел по больному плечу:
— Ну что ж, давай, коли так!

А как народ?
— Убедим народ,
Должны бы избрать опять.
Нам только б сейчас не свернуть работ,
Разгона не потерять.

На прожитое порой взгляну —
И удивленье берет:
Сумели использовать даже войну,
Чтобы шагнуть вперед.

Тут самый невидный расправил грудь.
Равняемся по фронтам.
— Ужели же людям пердохнуть
Не дашь?
— И себе не дам.

А на улице гармоника
В другом конце села
По началу очень тоненько
Припевку повела,

Словно реченька по узенькой
Полянке полилась.
В чьем-то сердце вместе с музыкой
И песня родилась.

«Погодите, не рубите
У крылечка елочку.
Хоть и раненый придет,
Я не оставлю дролечку».

«Нету кисти подходящей,
Написала б на луне,
Чтобы каждую минуту
Милый помнил обо мне».

«Как пойдешь, миленок, в бой,
Думай так, что я с тобой,
А закончится война,
Не забудь, что я одна».

За палисадниками в тишине
Скрипели коростели.
Два председателя наедине
Разговор вели.

— Ведь, кажется, дō смерти устают,
А вечер настает —
И собираются в круг, поют:
Молодость верх берет.

Сели к окну.
Открыли окно.
Вздохнула Фомина:
— Страх не люблю, когда так темно.
Жизнь-то у нас ясна!

Надо плотину ставить скорей —
Машины будут и свет.
— А сколько ухлопаем трудодней?
Подумала? Нет?

Все дорого нынче. А лет через пять
Приобретем за пустяк.
— Выходит, лет пять еще надо ждать?
— Выходит, что так!

— Я этого, Коля, не допущу,
Не старая пора.
— Ну, это уж я без тебя решу,
Я тоже хочу добра.

Алена задумалась:
«Да ужель
Ничем его не пронять?!
Так можно колхоз посадить на мель,
От всех соседей отстать».

И вслух продолжала:
— Коль поискать,
Доходы можно найти:
С гектар целины за рекой поднять,
Клубнику развести.

Я из района корней привезу...
Козлов засмеялся:
— Брось!
Иль мало всяких ягод в лесу?
Ходить бы время нашлось.

— Тогда запруди на Мокруших пруд,
Карпов разведешь...

— Постой, а людские руки, а труд
Не ставишь ни в грош?

Не торопись, ведь не на войне.
Награды недостает?
И в реках довольно рыбы вполне,
Не тормоши народ.

Потом с другой взгляни стороны:
Уж разве мы так бедны?
Иль плохо жили мы до войны?
— Не плохо...
До войны.

— Или считали доход на гроши?
Нуждались в каком добре?
Иль плохо работали? Не от души
— Не плохо...
По той поре.

По той поре давал самолет
Два ста километров в час,
Сейчас такой самолет — тихоход,
За тысячу — в самый раз.

— Небось, на язык-то каждый остер! —
Сказал Фоминой солдат...

У двух председателей разговор
Никак не идет на лад.

Гармошки разымчивый перебор
Уже на дороге, вплывает во двор,
Уже каблуки дробят.

Уже подбирается к сердцу басок.
И вот — далеко слыхать! —
Выходит Лыкова Мая в кружок,
Ее не переплясать.

«Подходили ко мне трое,
Я зараз дала отказ:
— От танкиста боевого
Письмечко дороже вас.

Пишет милый письмечко,
Что победа налицо,
Чтоб встречала, выходила
На тесовое крыльцо.

С фронта дролечка вернется:
— Здравствуй, милая моя!
Дома все его наказы
Перевыполнила я.

Топну здесь да топну там,
Кружевным платком махну...»

— А не пройтись ли, Аленка, и нам,
Не вспомнить ли старину?

Аленка вглядывается в темноту,
В махорочные огоньки.
— Хорошие люди, Коля, растут.
Вот уж не «мужики»!

Всех надо по нынешним-то годам
В техникумы посыпать.
— Зачем же хороших — по городам?
А землю кому пахать?

Ведь не воротятся...
— Но почему?
Здесь тоже книги и клуб,
Такой же народ, как везде...
А кому
Отцовский порог не люб?

Какое село мы соорудим!
Проект почти готов,
Ты поглядел бы...
— Да поглядим,
А как же! — сказал Козлов.

— Не нравится, Коля, мне разговор.
— Не нравится — помолчи.
— Не изменился ты до сих пор... —
Козлов посмотрел на нее в упор
И оборвал раздраженно спор:
— Ну, ладно, других учи!

«Он словно бы вовсе не воевал, —
Подумала Фомина, —
Не наступал и не побеждал,
Мимо прошла война.

Попрежнему, видно, хоть награжден,
Остался предельщиком он...»
И в сердце такой холодок дохнул,
Как если бы кто ее обманул.

9

А с Дуней Фомина накоротке
Поговорила в кухне.
Сели рядом.
— Ну, рада муженьку-то?
— Как не рада!
Спокойней как-то жить при мужике.
Вот только пива наварить бы надо,
Уж ты бы разрешила,
Хоть в бачке.

— Выходит, сразу прибыло забот.
В бачке ли, в бочке ли —
Не в том задача.
Я своему сварю, когда придет.
Свари и ты, пускай хозяин пьет.
Вот жаль, что с пива разговоры начал.
Ему ведь дело надо принимать,
О деле — не о пиве толковать.

Расправив юбки сборчатель подол,
Козлова чуть помедлила с ответом.
— А я сейчас не думаю об этом.

По мне, уж слава богу, что пришел.
И с делом нечего тебе спешить,
Народ и сам увидит, как решить.

— Куда он ранен, Дуня?
— Он сказал,
Что в легкое и не достать осколка.
Не от войны, мол, от врачей устал.
— Лечился долго?
— Говорят, что долго.

А твой-то пишет ли чего?
— Все нет!
Все нет и нет!.. —
И тут Алена встала.
Не встань, так не сдержаться б, зарыдала. —
Сидеть нам долго, Дунюшка, не след,
Ложись-ка спать,
Осталось ночи мало.

10

Дуня жала дотемна
И пары пахала,
Уставала допьяна —
Все казалось мало:
Не щадила сил она,
Чтоб скорей прошла война,
Чтобы легче стало.

С муженьком чтобы опять
Вместе жить да поживать
И в ладу и в счастье,
Лишь с Васюткой воевать:
Стал без батьки забирать
Слишком много власти.

Дуня женкам об одном
Говорила:
— Все вернем!
Отдохнем, успеем!

Будет глаз мужской во всем —
Снова ладом заживем,
Все помолодеем.

Муж пришел,
И вот она
Верит и не верит.
Посидела у окна,
Приоткрыла двери.

Поздно.
Муж с сыном легли —
Только бы не скрипнуть!
«Ранен в грудь», — взглянула, и
Сразу слезы потекли, —
Только бы не всхлипнуть!

Утешенье, в чем могла,
Отыскать хотела.
Дуня думать начала:
«Только б кость была цела,
Нарастет и тело!»

Фомину, гляди, пошлют
В город на ученье,
Снова старое дадут
Коле назначенье...»

А в глазах опять темно,
Слез полны ладони...
Сколько ей любви дано!
Муж когда-то (как давно!)
Звал ее «тихоней».

Нет, тихонею она
Не была уже: война
Жизни научила.
Но была строга, скромна,
Немногоречива.

Безответна? — Может быть.
Так сама хотела.

Лишь бы муж остался жить,
Стала б век ему служить.
Поперек сказать,
Сгрубыть
Век бы не посмела.

И на все хватило б сил,
Помохи не надо,
Пусть он только б ел и пил,
Только б выжил, только б жил
С сыном, с нею рядом!

11

Уже поспели шаньги и блинки,
Стоял поднос с грибными пирожками —
Края прожаренные, гребешками, —
Капустные дымились пирожки.
А печь была заставлена горшками.

Все, что скопила, сберегла жена
За три зимы,
Все выложила мужу.
— Одна беда, что не нашла вина.
Да, верно, будет и вино на ужин.

Схожу к Седых Никите.
С фронта он
Еще весной вернулся.
Вздорит с женкой.
Все выпил: спирт, вино, одеколон,
Он нынче промышляет самогонкой.

Бутылку приготовить упросила... —
Муж хохотнул:
— А Фомину спросила?..

Васютка где?
С сыном на плес пойду.
— Он возит рожь. Возниц сегодня мало.

— Как? И ему Алена приказала?
Мне не плясать ли под ее дуду?

Как видно, всех зажала в кулаке.
Скажи, чтоб сына больше брать не смела!.. —
Его обида за сердце задела.
К тому же вспомнил вдруг о старице,
Что в ватнике:
Трунил вчера без дела.

Жена едва смогла заговорить:
— Ты сам дошел бы до Алены, Коля.
— Зови сюда, не мне за ней ходить.
И пиво завтра ж начинай варить!
— Я наварю..
Вернусь пораньше с поля.

— Алены не боишься? Я гляжу,
Она тут лишку власти забирает.
— А я на то одно тебе скажу:
Нам Фомина худого не желает.
Конечно, дисциплину подняла,
Так не во вред, на пользу для села.

И Дуня серп взяла на сундуке.
— Вот, Коленька, когда придет охота, —
Жаркое в печке, каша на шестке...
— А ты куда?
— Да ведь стоит работа.

От удивленья он протер глаза:
— Ну, вижу, ты не очень тосковала.
Потупившись, жена ему сказала:
— Ты отдохай, а мне в страду нельзя,
Мы здесь не воевали.
Не устала.

И не послушалась его, ушла,
Оставив мужа одного с горшками.
«Ну и смешны, солдат, твои дела!»
Со вздохом он уселся у стола
И занялся грибными пирожками.

Все не так!
 А что не так?
 Не поймет Козлов никак.
 Плохо, что ли, воевал?..
 Не того от встречи ждал!
 Собралось людей немало,
 Речь просили —
 Произнес.
 А чего-то нехватало.
 Может, охов?
 Может, слез?
 Преклоненья, удивленья
 От людей всего селенья,
 Песен, звону, всяких благ?..
 Все не так.
 А что не так?
 Словно стал другим народ,
 А каким? — не разберет.
 Был когда-то кузнецом,
 Примечательным лицом:
 За дотошливость, за сметку
 Парня звали мудрецом.
 В председатели избрали —
 Он забыл про ремесло,
 Но беды у наковален
 Словно не произошло:
 Без огня, без кузнеца
 Не стояла кузница.
 Стариками даже чтимый,
 Он еще важнее стал
 И попрежнему считал
 Сам себя незаменимым.
 Обижаться доводилось,
 Думал:
 «Вспомните меня!..»
 Но ушел,
 А что случилось,
 Изменилось с того дня?
 И погибни он, к примеру, —
 Статься в битве все могло! —

Все б текло своим манером
И своим порядком шло.
А нежданнее всего,
Непредвиденней... —
Да что тут! —
Не мужик вершит работу,
А неплохо...
Ничего!

Фомина Алена тоже
Разобрать всего не может,
В поведение бойца
Строго вглядывается.
За судьбу села тревога
Камнем на сердце легла:
Как бы торная дорога
Лебедой не заросла.
Сколько тут ее забот,
И бессонниц, и труда!
Дело двинулось вперед
За военные годы.
Сдать колхоз — легко сказать!
С кровью надо отрывать...

18

И темно еще, и сырьо,
Землю стужей обдаст,
А в колхозе бригадиры
Поднимают свой народ.

В черной гуще хмельника
Ни сверчка, ни ветерка.
Не прошла еще усталость
От вчерашнего денька.

Но смеется молодица,
С прибауткой льется речь —
И долой усталость с плеч,
У людей свежеют лица.

Бригадира в избы к чаю
Зазывают:
— Чай хорош!
Так и этак величают.
Тот с ухмылкой отвечает:
— Нас водою не возьмешь!

— Чем же брать вас?
Бьем челом,
Все же «служащие» наши,
Не простых людей зовем —
Посидели б за столом,
Очинили б карандашик...

Маня Лыкова с рассветом
За комбайн опять взялась:
Тронет то,
Проверит это,
Рвет замасленную ветошь,
Воду льет, смывает грязь.

А в овраге, за оградой,
Звон и гром — поет металл.
Кузнеца будить не надо, —
Он давно к горнилу стал.

И Козлов припоминал,
Как он раньше сам не спал.
Неужели сын, мальчишка,
Нынче батькин молот взял?

Яков Розанов обходит
С детства милые места:
Постоит на огороде,
Молча сидет на росстань.

На цветок во ржи подышит...
Но куда ни завернет,
Что ни видит,
Что ни слышит —
Он ещевойной живет.

За окольною избою,
В поле чистом, паровом,
Как над дымным полем боя,
Нарастают гул и гром.

На подъемах подвывая,
Словно танк на рубеже,
Трактор, пашню подымая,
Пробивается к меже.

На току за баней черной
Барабан гудит-ревет,
Словно это двухмоторный
Бреет землю самолет.

А овины, словно доты,
Жди, сейчас взгромит «ура»!
И стучат, как пулеметы,
У амбаров триера.

Долго, долго будет сниться
Нам страды военной гром,
Будем звать между — границей,
Реку — водным рубежом.

А Козлову из окна
Жизнь колхозная видна.
К молодому бригадиру
Подступила Фомина.

Мане Лыковой — почет,
Бригадира — в оборот:
— Почему недобрый словом
Называет вас народ?

Убирать комбайном сырьё —
Все на рожь с серпом идут,
Жницы на поле всем миром,
А такие бригадиры
Карандашики грызут

Да глядят со стороны,
Как работают бригады.
Мне чиновников не надо,
Мне колхозники нужны!

Одобренья не скрывая,
Смотрит воин из окна:
«Баба все же боевая,
Зря не крикнет, а сильна!»

На Алене Фоминой
Полушалок расписной,
Как у девушки, коса
Вьется ниже пояса.

И Николаю вспомнилась пора,
Когда он бегал в рваной рубашонке.
Алену звали попросту «Оленкой».
Подружку уважала детвора:
Она была на выдумки востра,
Отчаянней никто не знал девчонки.

В семье мальчишек не было, и ей
Дела мужские с детства доверяли:
Возить дрова,
В ночном пасти коней...
И в праздники она среди парней:
Себя «парнями» ребятишки звали.

Как помнится, одним была смешна —
В косичках ленточки носить любила.
Ни в чем другом ребят не подводила:
Ныряли все —
Ныряла и она,
Ловили белок —
И она ловила.

Училась, незаметно подросла,
И все старухи ахнули:
«Царевна!»

Густую косу тugo заплела.
И вот, как по согласью, вся деревня
«Аленушкой» Оленку назвала.

В воскресный день или по вечерам,
Когда заря во хмельниках играет,
Когда спадает над селом жара,
Не спрашивай, где песни, где игра,
Спроси лишь, где Аленушка гуляет.

В деревне любят красоту и стать.
Но ты работу покажи сначала —
По всей округе сразу будут знать.
Аленушка, невеста, всем блистала.

Руководитель лучшего звена,
Известная в районе комсомолка,
Стахановка, затейница, она
Могла ль в невестах засидеться долго

Но только время для любви пришло
И бубенцы под окнами запели —
К правлению сбежалось пол-артели:
Аленушку в соседнее село
Колхозники отдать не захотели.

И порешили вместе с ней на том,
Чтоб жениха позвать в свое селенье.
В конце деревни выстроили дом
Широченный,
Пятистенный,
Восемь окон, две избы,
С мачтой-радиоантенной,
С целой выставкой резьбы,
С палисадом и двором —
Загляденье, а не дом.

И когда на новом месте
Поместил колхоз невесту,
Целый поезд сватов-хватов,
Кто в телеге, кто верхом,
От невесты от богатой
Подался за женихом.

Пригласили жениха:
— Соглашайся без греха!
Никакой тебе помехи,
Дел в артели — за глаза...

Зла любовь!
Ведь переехал,
Даже слова не сказал.

И работать начал так,
Что в колхозе ликовали.
— Не ошиблись! — повторяли. —
Что ни дай — на все мастак.

Как все, когда нагрянула война,
Алена мужа с плачем провожала,
Но с той поры деревня не видала,
Чтобы хоть раз поплакала она.
В войну для всех соседей Фомина
Аленой Николаевной стала.

14

Утро в горячую пору лета —
Самое лучшее время дня.
Встанет Алена еще до света,
В легкий ходок запряжет коня

И объезжает свои владенья,
Вдруг появляется, где не ждут, —
Нет ли какого где упущеня,
Всюду ль дела хорошо идут?

Все ли бригады имеют наряды?
Не догляди — пойдет беспорядок.
А чтоб везде успеть побывать,
Договориться с людьми —
Ей надо
С вечера раньше ложиться спать.

Но лишь стемнеет и стихнет селенье,
С книгой сидит Фомина у огня:
Вечер для чтения,
Для ученья —
Самое лучшее время дня.

Книги на скатерти домотканной:
Тут и учебники,
И романы,
Пачка брошюрок, бумаги десь,
Даже стихи и поэмы есть.

Карта развернутая,
На карте
Наши победы — карандашом,
Краткий курс истории партии.
Сталин —
С резной закладкой том.

Кто не видал столов в кабинетах
Директоров, генералов, поэтов?
Книжные полки,
Натертый пол...
То — в городах, вдалеке от сел.
Это ж — нигде небывалое,
Это —
Русской крестьянки письменный стол.

Стол председателя сельхозартели!
В песнях еще его не воспели,
Часто простой,
Без ножек резных,
Два только ящика выдвижных.

Но и на нем и сметы и схемы,
Пищутся книги,
Творятся поэмы.
Может ведь статься, что Фомина
В полночь, когда отдыхаем все мы,
Песни слагает, оставшись одна.

Кто ныне сельскую Русь узнает?
Книги читают наперебой,
Тысячи курсов — и мест не хватает,
Ленин и Сталин в избе любой.

Окна открыты,
И шелест клена,
Шелест рябины слышен в избе.
С карандашом, с тетрадкой Алена
Читает «Историю ВКП(б)».

Словно бы шире становятся плечи.
Хоть по четыре странички в вечер
Даже в страду решила читать.
Думала раньше — сил недостанет:
Дело приходит — другое тянет,
А начала — неохота спать.

Жизнь — все концы ее и начала —
С книгою этой понятней стала,
Все расстоянья невелики,
Словно на берег большой реки
Вышла
И глянула из-под руки.

После — любое возьми сочиненье,
Если написано с чистой душой,
Воспринимается как дополненье
К этой книге —
Простой и большой.

Полночь.
Хотя петухи пропели,
Дню трудовому не вышел срок,
Над пятилетним планом артели
Надо еще посидеть с часок.

Только когда будильник трезвоном
На подоконнике залился,
Кой-что еще в дневник занеся,
Из-за стола поднялась Алена.

Фомина писала немного:
 Перья тонки —
 Рука сильна.
 Разлинованная дорога
 Все еще для строчек нужна.

Но у каждой рвенье заметно,
 Если даже и лезет вверх,
 Быть, чего бы ни стоило это,
 И прямой
 И ясной для всех.

Ежедневные наблюдения,
 Размысления, ход работ,
 И победы, и поражения
 Отмечались из года в год.

Все рассыпано щедрой горстью,
 В каждой записи жизнь видна.
 Запись, словно пучок колосьев,
 Датой-поясом скреплена.

Из дневника А. Фоминой

Проводили мы на войну
 Агронома и счетовода,
 Маслодела, животновода
 Да учительницу одну.

Трактористов двое ушло.
 Я, признаюсь, робею малость,
 Чтобы после войны село
 Без интеллигенции не осталось.

Трудно.
 Много дел и забот.
 Только мы не раз замечали:
 Если трудно,
 Товарищ Сталин
 Больше дел на себя берет.

Надо снова в райком писать:
Если курсы какие будут,
Дали б места четыре, пять —
Подберутся новые люди.

Вон у Дуни сынок растет —
Не сидит без дел ни минутки,
С комсомольцами вместе идет —
Ни посевы, ни обмолот
Не обходятся без Васютки.

Гидростанцию скоро начнем
Строить —
Только войну закончим,
Я его в механики прочу,
И помощников подберем.

Чтобы все своими руками —
Каждый винтик и каждый камень,
Свой почин, голова своя,
И победа будет за нами!

***

Слова два о старице,
Что даже летом — в ватнике.

Он попал к нам в эвакуацию
В сорок первом, издалека.
Не огород, а прямо плантацию
Разбил вокруг домка.

Злаки, разные травы посейны.
Говорит:
«Должны зацвести!»
Говорит:
«Пора и на севере
Порядок навести, —
Верный хлеб и в лесах снимать,
Волю климату диктовать».

Счетоводство ему доверили,
Ничего —
Одолел, привык.

У конторы — каков стариk! —
То посадит фруктовое дерево,
То устроит цветник.

А в саду за клубом-читальнею,
Где народ отдыхать любил,
За ночь
Перед статуей Сталина
Полевых цветов насадил.

Люди встали — глазам не верится,
А стариk разъясняет сам:
— Это я наше чистое сердце
Положил к его ногам.

Много видел,
Душой велиk —
Содержательный стариk.

***

Прямо спасу от Якова нет, —
Только б поспеть во всем за солдатом!
Сегодня новый принес проект:
Мельницу делает комбинатом.

Я пилораму уже нашла,
С тесом во всех делах облегченье.
Теперь для гончарного ремесла
Устраивает приспособленье.

Требует плотников, чтобы рубить
Заново — в три пролета — плотину
Требует:
— Дайте динамомашину —
Мельница будет коров доить!

***

Много сил у нас в народе,
Надо их уметь поднять.
Кто к какому делу годен,
Председатель должен знать.

Маню Лыкову, к примеру,
Можно смело лет за пять
Дотянуть до инженера,
Если только в руки взять.

Конюх, скажем, должен быть
В зоотехнике, как дома,
Председатель — агрономом;
Мне без этого не жить!

За Козлову Дуню мне
И неловко и обидно:
Все молчком да в стороне,
А ее ли дел не видно!

Вышли в море — надо плыть!
А иначе — что за счастье?
Никому при нашей власти
Не к лицу тихоней быть.

«Затирают!» — говорят.
Ты затри меня, попробуй —
Так отважу, что до гроба
Будешь сам себе не рад.

Обещал райком послать
(Я прошусь в Москву!) учиться.
Не дождусь! Хочу добиться!
Только б смену подыскать.

***

Думалось: только Козлов — домой,
С плеч половина забот долой.

Вот и приехал он.
А денек
Радостным не считаю.
Знать, кой-кому испытанья не впрок,

Время не в пользу,
Война — не урок:
Крылья не отрастают.

«Куда ты торопишься?» — говорит.
И как мне с ним согласиться:
Уже нам в глаза коммунизм глядит,
Можно ль не торопиться?!

Сегодня с утра в городке была,
В райкоме у Михалева
И рассказала про наши дела.
Ах, если бы я записать смогла
Мысли его до слова.

Союз наш, как свет над землей, широк,
Нет равной державы в мире,
И север, и запад, и юг, и восток
Такие, что нет их шире.

Над нашей страною солнце встает,
У нас начинается новый год,
И новый век у нас начался,
И Ленин у нас в стране родился,

И Сталин у нас в стране родился.
Она вся — как песня,
В полете вся.
Нам первым в будущее входить.
Так как же нам время не торопить!

Мы раньше других на работу идем,
В Америке — темень,
У нас — подъем.
По проторенному нами пути,
По нашим следам миллионам итти.

А не печетесь о завтрашнем дне, —
Да под ноги только себе глядите —
То в нашей, товарищ Козлов, стране
Какой вы руководитель?!

***

Да, вижу, Козлов чего-то
Не понял и посейчас.
Колхоз на доске почета
При нем побывал не раз.

Пахали, косили, жали —
Извечное, как урок,
И во-время хлеб сдавали,
Налоги вносили в срок.

Вставали не слишком рано:
Зачем, мол, жизнь торопить?
И сельсоветские планы
Боялись переступить.

Исправной была работа.
Козлов и стоит на том.
А люди хотят полета,
Размаха, души во всем.

Прошедшему пламя и воду,
Окрепшему в дни войны,
Такому, как наш, народу
Нужны сапоги-скороходы
И самобранки нужны.

***

Может быть, нет на земле угла,
Города, госпиталя, вокзала,
Куда бы тревога моя не дошла,
Куда бы я писем не посыпала.

Петенька, слышишь ли ты меня?
Крепче любовь моя год от года.
Я бы тебя из любого огня
Вынесла, только бы голос подал.

Выдержи, выдюжи, не сломись!
Я на себя приму все тревоги.
Мы только начали нашу жизнь,
Не проторили своей дороги.

В поле, в окопе, в разбитом дому
Вера моя тебя охраняет.
Боли твои на себя приму,
Пусть твое сердце страха не знает.

Легкого счастья на свете нет,
Все добывается с кровью, с бою.
Пусть в твоем сердце не гаснет свет.
Петенька мой! Я всегда с тобою.

Ночь коротка,
А заснуть невмочь.
Полночь на Спасской башне пробило.
Жаль, не оставил ты сына иль дочь,
Мне бы спокойней и легче было.

16

К Козлову долго Фомина не шла, —
Все некогда;
Сломался в поле трактор,
Овес поспел,
Застрял обоз на тракте,
Семян недоставало — все дела...
А Николай выдерживал характер.

— Так вот как принимаем мы гостей! —
Сказал он ей. —
Уважила, Алена!
Я думал, встретят с поясным поклоном,
Да, видно, ты превыше всех властей
И у тебя на все свои законы.

Иль ты и надо мною генерал?
Не так солдата привечать бы надо.
Я генералов не таких видал,
Мне сам Калинин орден выдавал
(Солдат приврал!),
Но я не о награде.

Сижу безвыходно в избе пустой
Один, без дела, с печки не слезая!
Алена вскрикнула:
— Постой! Постой!
Ты здесь не гость,
Ты — дома, ты — хозяин.

— А раз хозяин, созвала бы ты
Собрание да, объяснясь толково,
Сдала дела.
Что прячешься в кусты?
Иль мне быкам заламывать хвосты?
С колодца воду подвозить коровам?

И Фомина сдержаться не смогла,
За плечи косу кинула сердито:
— Не торопись!
И здесь война была,
И мы хлебнули горького досыта.

Заслугами своими не кичись,
Я генералов не таких видала.
Войну прошел,
А нашу знаешь жизнь?
В войну здесь люди тоже поднялись.
Теперь у нас попробуй отличись,
Чтоб вся деревня за тебя стояла!

Собранья требуешь? Могу собрать,
И отчитаться можно — сделай милость!
Но лучше было б с этим подождать,
Гляди, конфузя чтоб не получилось.

Тебя же знают тут со всех сторон.
Вон говорят:
Из кожи, мол, не рвется
И от добра добра не ищет он...
А это нынче, Коля, не закон.
Народ с тобой, гляди, не уживется.

Возьми сперва, что легче.
Выбирай:
Животноводство, стройку — что по силам,

И бригадиром я бы предложила —
Сейчас везде работы через край,
Лишь знаний да охоты бы хватило.

Вот Яков Розанов у нас теперь
На мельнице,
И так поставил дело
По-фронтовому — четко да умело,
Что сердце радуется.
Верь не верь —
Один солдат бригады стоит целой.

Иль, может, больше подойдет тебе,
Пока не крепок и лечиться надо, —
В обед читай газеты по бригадам
Где приведется — на поле, в избе,
У молотилки, —
Люди будут рады,
Без чтенья как-то всем не по себе.

Присмотришься, подумаешь, поймешь...
Козлов опешил:
«Что она — смеется
Или всерьез?» — глядит, не разберется.
— Отставку, значит, полную даешь?

— Зачем отставку? Дело подберем.
Желанье было бы.
Введем в правленье... —
Но он уже любое предложенье
Стал принимать теперь за оскорбленье.
Все поворачивалось кверху дном.
— Так вот как изменилось положенье!
Забыла об ученье о своем?

Ну что ж! Коль так, я отдохнуть хочу,
Работать я, хозяйка, не буду,
Мне и в правленье быть не по плечу.
Вот пенсию в районе получу.
Я не подсяду к даровому блюду!

Есть грузди в роще,
Рыба в речке есть,

Охота добрая, и ягод вволю...

— Ты, стало быть, решил на шею сесть
Жене и сыну?
Думаешь, позволю?

Что скажут люди, Коля?!

— Ах, напасть!
— И дисциплину не имеешь права
Нарушить.
— Ишь ты, воинская часть!
— А ты не знаешь нашего Устава?

Козлов поднялся, тяжело дыша,
Под стол со стуком табурет задвинул:
— Ну что ж, назначь, Алена, в сторожа,
Колхозную уважу дисциплину.

Что люди скажут, поглядим потом...

Алена с горьким гневом улыбнулась:
— Да, я в своих надеждах обманулась!
На продуктовый склад кладовщиком
Пойдешь, коль так, —
Вздохнула, отвернулась,

Добавила: —

Нам нужен кладовщик.
Надеюсь, что обвешивать не будешь?
— Назначь, назначь! Пускай посмотрят люди:
Начальство — ты,
В кладовке — фронтовик.

Поздней жене и сыну перед сном

Козлов, нахмурившись, сказал:

— Ну, баба!
Меня берет на поводок во всем,
Я, председатель, стал кладовщиком!.. —
И засмеялся: —
В деле боевом
Дивизией командовать могла бы.

Семья, как видно, слов не поняла.
Сын подтвердил:
— Конечно бы смогла,
Ведь на твоем недаром месте служит. —
А Дуня молвила, садясь за ужин:
— Жизнь для Алены нынче тяжела,
Уж года два как писем нет от мужа.

17

«Вот тебе и «озорна»!
Словно б даже ростом
Выше стала Фомина.
А давно ль была она
Комсомолка просто».

У Козлова в горле ком:
«Все-таки с солдатом —
Орден ведь! — с фронтовиком
Слишком грубовата».

Захотелось обойти
Все поля, дороги.
Согласился бы ползти.
Если б сдали ноги.

Перемен особых нет
В жизни,
Но, пожалуй,
Для таких тяжелых лет
Их не так уж мало.

Главный в деле поворот —
Это сразу ясно:
Не болтается народ
По селу напрасно.

Завернул на сеновал —
Доотказу сена.
Но в конюшне увидал
Грязи до колена.

Охнул:

— Видно, за конем
Никакого глазу!
Мы там головы кладем,
Дома — безобразят.

В скотный двор зашел —
И здесь
Ждал всего худого,
Но взглянул — коровы есть,
Ничего коровы!

Чистота, простор и свет —
Ничего не скажешь.
Накричать причины нет,
Стало жалко даже.

Запах леса, шум ржаной
Подступают к горлу.
Ввечеру, как в дом родной,
Потянуло к горну.

Думал, может быть, Козлов,
В кузне ни металла,
Ни мехов, ни молотов
Без него не стало?..

— Здорово, дед!
(А сердце бьется!)
— Здорово, служба. Как живем?
— Что за бадейка?
— Для колодца.
— Куется как?
— Чуть свет куем.

Все обжитое, дорогос —
Мехи, корыто, молоток...
Волнуясь, словно перед боем,
Переступил Козлов порог.

Сынок Васютка тут же был,
Смутился, но не отступил,
Лишь взял кувалду из угла,
Как будто в том нужда была.

Передник кузнеца хоть брось —
Прошит окалиной насквозь
Окладистая борода
Рыжа, как ржавая вода.

Он клещи опустил в горнило,
Слепящий вытянул бруск —
И сразу стены осветило
И расцветило потолок.

— Чай, не забыл свою работу? —
Заговорил, помедлив, дед. —
На ней одной стоит весь свет:
Ни посевной, ни обмолоту
Без кузнеца движенья нет.

Ни отдохнуть, ни вымыть руки...
Чуть не досмотришь — быть беде,
И там поправь,
И тут постукаяй,
Подкуй, подбей —
Кузнец везде.

И ведь не спросит дед Козлова,
И в мысли не придет ему,
Что, может, «служба» хочет снова
Вернуться к делу своему!

— Ну, говори мне напрямик:
Как без хозяина живется? —
Спросил Козлов
(А сердце бьется!).
— С хозяйкой! — отвечал старик. —

Скажу, но только не взыщи, —
И руки вытер о передник. —
Об этом думал я намедни:
С ней больше света для души.

Покою, точно, не дает —
Ни дня без нового наряда:
Но ты ведь знаешь наш народ,
Ему бы все вперед, вперед,
А Фоминой того и надо.

Ведет на жатву, словно в бой,
И все ей мало, мало, мало.
Не плохо жили и с тобой,
Но все чего-то нехватало.

У ней все люди на счету,
Она любому влезет в душу.
Ну вот и все,
Начистоту,
Не любо, говорят, — не слушай.

Васютка глаз не подымал.
Отец к нему спиною стал
И кузнецу сказал:
— Дай, дед,
Поколочу — смогу иль нет?

Не торопясь, расправив плечи,
Он к наковальне подошел,
Взял молот
(Раньше был он легче!),
Ударил...
— Дай, старик, еще!

Старик, схватив его подмышки,
Ворчал:
— Гляди, не упади! —
Потом приподнял, как мальчишку,
И на скамейку посадил. —

Остерегись, не надорвись! —
Сказал, как сыну, грубовато. —
Ни в грош свою не ставишь жизнь,
А ведь теперь и жить солдату.

Два плаката на гумне:
 «Все для фронта!»
 «Хлеб — стране!»

Перевеянная рожь
 В ворох ссыпана к овину.
 Три подводы и машину
 Снаряжала молодежь.

Комсомольский секретарь
 Лыкова
 Во все вникала,
 Досконально проверяла
 Весь извозный инвентарь.

Говорил о ней народ,
 Что во всем с Аленой схожа,
 Фоминою будет тоже,
 Только силы наберет.

Солнце — любо поглядеть,
 Сушь — с восхода до заката.
 — Хорошо бы нам, девчата,
 В город первыми успеть!

Хочется поговорить,
 Но во время обмолота
 Барабан не заглушить,
 А молчком — не та работа.

И девчата стали петь.
 На току машин гуденье —
 Музыки сопровожденье.
 — Да, не плохо бы успеть.

— День погож! — поет одна.
 — Ну и рожь! — поет другая,
 В холстяной мешок ссыпая
 Жестяной совок зерна.

Кто-то громко помянул
За работу добрым словом
(Тоже песней) Фомину.
— Ну, а как теперь с Козловым?

Избирать его иль нет? —
Маня сразу сбилась с пенья:
— У меня такое мненье —
Выбирать его не след.

Не уйдем далеко с ним,
Ходу он не даст артели.
— За Алену бой дадим! —
Комсомольцы зашумели.

И когда из-за мешков
Появился сам Козлов, —
Голоса не улеглись.
В вихревых столбах половы
Не заметили Козлова.
— Жми, ребята!
Шевелись!

Заглушая гул мотора,
Только громче стали петь:
— Наш обоз, ребята, в город
Должен первым подоспеть!

19

Устал, как на покосе в зной,
И голоден,
Но нет терпенья,
Решил еще зайти в правленье.
Лишь не столкнуться б с Фоминой.

Колхозная контора
Просторна и светла.
Чернильные узоры
По всем краям стола.

В углу плакат, как вывеска,
Двухцветная доска.
Стена в газетных вырезках
И в «Боевых листках».

Другая в фотоснимках,
Полученных с войны:
Сидят бойцы в обнимку —
Колхозные сыны.

На самом видном месте
Узнал он свой портрет.
Все чинно, честь по чести,
Обиды будто нет.

Окинул карту взглядом:
Все стрелы на Берлин,
Разделано, как надо,
Охаять нет причин.

Артели «Годовой отчет» —
Трехзначные ряды:
Приход-расход, приход-расход,
И тонны,
И пуды.

Потом — «Распоряжения»,
Особая стена.
И всюду:
«Предправления —
А л е н а Ф о м и н а».

Под новою картиной
Стояло пианино.
Пусть за него покуда сесть
Никто не мог, но люди
Считали:
Пианино есть
И пианисты будут.

В конторе только счетовод.
Графленый лист в руке.

Козлов глядит:
«Да это ж тот...
Знакомый... в ватнике»

Кивнул ему, сказал:
— Привет! —
И сел на табурет.
(А кресло где, в котором он
Сидел немало лет?) —
Что я тебя не помню, дед,
Ты здешний или нет?

Старик откашлялся в кулак,
Бумагу отложил:
— Сказал бы все, не знаю как..
— По совести скажи.

— Так я, коли по совести,
Из дальнего угла:
Из разоренной области,
Сожженного села.

Мы шли от горя тяжкого
Семьей куда нивесть. —
И он тряхнул костяшками,
Откинул пальцем
Шесть.

— Нас было шесть.
Дорожкою
Лесной ночами шли.
Сначала под бомбежкою
Две дочки полегли.

Старик на счеты не взглянул,
Но снова руку протянул,
И снова счеты брякнули,
Как будто гальки горсть...
— Старуху прямо на пэле
Похоронить пришлось.

«Брось!» — вздрогнув, чуть не закричал
Козлов на старика.

Но сам старик не замечал,
Что делает рука, —
Знать, горю нехватало слов, —
И обрывать не стал Козлов.

— Пристал сынок к разведчикам,
Известно: сыновья!
Остался, делать нечего,
С одною дочкой я.

Дошли, когда растаяло,
До здешних палестин...
Здесь дочь меня оставила,
В итоге — я один.

На старых счетах желтая
Одна осталась кость,
Поблекшая, истертая...
— Но я в селе не гость.

Прибилась дочка к городу,
Я не перечу ей,
Но сам я, братец смолоду
Живу среди полей.

Не разлучусь с землицею,
Мне нужен садик, двор,
Да чтоб смолой-живицею
Дышал вокруг простор,

Да озером,
Да пожнею...
Кто в чем увидел свет,
А для меня, сосед,
Ну, ничего надежнее
Земли родимой нет.

Возьми в соображение
Еще статью одну:
Почет и уважение —
Мы кормим всю страну.

В селе я не на выделе:
Свой брат,
И власть своя,
И службой не обидели.
В семье, выходит, я.

К тому ж, хозяйка здешняя —
Хозяйка с головой,
Она, конечно, женщина,
Но баба ничего!

— Довольны, что ль? — спросил его Козлов.

— Да как сказать...
Пожалуй, что ни на кого
Не думаем менять...

Старик приился с волоки
К селу — и свой, гляди.
За счетами, попробуй-ка
Его опереди!

И ведь, стуча костяшками,
Не спросит лысый чорт,
С какою думой тяжкою
Солдат Козлов живет.

«Только бы не в сторожа,
С боевого рубежа,
Не на понижение:
Хуже острого ножа
Это поражение!»

Председатель Фомина
Говорит:
— Убеждена,
Что на свете нашей службы
Нет трудней,
Люта она!

Разве только шоферам
Так еще везет, как нам.
Дни и ночи маешься,
С кем ни поругаешься —
Рассудительное слово
Не доходит до иного,
Помутнеет белый свет,
А спасиба даже нет...

Фомина шумела в меру
(Промолчать — не вынести!)
С бригадирами, к примеру,
По необходимости.

С Маней Лыковой:
У той
Нрав крутой,
Не золотой;
Чтобы с ней поговорить,
Надо зубы навострить.

Вот уж верно — жар в груди:
Коль сама не впереди,
То не видит смысла в жизни.
Чуть заминка —
Всех, гляди,
Обвинит в оппортунизме.

В поле, в гумнах, на дому
Наступала и шумела
Фомина,
Все потому,
Что для всех добра хотела.

Председатель бывший даже,
Николай Козлов,
И тот,
Как приметил весь народ,
Поперек два слова скажет —
И позиции сдает.

Потому-то для села
И загадка в том была,
Что она с Седых Никитой
Долго сладить не могла.

Все Никита в жизни мог
Счастье баловàло,
Для него больших дорог
Выпало немало.

Рос веселым, разбитным —
Девушки любили,
Под гармонь гурьбой за ним
По селу ходили.

Понемногу все умел,
Но искал чего-то,
Заниматься не хотел
Маленькой работой.

Без охоты дома жил
И в полях ни разу
Ни к чему не приложил
Силы доотказу.

Много выпало дорог,
А ноги не стало —
Он найти себе не мог
Даже тропки малой.

Как-то сразу посерел
И, на все в обиде,
Ни больших, ни малых дел
Для себя не видел.

Воротился в дом родной —
Все осточертело,
С постаревшею женой
Ладить надоело.

И жена — тиха, грустна —
Плачет на народе.
Уж кончается война,
Ей не легче:
Все одна
На работу ходит.

Муженька не узнает,
Он все дни гуляет.
И почет ему не тот...
Плачет женка,
А народ
Слезы понимает.

Где он душу разменял,
Колеся по свету?
Дом ему немилым стал,
Словно и не воевал
Он за землю эту.

Тряпки, мыло, табачок...
Купля и продажа...
Ездит в город на толчок —
Чем не новый кулачок?
И ухватка та же.

Грех, но больше нету сил...
Лучше б овдовела,
Лучше б он не приходил,
Лучше б голову сложил,
Чем такое дело!

Молчаливый, перекошенный
Костыляет инвалид.
У шинели вид заношенный,
Козырек к затылку сбит.

— Кто такой?
— Седых Никита.
Горе ходит неприкрыто.
У людей душа болит:
Пьет Никита-инвалид.

Где его повадка твердая,
Где его поглядка гордая?!

Обтирает пот рубахою,
Сам похож на мертвеца.
На Никите нет лица.
Люди охают и ахают,
Отплевываются.

На него Козлов глядит:
«Что же это деется?
Две нашивки на груди —
Это не безделица».

А вокруг народ твердит:
«С толку сбился инвалид!
Что — нога? душа отбита,
Сплоховал боец Никита!»

Может быть, такой почет
И Козлова ныне ждет?

— Стой, Никита!
Что ж ты, брат:
Что ни день, то новости,
Не добром тебя честят.
С кем войну ведешь, солдат?
Расскажи по совести
Будто пьешь,
Стекла бьешь,
Людям ходу не даешь?
Загляни-ка!..

У крыльца
Громыхнув задвижкой,
Тот вошел.

— Поклон бойца!
— Проходи, братишка!

Сел Седых к столу, кисет
Вынул из-под кепки
И сказал:
— Верти, сосед, —
Замореный, крепкий.

А кисет широк и ярок,
Буквы шитые горят —
Фронтовой, должно, подарок, —
А в кисете самосад,

Ядовит его дымок.
— Ну рассказывай, браток,
Как дела?

— Тут все дела
Поделом заело.
Первым делом у села
Фомина всю власть взяла —
Разве это дело?

И Никита сплюнул,
На цыгарку дунул.

— Настоящей силы нет.
Бабы и отчасти
Сосунки в тринадцать лет
Тут стоят у власти.

Все, конечно, у бабья
На детсад похоже:
Философия своя,
Угол зренья — тоже.

Им бы печи да вода,
Ступки да корыта...
А мы брали города!
А нам горе не беда!
— Не чуди, Никита!

Не черни зазря село.
Если разобраться,
Тут, брат, тоже дело шло,
Не к чему придраться.

Но Седых уже кричал,
Поднялся, клюкой стучал:

— Устояла земля
На одном солдате.
Почему ж не ты, не я
Здесь председатель?

Видно, как ни чуди,
Нам из этой чащи
Надо в город уходить, —
Случай подходящий.

А потом, косаясь на дверь,
Вдруг шепнул Козлову:
— Может, вновь тебя теперь
Примут за основу?

Ты не баба, и давно
Во главе артели.
Мы б с тобою заодно
Всем селом вертели!..

И когда со скрипом встал,
Взяв кисет солдатский,
Прямо в ухо зашептал
Уж совсем по-братски:

— Может, хочешь первачу?
Не вино, а диво.
— Нет, Никита, не хочу
Ни вина, ни пива.

На себя взгляни сперва.
Фомина, кажись, права,
Дело, видно, знает.
Сердце, брат, твои слова,
Ну, не принимает.

Я и то работу взял!
И тебе пора бы.
Я теперь завскладом стал... —
Тут Седых захочотал:
— Обломали бабы!

Эх, брат,
Слушай, брат!
Ты — солдат, и я — солдат.
На селе с тоски умрешь,
Поживешь и ты запьешь:
Лужа окаянная,
Скука деревянная.

А мы брали города,
А мы парни хоть куда.
Неужели ж нам с деревней
Не расстаться никогда?

Не хочу я жить в артели,
Сарафаны надоели.
Буду в городе, на воле,
На виду...
А здесь я кто? —
Николай спросил:
— А то ли?..
Так ли?.. —
Охнув, как от боли,
Проскрипел он:
— Верно, Коля,
Все не то!

Высек искру из кремня,
Закурил:
— Поверишь ли,
Горожанин из меня
Тоже не всамделишный.

Трудно, Коля, трудно, брат,
Ты поймешь,
Ты сам солдат.
Позабудутся тревоги,
Рвы травой покроются,
Заравняются дороги,
Города отстроятся,
Может, камни зацветут —
У меня другие ноги
Никогда не вырастут.

Вот и все речи.
Только в тот же вечер
Много слухов по селу
Шло об этой встрече...

21

После ужина на печке
За трубой Козлов прилег.
Дым свивается в колечки
И летит под потолок.

На подушке пуховой
Отдыхает домовой,
Сытой лапой морду трет
Домовой —
Усатый кот.

И Васютка лег усталый,
Только Дуня не легла:
Все, что за́ вечер узнала,
Пред глазами снова встало —
Сном забыться не могла.
Просто сплетни,
Может — хуже,
По селу идут о муже.

И тревожный и сердитый
Голос вдруг услышал он:
— Ты не путайся с Никитой,
Он тебе не компаньон.

Не затем тебя ждала,
Долгих ночек не спала.
От людей не отбивайся!..

И Козлова злость взяла.

«Удивительное дело,
Как «тихоня» вдруг запела,
Где отваги набралась?
Хоть бы в чем разобралась.

Дома всю войну сидела,
А теперь туда же — власть!»
— Ты кого учить взялась?

Что же это в самом деле,
Я хозяин или нет?! —
Даже сын вскочил с постели,
Опрокинув табурет.

Дуню, к счастью иль к несчастью,
Сразу оторопь взяла.
Устоять пред мужней властью —
Где ей, бабе? — не смогла.

Злости нет и пылу нет:
«И зачем обидела!»
Верно, — он изъездил свет,
А она что видела?
Только боль да бабья жалость
У нее в душе осталась.

Сына к сердцу притянула,
Приласкала, обняла
И с такой тоской вздохнула,
Словно ношу подняла.

— Верно, Коля, я была
Дома,
Верно, Коля!
И теперь, смотри, дела
Не пускают с поля.

Мне награда не нужна,
Только ты послушай:
Загляни хоть раз до дна
И в мою душу.

Тишина ты, тишина,
Узенькая улица!
На картошке у гумна
Копошится курица.

А мальчонка и жена
Снова в поле трудятся.

От зари до зорюшки
То в лесу, то в полюшке,
На новинах, на лугу,
На заречном берегу.
А в кладовке у Козлова
Ни забот, ни горюшка.

Принял с пасеки медок,
Записал — не сложно,
И опять хоть весь денек
За порог пускать дымок
Без помехи можно.
Или спать,
Или читать,
Или по лесу гулять
С полдника до ужина...
И, по правде сказать,
Разве не заслужено?

Летают утки над рекой,
А до реки подать рукой.

Взяв уду в руку, котелок
Надев на ремешок,
Пошел Козлов на весь денек
К реке на бережок.

Еще не вышел из села —
И вот они — поля!
Ах, до чего же ты светла,
Родимая земля!

На елке белочка-клубок,
Как огонек, горит.
Взлетают из-под самых ног
Тетерки, глухари.

На полдень глянул с бугорка:
Тиха, неширова,
Под солнцем вспыхнула река
Белее молока.

Потом вблизи, в листве резной,
Под ивой навесной
Она сверкнула вдруг сквозной
Сплошной голубизной.

А подошел — она текла,
Прозрачнее стекла,
Как будто вся — родник живой:
Присядь, рубцы войны омой.

Среди рябин и тополей
Бульбульканье воды
Напоминает журавлей
Гортанные лады.

А на мели, меж валунов,
И свист, и звон, и гул...

Разулся не спеша Козлов
Да ворот расстегнул,

Надел наживку на крючок,
Воткнул в траву уду
И лег к обрыву на бочок —
Вся рыба на виду.

Затих.
Теперь сиди, кури,
Сиди, не шевелись.
Вот налетели пескари,
Сорожки пронеслись.

Вот появился окунек,
Схватил крючок взаглот
И под корягу поволок:
Такой не подведет.

В червя вцепившись, мелкий ерш
Застыл.
Чего ж ты ждешь?
Хитришь, как мелкий плут?
Но врешь,
Меня не проведешь.

С оглядкой щука подошла,
Крючок на зуб взяла,
Чуть потянула, повела
И с леской уплыла.

Рыбак достал другой крючок
И вновь улегся на бочок.

Время здесь не быстрое,
Год пройдет — ни выстрела,
Ни начальства, ни тревог,
Сам себе и царь и бог.

Прокричит порой желна
В перелеске хвойном —
И опять спокойно...
Только скоро тишина
Надоела воину.

Как-то раз наедине
Он себе признался:
«Все ж работка не по мне,
Не за то я взялся!»

Все надеялся, придут,
Скажут: «Упущене!»
И введут в правленье,
Уговаривать начнут
Чуть не всем селеньем.

Приглашений ждет-пождет,
А никто ни слова,
Никуда не позовет
Фомина Козлова.

Про нехватки с ним народ
Не заводит речи,
За советом не идет —
Погордиться нечем.

Как и что ни говори,
А обидно, чорт дери!

«Вот так положение:
С боевого рубежа —
Все равно что в сторожа...
Хуже острого ножа
Это унижение!»

23

Из дневника А. Фоминой

***

Шумит!..
А я-то вижу,
Как он глядит, глядит,
К тому, что было, ближе
Податься норовит.

Уже тоска во взгляде,
А что плохого в том,
Что он — кладовщиком?
Ведь можно и на складе
Работать с огоньком.

За что не знает взяться,
А подтолкни слегка —
И станет обижаться:
Мужчина как-никак!

Как будто бы порода
Другая у мужчин,
Как будто это сроду
У них особый чин.

Сказать бы Дуне надо:
Смирна не в меру с ним,
Блюдем былые взгляды
Во вред себе самим.

Пускай не так поймется,
Хулить начнут — стерплю
Козлову руководства
Пока не уступлю!

***

Никиту Седых унять не смогла,
А люди обижаются.
Ужель он навеки пьяница?
Что делать?
Прогнать его из села —
Руки не подымаются.

Подумаешь только — и сдавит грудь,
Несчастье-то великое...
Быть может, и Петя мой где-нибудь,
Раненый, горе мыкает...

***

Если б со мной был маленький,
День заходил бы за день:
То надо спрятать валенки,
То рубашонку разгладить.

Я бы звала его Петенькой,
Ласковым именем мужа.
Сшила сама бы светленький
Костюм, городского не хуже.

Сумела — насочиняла бы
Сказок поинтересней
И на ночь ему напевала бы
Свои колыбельные песни.

Купала бы в речке, холила,
Чтоб не болел ни разу,
С сынком и сама бы вспомнила
Былые свои проказы.

Сама бы ходила наряднее
И песни бы чаще пела.
А он бы рос, ненаглядный мой,
Охочий до всякого дела.

Матери! Нету счастливее
Ваших забот на свете,
Нет и труда красивее!
Там лишь семья, где дети.

Ученого и солдата —
Всех матери поднимали.
Ведь маленькими когда-то
Были и Ленин и Сталин.

Пусть за столом обеденным
Места пустого не будет.
Пусть наши дети наследуют,
Что отстояли люди.

В нашей великой отчизне
Жить им при коммунизме!

***

Что надо сделать нам в селе
Для новой жизни,
Чтоб наступило скорей на земле
Время коммунизма?

Думаю, надо сперва суметь
Всем без исключения
На самих себя посмотреть
С новой точки зрения.

Люди мечтали много лет,
Много столетий,
Чтоб водворились правда и свет
На белом свете.

Пишут теперь:
Никогда, нигде
Еще не бывало таких, как здесь,

Чистых сердец,
Отважных людей.
А это мы и есть!

Самые светлые книги у нас.
Лучшие люди мира за нас.

Мы ныне во всех делах впереди —
Самый великий народ.
И если так на себя поглядим,
Любая работа спорей пойдет.

Перво-наперво мы должны
Добиться такого порядка,
Чтоб никогда ни в чем у страны
Не было недостатка.

Пусть урожай из года в год
Будут устойчивей и добротней;
Рожь, скажем, двести пудов дает,
Лен-долгунец, скажем, сотню.

Далее следует взяться нам
И перестроить село,
Постараться,
Чтобы могло оно потягаться,
Скажем, с райцентром по всем статьям.

Многое Родиной нам дано,
Старое сгинуло безвозвратно.
Сделаем:
Книги, театр, кино
Будут в колхозе для всех бесплатно.

Вот пооправимся и проведем
Такое решение:
Всех стариков, инвалидов возьмем
На полное иждивение.

В вузы отправим ребят: учитесь,
Только не чваньтесь,
Зря не гордитесь,
Да возвращайтесь в свои дома,
Не порывайте с колхозом, с областью...

Многое я еще и сама
Не представляю полностью.

Счастье великое — наш удел,
Светлой мы служим цели.
Хватит для всех и забот и дел.
Надо, чтоб каждый колхозник сумел
Быть председателем сельхозартели.

Дальше...
И слов не хватает даже.
Дальше товарищ Сталин подскажет.

***

Я еще не видала Сталина.
Если б дожить до такого дня!
В Кремль созывать, как раньше, стали бы,
Может, направили б и меня.

Звезды над Красной площадью светятся,
Словно я вижу ее наяву —
Нашу указчицу
И советчицу,
Коммунистическую Москву.

Небо, наверно, высокое, синее,
Даль до границ чиста и светла...
Это Москва ныне мир спасла:
Если б не наша московская линия,
Чем бы сегодня земля была?!

***

Как долго я дожидалась
Сегодняшнего звонка!
Как долго я собиралась
Учиться,
И... отказалась:
Нельзя! Не могу пока!

Козлова поднять охота,
Чтоб в *з а в т р а* смог заглянуть.
Дождусь, когда люди с фронта
Вернутся, тогда и в путь.

Пускай еще минет год,
Москва от меня не уйдет.

24

Николаю с женой у загона
Повстречалась в полдень Алена.

«Что-то слишком лицо бледно...
Что-то слишком сухи глаза...»
— Ты бы, Коля, ей хоть одно,
Хоть словечко б какое сказал!

На себя не похожа она...
Тот спросил Алену:
— Больна?
— Нет!
— Письмо получила?
— Да!
— Не от мужа?
— Нет!
— Так о муже?
Жив?
— Не знаю. Пропал без следа.
Это, может быть, смерти хуже.

И не стон раздался, а крик,
Так, что даже вздрогнул мужик.

Но Алена стоит перед ним —
Губы сжаты,
Ни вздоха, ни стона...
Это Дуня, а не Алена
Захлебнулась криком глухим.

Это, горем поражена,
Дуня слезы свои сглотнула...

Словно нет ее — Фомина
Головы не повернула.

Николаю в лицо глядит
И не хмурится:
— Загораешь? —
Душу взгляд ее леденит,
А что думает — не узнаешь.

— Кто поверит, что в кладовой
Вся работа — принять да выдать?
Это, Коля, пост боевой,
Надо только работу видеть.

Ты контроль наведи во всем —
Где ограхи, хвосты, потери.
Банк проводит контроль рублем,
А тебе вроде банк доверен.

Надо людям жить помогать,
Направлять, поднимать их выше.
Иль потише работу дать?
Пастухом, может, хочешь стать?
Что молчишь?
Найду и потише.

Фомина разговор вела
Лишь о деле,
Только о деле, —
Видно, боль велика была:
Допустить в тот день не могла,
Чтобы в душу ее смотрели.

Без вести пропал Фомин, и ждать
Перестали земляки солдата.
«За ненахождением адресата»
Письма возвращались.
Только мать
Не хотела ничего понять:
— Почта, надо думать, виновата!

К продавцу ходила, к избачу —
Не сгибает старую усталость! —
И к учителю:
— Чёркни хоть малость. —
Не больная — забрела к врачу:
— Написать бы так, как я хочу,
Чтобы к сыну шло, не возвращалось.

В Киев пишет, в Ригу, в Ленинград.
— Не таков мой сын, чтоб затеряться,
Жив ли, нет ли, должен отыскаться...
Но опять:
«Не найден адресат».
Доплатными шлет — идут назад.
Сны недобрые старушке снятся.

Веры нет и снам!
До темноты
На работе.
(Неспокойно дома!)
Съездила к секретарю райкома:
— Напиши теперь, родимый, ты,
Уж тебе-то все пути знакомы.

Будьте прокляты, кому война —
Не война, а прибыльное дело!
Горе материнское без дна,
Ненависть сильна,
Ей нет предела!

Пишет, пишет, пишет письма мать.
Ей ли сына кровного не ждать!

***

— Здравствуй, доченька! — и в поклоне
Мать согнулась. —
Мир да любовь!..

На воскресный день к Алене
Приехала свекровь.

— Здравствуй, мама! —
Алена встала,
Провела ее, обняла. —
Долго ж нас ты не навещала,
Я тебя что ни день ждала!

У старушки глаза большие,
Руки в ссадинках, в узелках,
Даже брови, и те седые...
А в глазах надежда и страх:

«Может, что-то невестка знает?..
Может, все-таки Петя жив?..»
Нет, она еще не рыдает,
Только охает да вздыхает,
На коленях руки сложив.

— Из соседнего к нам селенья
Заходил на-днях инвалид.
Что поделаешь, говорит,
Не хочу, говорит, эгорченья,
Но скажу про Петра —
Убит!

Враг подвел, говорит, резервы,
Наших выселив за рекой.
Петр в атаку бросился первый.
(Знаешь, Петя у нас какой!)

Кровь с землей, говорит, смешали.
Отступили потом чуть свет.
Тело, видно, не подобрали,
Потому и в убитых нет.

Человек, может, сорок живы... —
Смолкла старая.
Из-под бровей
За Алена следит пытливо —
Материнское сердце ревниво:
Что-то скажет невестка ей?

А невестка ясно и прямо
В сердце, в душу ее глядит:
— Все про смерть говорят мне, мама,
Только я не верю,
Упрямая,
Верить мне любовь не велит.

Мать как будто стала моложе,
Засияла, сняла платок.
— Я не верю, доченька, тоже,
Он без вести пропасть не может,
Не таков мой Петя сынок!

И до дна распахнулись души.
Стол.
Над ним — голова к голове.
— Ты послушай!..
— А вот, послушай!.. —
Все о Петеньке, о Петруще —
Словно мать не одна,
Их две.

— В поле хлеб загорелся как-то:
Страшно вспомнить! Не подойдешь!
Петя вывел всю молодежь.
Лезли прямо в огонь ребята
И спасли,
Отстояли рожь...

— А у нас он людей научил
Делать кринки и кирпичи.
Если б Петя...
— Ну, если бы Петя!
Много ль Петей таких на свете!..

— Если б Петеньке воротиться,
Я бы стала еще учиться.
Мне сказали: как подберешь
Для себя замену...
— И что ж,
Петя, дочка, на все годится,
Лучше смены ты не найдешь!

У меня и Виктор сынок
Председательствует толково,
Воротился с войны и снова
Заступил, погуляв денек.
Мне вот, доченька, невдомек,
Что такое у вас с Козловым?..

Так сидели да вспоминали.
Спохватились — в окне темно.
Помечтали, и повздыхали,
И поплакали заодно.

26

А вот и осенний сев настал.
Погода что надо с неделю кряду.
Васютка Козлов подобрал бригаду
И Сталинградской ее назвал.

С утра снарядили покрепче коней.
Ребятам годков по десять, не более.
Поручено:
За шесть погожих дней
Заборонить озимое поле.

Слова Фоминой повторялись не раз,
Они были приняты, как приказ:

— Забудьте о дсме, о сладком сне,
На фронте жилье — блиндажи и землянки.
Считайте, что вы теперь на войне
И это не бороны, а тачанки...

А поле — взглянуть на него и вздохнуть:
Огромное,
Нет ни конца, ни края.
Таким бесконечным казался путь
На запад —
От Волги и до Дуная.

Ночами опушки черным-черны.
Бездонное небо героев пугало.
Порою казалось им, что луны
И звезд над землей вовек не бывало.

Уже не канавы кругом, а рвы,
Не камни, а чудища...
Что такое?!
От шума листвы,
От крика совы
Бледнели и вздрагивали герои.

Хотелось поспеть до¹ стуж и дождей,
Пока еще ветры не налетели,
И если жалели кого —
Лошадей,
Одних лошадей, не себя жалели.

Узлы на ладонях,
Вихры в пыли.
Заказ фронтовой и жизнь фронтовая
И все им казалось:
Они прошли
С бойцами от Волги и до Дуная.

27

На селе, когда Алену
В председатели избрали,
Старики недоумленно
Головами покачали.

Ну, а женщины шутили,
Мол, своя рука в правленье,
Значит, женской половине
Полагается отныне
В каждом деле послабленье.

Шум отец Алены поднял:
— Посудите сами, люди,
У кого же мы сегодня
В подчиненье полном будем?

Это ж светопреставленье! —
И при всем честном народе
Тут же подал заявление,
Что от дел мироских уходит.

Лучше, дескать, пчеловодом
Поживу в лесной избушке,
Чтобы дочь перед народом
Не взяла на побегушки.

Говорит, а сам гордится —
Видят все! —
Своей Аленой.
Видят все: отец боится,
Как бы ей не осрамиться —
Бабы все же несмышлены.

Подписали назначенье.
Миновало два-три года,
Стал давать колхозный пчельник
Тысяч тридцать пять дохода.

Стариком колхоз хвалился.
Тот смеялся в разговоре:
Что ж, мол, в дочку уродился,
Не подвел,
Не опозорил.

Состоять в родстве с такою
Нелегко,
Но — честь, не скрою.

Об одном он убивался,
Что вдовой живет.
Ведь ясно:
Муж погиб — не затерялся,
А молодка не согласна.

Все не верит, хоть писали,
Что свидетелями были,
Только глаз не закрывали,
Только не похоронили.

Тосковать напрасно — мука.
И старик на том уперся,
Что ему бы — внучку, внука,
Чтобы род не перевелся.

Да один ли он боялся,
Что вдовой живет Алена.
Как бы кто не подобрался
К ней, известной, из района.

Мало ль всяких есть знакомых,
Увезут еще из дому.

Часто, как бы мимоходом,
Звал отец к себе Алену:
Угощу, мол, дочка, медом,
Мед добр не по сезону.

Посидим,
И путь не долог,
Старика утешь и пчелок!..

Березняк густой.
Опушка.
Вся в цветах стоит избушка.
Луговина высока,
И на ней
Пасека.

Ульи в два и в три ряда.
Ниже — омыты, вода,
Только вершу окунй —
Караси и окуни.

Много в зелени гнездится
Водоплавающей птицы,
Всех размеров и пород
Дичь на озере живет.

Стихнут шорохи лесные —
Оживают ивняки:

Выплюют расписные
Из укрытий
Выводки.

А в осинниках прибрежных,
На весь свет прославлена,
Жир нагуливает нежный
Прочая фауна.

На двуколке из села
Прибыла к отцу Алена.
Посмотрела вдаль со склона —
Ахнула
И замерла:
— До чего же даль светла!

Называем что-то раem,
Где живем — не понимаем:
Тут счастливей во сто раз.
Плохо там, где нету нас!

В солнце каждая иголка,
Каждый листик и цветок...
— Дочь! Надолго ль?
— Ненадолго,
На часок, не на денек.

Подержались за руки
И пошли сторонкой.
Улыбалась Фомина,
Ей казалось, что она
Снова стала маленькой,
Прежнею Оленкой.

Вот сорваться и вприпрыжку
С ветерком вперегонки
Мчаться берегом реки
И дразнить, кричать мальчишкам:
— Догоняйте, му-жи-ки!

Или с прежним увлеченьем
Собирать в лугах щавель...

Обошли колхозный пчельник
И уселись на траве.

— Поддержал, отец, уважил,
Не ударил в грязь лицом.
Весь колхоз,
Старухи даже
Стали звать тебя *отцом*.

Он сказал:
— Служу народу! —
Рассмеялся, закурил. —
Нынче мне твои бы годы,
Не такое б натворил.

У соснового ствола
Речь негромкая текла.
Словно слушая беседу,
Над отцом вилась пчела.

— Прозябаешь, дочка, зря,
Не пора ль оstepениться?
Время заново «жениться»
Да родить богатыря.

И колхозу бы подмога,
Да и я б не горевал.
Оженись, побойся бога!
— Аль приемка подыскал?

— Для тебя хоть отбавляй,
Только ты согласье дай.

— Ну, коли отец за свата,
Мне судьбы не миновать.
Только ладно ли «женатых»
Снова замуж выдавать?

Не случилось бы заминки?
Не осудит ли народ?
Мужа жду...

— Ты справь поминки,
Сердце-то и отойдет.

Слов последних и пчела,
Видно, не перенесла,
Пыль с сосновой ветки сдула —
Над отцом давно вилась, —
Присмотрелась,
Развернулась
И в лицо ему впилась.

Дед опешил,
Деду лихо,
А Алена — хохотать:
— Сватье бабе Бабарихе
Довелось ответ держать!

Но отец не растерялся,
Видит, замысел сорвался,
Срочно курс решил менять,
Вслед за ней расхохотался:
— Верно, дочка, надо ждать!
Я готов осаду снять,
Не на ту, видать, нарвался.

Ветерок у самых ног
Сена клок
Проволок,
Поиграл, как до струной,
С кожурой берестяной.

На осиновый сучок
Забрался бурундучок,
На Алену посмотрел,
Словно что сказать хотел.

И ее как осенило:
«Вот Козлову уголок!
Впрямь — хотя б на малый срок.
И спокойно, и по силам.
Здесь бы он подумать мог...»

Не о нем одном печется,
Но не польза и ему,
Если снова не привьется
К делу, к месту своему.

Дочь спросила старика:
— Может, дать, отец, дружка?
Добывали б мед на пару,
Спали б в зелени густой.
Человек он не простой,
Но хороший парень.

— Так!.. — сказал отец суворо. —
Понимаю все как есть.
Легкой жизни для Козлова
Ищешь?
Нету легкой здесь!

Загляни в мою контору —
Сколько там ученых книг,
Посмотри, какую гору
Их осилил твой стариk.

Обижаешь:
Пчеловодство
Не забава для ребят,
Не курорт
(Отсталый взгляд!),
Пчелы тоже руководства
Настоящего хотят.

28

Лось зашел с коровами в село,
Сразу стало маленьким село...

С выгона к тесовому закуту
Он шагал по улице прямой
Медленно
И так легко, как будто
Не касался неба головой.

Не было в деревне никого.
Николай Козлов, цыгарку бросив,
С палкой кинулся бежать за лосем,
Словно взять живым хотел его.

Много зверя всякого в войну
Северные дебри приютили.
Днем медведи к избам подходили,
Волки нарушали тишину.

Услыхав людской истощный крик,
Полоснул сохач рогами небо
И исчез, как появился, вмиг:
Был он или не был?

Может, метров десяти
Добежать Козлов не смог,
Опустился на песок:
Как бы дух перевести!

И, откуда ни возьмись,
Фомина к нему подсела:
— Покажи, поймал, кажись,
Молодец, хвалю за смелость!

Он обрадовался ей,
Потерял совсем дыханье,
Словно вспомнилось свиданье
Из совсем далеких дней.

Словно не было обид.
Руку сжал ей:
— Ну и вечер!
Ну и случай! — говорит.
И обнял ее за плечи. —

Нет другой такой земли,
Где б в деревню лоси шли! —
Та его не отстранила,
Только чуть глаза скосила:
— Уж и ты не сватать ли?

— Ну, куда там! — и Козлов
Отвернулся от Алены. —
От ответственных трудов
Мне ни сна, ни угомону.

Загрузила, спасу нет... —
Фомина ему в ответ:
— Не твоя ль была охота?
Выбирал — куда смотрел?
Вот горенья нету что-то...
— В сторожах, да чтоб горел,
Это все же не работа!

— Стало быть, затосковал
О большой работе? Дело!
— Да, по правде, ждать устал,
Чтобы кто работу дал.
— Я того лишь и хотела.

Надо б с этого начать! —
И она ему призналась,
Что на пасеку сослать
Собиралась. —
Ошибалась!

Ну, давай поговорим:
Что желаешь взять на выбор,
По порядку, — либо, либо... —
Но Козлов —
Да что же с ним? —
Как и прежде, ей:
— Спасибо!

Мне еще лечиться след
Грязями, электросветом.
Тут, насколько знаю, нет
Процедурных кабинетов.

— Будем, Коля, все иметь.
— Вот как!.. Что-то я не вижу.
— Ты к народу стань поближе,
Видеть надобно уметь.

Будет, Коля, свой курорт!
Помнишь Хвойные Деляны?
Бор сосновый,

Пляж песчаный,
Речка...
Место — первый сорт.

Скажем, кончили страду,
Первым делом — в санаторий,
Тут тебе и мед, и море,
Виноград в своем саду.

Нету солнца в декабре —
Кварц прими,
Лечись рентгеном.
Ванна, душ — попеременно,
Все, как в «Красном октябре».

— Про «Октябрь» и я не раз
Слышал. Сел таких немного.
Это вроде напоказ...

— Напоказ? Побойся бога.
Это есть везде сейчас,
Будет скоро и у нас,
Ведь одна у всех дорога.

Только, верь — и доживеешь,
Да работы не гнушайся.
Все осилим!
Ну, решайся,
На какой объект пойдешь?

— На объект? Ты все о том.
Лучше я пойду в райком,
Пусть в другой колхоз направят,
С делом кто, как я, знаком?

— Назначать райком не вправе.
— Значит, хочешь жить заставить
Под своим под сапогом?

Спорь с ним хоть до хрипоты...
— Коля, Коля!
Был бы ты
В партии — любые дали
Сразу б с этой высоты
Для тебя яснее стали.

Фомина вздохнула, встала.
Повернулась и ушла —
Как была и не была.
А уже и ночь настала.

А Козлов с земли не встал.
Стало вдруг обидно, жалко,
Что уже отвоевал...
На ладони поплевал —
И сломал
Палку.

«В какой стране теперь бои?
Куда писать друзьям?
А не распить ли мне свои
Законные сто грамм?!»

29

Костыли скрипят не в ногу.
Эх, и выпили!
Из телеги на дорогу
Вместе выпали.

Пьяным море по колено.
Что вселенная?!
Только свита у военных
Не военная.

Семенит с Никитой в паре,
Мельтешит у ног
То ли баба,
То ли парень —
Сразу невдомек.

Есть такие и доселе
В селах там и тут —
Бобылями, не в артелях,
Не с людьми живут.

Мы поля преображали,
Расчищали лес,
А они себе искали
Потеплее мест.

Молчаливы, плутоваты,
Что ни парень — жох.
Этот желтый, угреватый
Из таких пройдох.

Не урод и не калека,
Но в войну прослыл
За большого человека,
Лез подальше в тыл.

Как-то песню про безногих
Спел он для Седых,
Мол, особые дороги
На земле у них.

Он для скупок и для сбыта
Щели находил,
На толчок с собой Никиту
В город уводил.

А теперь вокруг Козлова
Начинал кружить:
Завести б дружка такого —
Кладовщик ведь! —
Вот толково
Можно было б жить.

Пили с вечера
И до вечера.
Своего изделия зелье —
Жалеть нечего.

Пили в бане и в избе,
У Никиты в погребе.
Днем Козлов, оставшись дома,
Пригласил гостей к себе.

Заскрипели половицы.
Распахнули настежь дверь.
Парню молча не сидится:
— Қабы нам по заграницам
Погулять, друзья, теперь!

Вот где жизнь,
Эх, и жизнь!
На любом углу — кабак.

А потом передрались.
Дело было так:

На солдатскую гулянку
Принесли гармонь-тальянку,
В зеркалах — живой огонь.
Желтомордый в пляс пустился,
К потолку подняв ладонь.

«Председательшу свою
Из-за речки узнаю.
Юбка шибко длинная,
Походка журавлиная».

«Николай, Николай,
Бабам воли не давай.
Бабы волю заберут,
Николая засмеют».

Он плясал и припевал,
За живое задевал.
Николай стакан поставил
И прислушиваться стал.

«Қабы не было морозов —
Не пришлось бы зимовать.
Қабы не было колхозов —
Не пришлось бы воевать».

«Не неметчина страшна,
Не чужая сторона...»

Николай привстал со стула:
— Что ты мелешь, сатана?

Много пито — все забыто?
А за что ж я воевал?
А за что Седых Никита
Свою ногу потерял?!

Но плясун уже не слушал,
Хмель запел — не одолеть.
У Козлова стали уши
Багроветь.

«Как же это:
О своем —
И такое слово?
То мы головы кладем,
То, махнув на все, поем
С языка чужого.

О своем, о дорогом...
Иль мы все забыли?
Иль не справились с врагом,
Немцев не побили?!

И в своем ли я дому?
Что мы тут справляем?
Люди в поле,
Почему
Мы одни гуляем?...»

Громыхнув тяжелым стулом,
Николай вскочил рывком
И давай по желтым скулам
Бить наотмашь кулаком.

— Что ты мелешь, сатана!
Не война тебе страшна?.. —
Жалко, нету старой силы,
Раздавил бы плясуну!

— Чью ты жизнь хаешь?
С кем сидишь — знаешь?
Русский ты иль иностранец?
Что ты понимаешь?

И опять — с размаху,
Аж порвал рубаху,
Кулаком, что колом...

Всполошились за столом.

Прибежал на шум народ:
Из конторы счетовод,
Стайкой девочки слетелись
Под рябиной у ворот.

Жницы с поля идут:
— Что за гам?
Самосуд?..
Счетовод им разъясняет:
— Там солдаты бой ведут!

Парень скрылся.
И в артели
Водворилась тишина.
Отдышавшись еле-еле
(Грудь, плечо, рука болели),
Сел Козлов у окна.

Поглядел на мокрый стол,
По лицу рукой провел
И сказал, как пробуждаясь:
— До чего же я дошел?..

Словно голову угаром
Обнесло — попал в беду,
Лишь не езжу по базарам
Да торговли не веду... .

С кем гулял?
Кого пригрел?
Да куда же я смотрел!..

Боевой солдатский орден
На груди его краснел.

Поздним вечером с гумна
Воротилася жена.
Бабьих слез,
Плаксивых слов
По привычке ждал Козлов.

Дуня избу подмела.
Ужин мужу подала
Да спросила:
— Как дела?
Жив? —
И все,
И спать легла.

Хоть бы выругала, что ли,
Дверью хлопнула хоть раз!
Он скривился, как от боли,
На еду не поднял глаз.

Сын пришел — уже темно.
Не спеша закрыл окно,
Свет зажег
И съел, что было
Для отца поставлено.

От него ни слез, ни слов
Никаких не ждал Козлов,
Но малец набрался сил
И, краснея, забасил:

— Тятя, ты имей в виду,
Все с Никитой не в ладу,
А мы с мамой у артели
Не последние в ряду.

Фомина тебя ждала,
Хорошо колхоз вела.
А тебе, виши, все не к спеху,
Хочешь свертывать дела.

По селу молва идет...
Тятя, так тебя народ
В председатели колхоза
Никогда не изберет.

Ты бы маму не срамил
И меня не подводил!.. —
А мальчишеский румянец
И при лампе виден был.

Трудно было удержаться, —
И Козлов сынка обнял.
Вот и думай — парень мал!
Обижаться иль смеяться
Над Васюткой — сам не знал.

А потом Козлов сказал:

— Ладно, я не подведу.
Только ты имей в виду,
Дом покину, а не буду
У тебя на поводу.
Признавать отца не станешь —
Я в другой колхоз уйду.

А с Аленой было хуже —
Ворвалась, а не вошла,
Ничего не поняла
И кричала, как на мужа,
Чуть за горло не брала:

— Ты мне воду не муты
И народ не баламуты.
Хочешь из дома уйти?
Уходи, счастливый путь!

Свой колхоз тебе пустяк?
Скатертью дорога!
А у нас тут и без драк
Дела много.

И Яков Розанов пришел.
Он весь в пыли мучной.
Уселся не спеша за стол,
О том о сем беседу вел.
О службе фронтовой,

О дружбе, что была крепка,
Закалена огнем.
Вел разговор издалека
О боевых путях полка
И о себе самом.

Все будто о себе самом...
Взгрустнулось, может быть,
А в этом случае вдвоем
Приятно покурить,

Поговорить,
Подумать вслух...
Козлов сидел, молчал.
И Розанов один за двух
О жизни размышлял.

Война! — и вспомнишь стон и кровь.
Огонь — весь мир в огне,
И трупами забитый ров...
Ужель хоть раз хороших слов
Не скажешь о войне?

В землянках жили мы не год.
Землянка — не изба:
Песчаный пол,
Не дверь, а «ход»,
Не печь — «времянка»,
Кольца вьет
Горыныч-змей — труба.

Пусть не изба — низка, темна! —
А все бойцу порой
Казалась горенкой она,

Когда из вылазки ночной
Один, усталый допьяна,
Он приходил «домой».

Был чайник со свистком в рожке —
Свистел, как закипит.
Бойцы, заботясь о дружке,
Чаек поставят в котелке:
Пускай дружок поспит.

Не клали в печь еловых дров —
Трещат, покою нет.
Проснется — спросят:
«Жив-здоров?»
Уже обед ему готов,
Махрой набит кисет.

Нет, с золотым шитьем погон
Дружок не нашивал,
Шинели офицерской он
Еще не нашивал —

Что из того?
Всему свой срок.
От мыла до вина,
От полотенца до сапог
Все шло ему сполна.

От генерала спуску нет
Начальству за бойца:
Что ест?
Тепло ль обут, одет?..
Доставь бумагу, дай конверт
Ему для письменица.

Его защитником зовут,
Везде солдату дом,
Все трубы для него поют,
И песни все о нем.

Ему поклоны всей страны —
Награды из наград...
Выходит, нет ему цены,
Хоть он простой солдат.

А положили в лазарет —
С ним нянчилась сестра.
Опять:
Как ел?
Тепло ль одет?..
Не спиши — приставит табурет,
Читает до утра.

Напиться даст,
Умыться даст
И ногти острижет.
И врач с него не сводит глаз —
От смерти бережет.

Не стала меньше на войне
Любовь к родимой стороне,
Попрежнему своя семья,
Свой дом — как вся земля.

Но думалось по простоте:
Когда война пройдет —
Заботы будут, но не те,
Весь ход работ не тот.

Он видел сотни городов,
А сел и не считал.
И верил, что на сто голов
Соседей выше стал.

В селе всех женщин, мужиков
Он знал наперечет,
А там десятки языков,
Со всей страны народ,

Со всей земли...
И вот теперь

Вернулся, и ему
Вдруг показалась узкой дверь
В своем родном дому...

Уже совсем темно в избе.
Козлов молчал, курил.
Как будто об одном себе
Товарищ говорил.

Лишь о себе самом... Ни в чем
Дружка не упрекал...
А Николай лишь о своем
Весь вечер размышлял.

«Не стала меньше на войне
Любовь к родимой стороне,
Не ужे дверь в родном дому..
Что ж не понравилось ему?!

Бо всем всегда других виним.
А разве Фомина
Не дорожит им?
Разве с ним
Не нянчится она?

И ведь, по совести сказать,
Коль жизнь не торопить,
Стране всех сил не отдавать —
За что же было воевать?
Зачем тогда и жить?»

На денек — до городка —
Без худого слова
Племенного рысака
Дали для Козлова.

Конюх Петр Сергеич сам
Ехать снарядился,
Утром битых два часа
Чистился и брился.

Что он был за человек,
Знали больше кони.
В одиночку едет — ввек
Лошади не тронет.

Волоками день и два,
Если нет народу,
Он трусит едва-едва,
Через пень-колоду.

Ну, рысцой, куда ни шло,
Только чтобы ехать.
Но покажется село —
И пойдет потеха.

Сразу вожжи подберет
Да как крикнет:
— Трогай! —
И польется, поплынет
Пыльная дорога.

Куры кинутся к плетням:
— Кто-кто-кто так скажет?! —
И несется по пятам
Лай густой собачий.

А случится пассажир,
Нужный для артели,
Ну, тогда, конек, служи,
Чтоб гужи гудели.

Втихомолку горячит,
Незаметно хлещет,
Сам на все село кричит:
— Тише, сумасшедший!

Петр Сергеич знал пути
К сердцу человека:
Накорми да прокати —
Так велось от века.

А Козлов, того гляди,
Еще нужен будет..
Ну лети, рысак, лети,
Чтоб дивились люди.

Чтоб и вправду из ушей
Пламя повалило...
Николаю по душе
Уваженье было.

Все, чем жил, припомнить
По дороге начал.
А порой себя понять —
Трудная задача.

И росла, росла в груди
На себя досада:
Как на дело ни гляди —
Жил не так, как надо.

Возвратившись в край родной,
С первой же беседы
Боком, если не спиной,
Стал к своим соседям.

Он дивился: Фомина
Даже провожала,
Стало быть, ему она
Худа не желала.

Поручение дала,
Да и не простое:
Ящик-два добыть стекла
Для колхозных строек.

Было много у ворот
И другого люда.
Стало быть, и весь народ
Не желает худа.

У него охоты нет
Дом родной покинуть.
Но, сказать по правде, свет
Не сошелся клином!

У себя не привился.
Что ж — колхозов много.
Весь район и область вся,
Как одна дорога.

Надо все же побывать
В городе, в райкоме,
Начистую рассказать
О себе, о доме.

Там укажут все пути,
Там поймут с пол слова...
Ну лети, рысак, лети,
Успокой Козлова!

Деревянный городок
Над озерной бездной,
Сто проселочных дорог —
Нет пока железной.

Но за речкой, за бугром —
Гэродской аэродром,
И воздушный транспорт
Сократил пространства.

Да гудят авторожки,
Резкие, густые:
Носятся грузовики,
Есть и легковые.

Хлынет праздничный поток
Из колхозов в городок —
Нехватает площадей
Для машин и лошадей.

Мастерские эмтеэс,
Склады скобяные,
Телеграф и пенькотрест,
Маслопром...
Для здешних мест
Это — индустрия!

Да растут из года в год
Льнозавод,
Лесозавод.
В водополье пароход
К городку с баржой идет.

Лампочками Ильича
Молодежь гордится.
В летнем парке по ночам —
Что тебе столица,
Хоть попрежнему леса
Подпирают небеса.

Петр Сергеич в козлы врос,
Вожжи сами взмыли —
И понес рысак, понес
За автомобилем.

38

«А за войну наш город повзросел,
Заметно больше стало оживленье...»
Козлов ходил сперва по учрежденьям:
Во что бы то ни стало он хотел
Аленино исполнить порученье.

Неторопливо меж столов шагал.
Как на героя, на него смотрели,
Но разговор о деле начинал —
Не спрашивали, где он воевал,
А знать хотели:
Из какой артели.

В конторах лица оживали вдруг:
— Колхоз заметный,
Даже знаменитый,
Алену слышно на сто верст вокруг! —
Вот и пойми тут, ради чьих заслуг
Все двери были перед ним открыты!

Хоть трудно, все же на стекло наряд
Для Фоминой Алены подписали.
Козлов отправил конюха на склад.
Что дальше?
Оперся на палисад
И думал: «Не вернуться ли назад?..»
Машины проходили.
Кони ржали.

У леспромхоза — словно у кино.
Слет сплавщиков.
Слышны раскаты смеха.
Идут рабочие, везут зерно,
Кому-то почту сунули в окно. —
Все, все спешат!..
Зачем же он приехал?

Пошел в райком.
Там скажут, что к чему.
Но там стояла тишина немая,
Двенадцать комнат в каменном дому
И никого.
Дежурная ему
Растолковала: мол, пора страднá...

Козлов задумался:
«И здесь страда,
Деревне помогают города».
Два дня он ждал, горел как на огне.
А секретарь сновал по сельсоветам,
То на машине жил, то на коне,
То в заборной ездил стороне,
То в заовражье,
То в заречье где-то.

Вернулся.
Сразу зашумел райком:
Опять стоят подводы у райкома,
Собранья ночью,
Заседанья днем...

И Николай подумал так о нем:
«Да, каждый дорог на посту своем,
А без хозяина и дом не дом.
Что ж я-то делаю — бегу из дома?»

В половиках крестьянских кабинет,
На стенах карты,
На столе колосья.
Железный шкаф, семь стульев, табурет,
И сноп в углу, как на дожинках «гостья».
Здесь «да» — есть «да».
А «нет» — убейся — «нет»!

Козлова встретил, встав из-за стола,
Сам секретарь, легко, непринужденно —
«Сам Михалев», как Фомина звала.
— Садитесь! Из какого вы села?
Ах, вы — Козлов? От Фоминой Алены?

Ну, как там жизнь на ваш на свежий взгляд?
Довольны ль женским руководством люди?
Войну и здесь ведете, говорят?
Мы знаем парня этого, солдат,
С ним разговор особый скоро будет.
Он и Седых Никиту с толку сбил... —
И Михалев, нахмурясь, закурил.

Он как-то сразу так заговорил
Тепло и просто
И как равный с равным, —
Как жизнь идет? Где он сегодня был? —
Что Николай Козлов совсем забыл,
Зачем пришел,
О чем шумел недавно.

Хозяин, видно, втайне тосковал,
Что раньше времени отвоевал
И не в боях теперь седеет волос.
Спросил Козлова, где он наступал,
А сам в ладонях колос растирал...
Сидели, говорили вполуголос

О минах, об «эрсах»¹, их огне,
О танковых боях и переходах,
О напряженье трудовом в стране:
— Район стал хлеба поставлять вдвойне!..
— Не помешала жатве и погода!..

Как близкие, сидели.

Ничего

Хозяин словно бы не сказал такого —
Выслушивал, разглядывал его, —
А отлегло от сердца у Козлова.

Он словно жизнь яснее видеть стал
И больше сил почуял за плечами,
В своих глазах заметно вырастал,
И мелочи вдруг стали мелочами.

— Так, говоришь, на месте Фомина? —
Козлов ответил:
— Говорю по чести,
Для должности такой и создана,
До склона лет ей быть на этом месте.

Тут Михалев не согласился с ним:
— Мы об Аллене думаем иначе,
И если ей условия создадим,
С любою может справиться задачей.

Слыхал, что делает:
Еще война,
Едва войти в Германию успели,
Мы намекнули только — и она
Уже взялась, корпит, не зная сна,
Над пятилетним планом для артели.

¹ Реактивные снаряды.

Ты кем работаешь теперь?
— Да так...
Зав продуктовой кладовой покуда...
— И только-то? Не по тебе, земляк.
Хвалить за это Фомину не будем.
Не по-хозяйски... Это не пустяк...
Таких, как ты, нельзя держать под спудом.

Иль, может, выбрал сам? —
Козлов сейчас
Секретарю не захотел признаться.
А у того вдруг начали смеяться,
Растягиваться лучики у глаз.
— Ну, говори, что для конца припас.
Наверно, в город хочешь перебраться?

И уж улыбка по всему лицу,
Как будто зайчик солнечный, играла.
Тогда-то и представилось бойцу,
Что здесь он — как бы в штабе генерала;

Тут не простой район — укрепрайон,
Вокруг пехота, а не «населенье»,
Что, в лазарете подлечившись, он
Пришел сюда за новым назначеньем,
Быть может, в новый сводный батальон.

— В другой колхоз пошлете?
— Не пошлем!
Да разве там особые законы?
Теперь везде, брат, есть свои Алены.
Желаешь, перечислю поименно?
А ты стоял бы лучше на своем.

Уж больно скоро начал отступать,
Нехорошо!
Не по-солдатски вроде.
Нет, ты борись и первым стань опять,
Учись, читай и — как тебе сказать? —
Не о себе заботься — о народе.

За все берись, чтоб в колос труд пошел.
Работа никакая не зазорна,
Все — для Отчизны,
Все — в один котел,
К большому хлебу колоски да зерна.

Учиться скоро Фомину пошлем.
Там поглядим... ты заходи в райком.
Так возражаешь или нет?..
Ну, рад!
Да и нельзя иначе: ты — солдат.

Иль уговаривать еще?
— Да нет, —
Сказал Козлов, — деревня-то родная...
— Так, брат! Село теперь — передовая
На нашем фронте,
И намного лет.

Там надо быть!
А раз пришел в райком,
Давай столкуемся еще о том, —
Мы здесь с тобою, как в армейской части, —
Не забывай отныне об одном:
В бою, в колхозе, в городе ль каком
Ты, с орденом, — актив советской власти.

84

За стеклами за синими
Дорога в лунном инее.
Уже и полночь близко.
— Освободите линию! —
Кричит телефонистка.

— Освободите линию! —
А голос всем знакомый.
И в Липове, в Осинове,
В Скачкове и в Малинове

Освобождают линию
Секретарю райкома.

— Алена Николаевна?
Да! Был твой подопечный,
Сидели целый вечер...
Менять сейчас хозяина?
Не может быть и речи!

Но ты перехватила.
Сплеча, видать, рубила?
Конечно, самолюбия
Его не пощадила.

Мое все то же мнение:
Ввести его в правление
И посмотреть, что будет.
А там народ рассудит.

Нет, зря солдат не плачется.
Такой еще прославится.
Инспектором по качеству
Поставь:
Захочет — справится.

— Да я б его назначила —
Бери любое дело!
Но сладить не сумела.
А так с любой задачей он
Справляться может смело:
Он человек толковый...

Гудит полночный провод.
Гудит,
И как-то вышло —
Вздохнула вдруг Алена,
Да так, что было слышно
Во всех концах района.

Вздохнула — и ни слова.
И этот вздох отчаянный
Встревожил Михалева:
— О чем ты, Николаевна?

О чем?..
Народ воротится,
Тогда расправим плечи.
В селе своя сколотится
Партия — будет легче.

О чем?
И муж объявится,
Придет живым-здоровым.
Все будет, как желается,
Попомни мое слово.

Что стало с Фоминою,
Она сама не знала.
К стене припав спиною,
Сильнее трубку сжалла.
— О чем вы? — закричала. —

На что вы намекаете?
Иль что-то, верно, знаете?
О чем вы говорите?
Скажите, не томите!

Но Михалев Алене
Ни слова в добавленье.
И снова в телефоне
Далекое гуденье.

Алена без движения
Сидела да гадала:
«Быть может, в утешение,
Без всякого значения,
Слова свои сказал он?

Иль это что-то значит?..»
Потом рывком вскочила:
«А говорят — не плачу...» —
И слезы осушила.

Дождь зарядил. Погода холодна.
Но не стихает на селе работа:
Народ пошел на теребленье льна,
Под крышею запольного гумна
Усилилась горячка обмолота.

Давно на пожнях ни цветов, ни пчел...
В дороге дождь не пощадил Козлова.
Когда он на дом к Фоминой пришел,
Вода с него лилась, как с водяного.

В избе на стенке желтый телефон,
Точь-в-точь скворечник — если снимешь трубку.
На председательше заметил он
Короткую с застежкой-змейкой юбку.

— Колхоз-то наш, — сказал он, — на виду,
Известен всем, не одному райкому.
Ну вот, Алена, был я в городе —
И никуда из дома не пойду.
Все ж кладовую передай другому.

— Головомойку, что ли, получил? —
Его Алена Фомина спросила. —
Я за тебя, брат, тоже получила.
— Да, получил иль нет, в райкоме был.
Сходить туда давно бы надо было.

А знаешь, что мне Михалев сказал? —
И Николай с хитринкой улыбнулся. —
Чтоб я, солдат, перед тобой тянулся,
Мол, Фомина — такой же генерал.

Но только бесхозяйственно, как хошь,
Таких людей, как я, держать под спудом.
— Инспектором по качеству пойдешь? —
Его спросила Фомина.
— А что ж?
Песет боевой. Работать вместе будем.

Не скрыла облегченья Фомина.
Высокая и крепкая, она
Сняла косынку —
И коса слетела,
Рассыпалась вокруг плеч, расплетена.
Она заговорила, как запела:
— У нас порода, Коленька, одна,
Я знала, сам не сможешь жить без дела.

Да и нельзя:
Мы нынче на виду,
Не зря же выдали тебе награду.
С народом, Коля, надо жить в ладу,
Не так наградой величаться надо.

И нас напрасно начал поносить:
Деревня за войну не поглупела,
Я, к слову, с год на курсах отсидела.
— Да, в платьях стала городских ходить...
— Сам понимаешь, что не в платьях дело.

Козлов, окно загородив спиной,
Сел у стола и слушал:
Над деревней
Дождь бушевал надсадный, проливной.
А в сердце тихо, —
Голос Фоминой
Звучал все горячей, все задушевней

О близких, о знакомых на войне:
Кто на побывку приезжал, кто не был,
Кто жив, кто нет,
И, как о старине, —
О самом светлом предвоенном дне,
И, наконец, о молотьбе, о хлебе.

— Как быть с Никитою Седых? Давай
Решим, загинет человек напрасно... —
Козлов сказал:
— Ты мне его отдай,
Я по-солдатски с ним...
— Ну что ж, согласна!

— Придется, видно, снова воевать
Вот желтомордого убрать подале,
Тогда Седых сумею обломать,
В том Михалев мне будет помогать, —
С ним города недаром вместе брали.

А там до руководства доберусь.
Не уступлю! Не на того напали!
У бабы вот немного подучусь...
— Согласна! —
И они захохотали.

36

Беспросыпу лют дожди —
Злые, окаянные,
Хоть из дому не ходи,
Прямо наказание.

Но победные идут
С фронта сообщения.
И с утра их люди ждут,
Стоя у правления.

Комсомольское ведет
Лыкова собрание.
Чуть не весь сидит народ,
Затаив дыхание.

Что им нового сказать?
И она решается
Письма милого читать —
То, что всех касается.

Сообщает в письмах он,
Что сбылось желание.
«Передай друзьям поклон,
Мы уже в Германии!»

А про стужу ни словца,
Словно там и нет ее.
Иль настало для бойца
Снова время летнее?

Пишет только·
«Жив-здоров,
И уже в Германии.
У немецких городов
Трудные названия.

Где-то брат больной лежит? —
В Луге парня ранили.
Если дома, доложи:
Мы уже в Германии!

Тяжело, но пусть сосед
Знает: сына больше нет.
Выполнив задание,
Он погиб в расцвете лет,
Но вошел в Германию.

Коль в селе сироты есть —
В целях воспитания
Растолкуй им эту весть:
Мы уже в Германии!

Мы уже в Германии,
И пишу заранее:
Нынче можешь, дорогая,
Думать о свидании...»

А народ глядит в окно:
Словно нет дождя давно.
Вся земля в сиянии,
Словно с ними заодно
Вся земля твердит одно:
— Мы уже в Германии!

Колхозная контора
Просторна и светла.
Чернильные узоры
По всем краям стола.

В витринах все, как было,
Но вдоль одной стены
Алена разместила
Рядком *героев тыла*
С героями войны.

Под фото строчки ярки.
Кому за что почет.
Тут конюх и доярки,
Кузнец и счетовод.

О Лыковой Марии
Газетная статья.
В овалах — звеньевые,
Васютка и другие.
Все люди не чужие —
Своя семья.

Один вопрос в повестке,
Зато какой вопрос!
И нехватало места —
Сходился весь колхоз.

Дымились папироски,
Шипели самокрутки.
Торжественно подростки
Толпились вокруг Васютки.

А он, пригнувшись ниже,
Все лез и лез в дыму,
Насколько можно ближе,
К портрету своему.

Пока не начат сход,
Откинув в угол счеты,
Свои с Козловым счеты
Сводил счетовод.

— На фронте жизнь тяжелая, —
Он говорил, — бои!
Вы в битвах клали головы.
Но вы-то сами — чьи?

Фашисты обездолили
И мой семейный кров.
Вы крови много пролили,
Так это ж наша кровь!

Вы там прошли Германию.
Мы тут не подвели:
Трудом, соревнованием,
Сноровкой да старанием
Все страны превзошли.

За труд крестьянский Родина
Сторицею воздаст.
Пусть кто еще без ордена —
Так не дошел указ.

А страхи там... пожарища...
Всего не знали тут,
Но...
— Тише вы, товарищи! .
Сейчас начнут.

Все селенье было в сборе.
Секретарь райкома сам
Обещал подъехать вскоре —
Ожидали по часам.

Место каждому по чину
За столом отведено.
Михалёву в середину
Было сесть предложено.

Он, раскланявшись со всеми,
Сел в сторонке,
Не за стол.

— Начинать бы надо — времяя! —
По рядам шумок прошел.

У Алены все готово:
Избу взглядом обвела,
Просмотрела папки снова,
Все «таблицы» и «дела».

— Председатель, ваше слово! —
И Алена начала.

— Мы составили правленьем
План на пять годов вперед —
На твое теперь, народ,
Предлагаем усмотренье.

Первый пункт ее доклада —
Хлеб.

— ...Поля теснит тайга.
Площадь их расширить надо
За пять лет на тридцать га.

Мы должны заполнить хлебом
Элеваторы страны.
Манны ждать не будем с неба,
Раскорчуем новины.

Раскорчуем, унавозим...
Пункт второй — рабочий скот.
...От кого скрывать: в колхозе
Лошадей недостает...

Молоко и масло — третий.
...Широко шумит молва:
Лучше нет на целом свете
Масла вологодского.

Мы не делаем погоду,
Но и мы за пять годов
Раздоим своих коров;
Холмогорскую породу
Доведем до ста голсв.

Пункт четвертый — парк машинный...
И пошла, пошла, пошла...
Деготь — промысел старинный,
Кружева, горшки, корзины, —
Что за дом без ремесла!..
...Нынче есть гидротурбины
Специально для села.

Победителям без света,
Прямо скажем, ходу нет.
Поднажмем — так за два лета
Ток дадим —
И будет свет!

Пункт еще немаловажный —
О культуре.
Прямо стыд:
Все еще в избе не в каждой
Репродуктор говорит.

Узел есть, а мало точек, —
Виновата молодежь,
Передачи дни и ночи
Из Москвы —
И, между прочим,
Пропадают ни за грош...

Николай сидел в углу
За холодною печуркой,
Жег махорку —
И окурки
Клал к порогу под метлу.

Вряд ли он когда хоть раз
Так еще доклады слушал:
Цифры радовали душу,
Принимались, как приказ.

И усталости не стало,
Все понятно — что к чему,
В сердце словно рассветало...
Вот чего недоставало
В эти месяцы ему!

Вот за что велась война,
Вот чего желают люди!
В плане все дано сполна,
Все, к чему рвалась страна.
А записано — так будет.

В плане три десятка лет
Нашей славы и работы,
До Берлина путь побед,
Марши танков и пехоты...

Фомина, кузнец-сосед —
До чего же оба правы:
Медлить нам расчета нет,
Не дано такого права.

Сев, уборка,
Снова сев...
Нет, ты людям ставь задачи,
Чтобы больше, больше значил
Каждый будний день для всех!

— Кто желает слово взять? —
Счетовод привстал:
— Желаю! —
Кто-то охнул:
— Дед опять!
Молодым бы дал сказать!
— Чтобы я да стал молчать,
Нет, скажу, что знаю.

Да и мне не двести лет,
Отчитаю любо-мило.
План, по-моему, по силам,
По душе!
— Устанешь, дед!

— Может статься, и устану,
Но ведь ног не волочу,
Хоть и стар.
Коли по плану —
Я еще работать стану,
Умирать не захочу.

Я по плану жить привык,
Без него нельзя подняться...

Тут и Розанов сдержаться
Не сумел:
— Ты прав, стариk!

Точно так же и в бою:
Дайте только направленье,
Чтоб любое отделенье
Знало линию свою,
А уж мы не подведем.

— Хорошо, сынок!
Дойдем!

Не садится счетовод:
— Я еще сказать желаю
Про свою про власть — что знаю:
Как она ведет народ.

Верит в наши силы власть.
Ведь кругом работы — страсть,
В деревнях и в городах
Круглый год идет страда.

И какая все работа!
Сам учись,
Других учи...
Старику ж подчас охота
Повалиться на печи.

Ну, а власть возьмет и скажет:
«Ты устал,
Но видишь вот...» —
И такую даль покажет,
Что аж сердце запоет.

Уважает нас она,
Верит: сдюжим, все распашем...
Потому, что правильна,
Потому, что наша!

Тут Козлов сказал Алене:
— Надо так вести дела,
Чтобы не было в районе
Лучше нашего села.

Михалев ему заметил:
— Так должно вести дела,
Чтобы вашего села
Краше не было на свете;

Чтоб счастливей и красивей
Было с каждым днем оно —
Все для этого дано:
Что другим народам в диво,
То у нас заведено.

Сколько раньше ради нас
Гибло смелых, лучших самых.
Тюрьмы... ссылки...
Если б Маркс
Видел этот сход сейчас!
Если б Ленин побывал с нами!..

Мы Отчизну отстояли,
Новым битвам срок настал.
Так держитесь стар и мал,
Чтобы сам товарищ Сталин
Нас в лицо любого знал.

Говорили — кто о чем,
У кого что наболело.
Надо брать большое дело
По-артельному — плечом.

Кузнецу подай гвоздей,
О другом и речи нету.
— К лету ставьте также в смету
Перековку лошадей.

Комсомольцы всех подряд
Звали на соревнованье.
— Только б с вечера заданье
Доводили до бригад.

Маня Лыкова рывком
От девчат к столу шагнула
И косынкой, как флагом,
Чтобы шум утих, взмахнула.

— Хлеба будет через край.
Но сказать пора настала:
Одного богатства мало,
Книгу нам теперь подай.

Сын Козлова тоже встал,
Комсомольцев поддержал:

— О подростках книг нехватка,
Показать бы нас должны,
Не пора ль призвать к порядку
И писателей страны?!

Фомина Алена снова
Поднялась, —
Затих народ.
Заключительное слово —
Словно песня,
Как полет.

Будто стены у избы,
У колхозного правленья
Распахнулись на мгновенье,
И под небом голубым

Вот она — Россия вся,
Север, юг, восток — смотрите!
И везде советский житель,
Храбрый воин, победитель,
За работу принялся.

Сталь на всех широтах льют...
Степи с лесополосами
Поражают чудесами,
Столько хлебушка дают.

Тракторов не перечесть.
Самоходные комбайны
По полям плывут бескрайним.
Тут и наша слава есть!

Надо — реки вспять текут,
Солнце, ветер — вся природа
В услуженье у народа.
Тут и наш, сельчане, труд!

Размахнулись — не сдержать.
К нам из разных стран соседи
Поучиться жизни едут,
Правду нашу перенять.

Говорит Алена — и
Видит:
Все моложе стали,
Распрымлялись, поднимали
Выше головы свои.

А изба уже летела
Над Уралом,
Над Москвой,
И не виделось предела
Радости людской.

38

Средь многих писем из сельсовета
Одно Фомина со страхом взяла.
Обычно расклеивала конверты,
А этот
Разорвала.

Прочла, огляделась, перечитала,
К окну подошла,
Еще раз прочла.
«Живой!..»
А ведь ждать почти перестала.
«Живой!..»
Нет, до самой смерти б ждала!

Хотела звонить Михалеву: «Едет!»
Хотела сейчас же созвать соседей...
Сдержалась.
Но дверь распахнулась сама.
Какое село!
Какие дома!

А солнца, солнца сколько на светe!
Раскинуть руки и полететь!
Она бежала, как бегают дети,
Когда им радость некуда деть.

Бежала, наскоро сняв ботинки,
Босая, как в юности, налегке,
По склону зеленому, по тропинке,
По стежке-дорожке
К воде,
К реке!

В березняке столкнулась с березкой,
Стряхнула с ветвой остатки дождя.
И вот уже в поле, за перекрестком,
Дыхание еле переводя,

Свернула в сторонку, в кусты густые,
И в первую зелень, как в забытье,
Упала.
Смешались цветы полевые
С цветами на сарафане ее.

Весной все запахи — с полей,
Все ветры — на полях,
Земля теплей,
Заря светлей,
Живей вода в ручьях.

Сиянье радуг по росе —
Во всей своей красе.
Весной машины,
Люди все —
С утра на полосе.

Не до сна, когда весна, —
И Алена Фомина
До единого зерна
Проверяла семена.

Удивлялся ей народ
И в артели
И окрест:
«Где и силушку берет?
Когда спит?
Когда ест?»

А когда пришла пора
Сеять,
Так же всем на диво
Фомина сварила пиво
Не одно, не два ведра.

Из райкома Михалев
Подъезжает утром ранним.
— Что у вас за ликованье? —
Но в ответ молчат сельчане, —
Не добиться и трех слов.

Да зачем ему ответ?
Знает все,
Хоть смотрит строго.
— Сеять начали иль нет?
Я приехал дать совет:
Для начала хоть немного,

Хоть заречный уголок
Вперекрест засеять надо,
Испытать... —
Алена рада
Сделать все и сделать в срок.

Все!..
И тут же весь народ
На вечер к себе зовет:
Обо всем, мол, вечерком
Сговоримся за пивком.
(Не о свадьбе ль речь идет?)

У самой глаза горят,
Праздничен ее наряд.
Что-то женщина скрывает,
Но глаза не говорят.

«Вперекрест так вперекрест!
И за то поднимем тост...»
Дескать, пиво надо пить,
Чтобы засухе не быть.

Приглашает Михалева:
— Не обидьте! Я — как дочь... —
Приглашает и Козлова,
Николай притти непрочь.

Сбила с толку всех...
Но вот
По селу упряжка скачет.
Тут как ахнет весь народ:
— Муж Алены, не иначе!

И бывают же порой
Чудеса на свете белом!
Столько лет — и вот он, целый...
Партизанил...
Жив...
Герой!

— А Звезда идет к нему...
— Пир на все село устроим!
— Ну, теперь и мы с Героем,
Не уступим никому.

Словно ветром понесло
Ребятишек по дороге,
Вслед за ними понемногу
Потянулось все село.

Петр ступил одной ногой
В желтый слой дорожной пыли,
Не успел ступить другой,
Как его
обступили,

Оторвали от земли,
Подхватили,
Понесли.

— Петр!.. Петруша!.. Петя!.. Петя!.. —
Каждый трогает рукой. —
Уж не чаяли, что встретим,
Ну, а ты — смотри какой!

Худощавый да высокий
По рукам Фомин ходил.
Молодой, каким и был,
Хоть бородку отпустил,
Не побриты даже щеки.

— Уж такого молодца
Нет другого в целом свете.
— Петья-чорт!.. Петруша!.. Петя!.. —
И целуют без конца.

А Аленушка, Аленка,
Затаясь, стоит в сторонке,
Только улыбается,
Вся как будто светится,
Словно бы красавица
Заново невестится.

Мать, старушка Фомина,
Загодя извещена,
Так же рядом с нею жалась,
Незаметна,
Невидна.

Постояли в стороне,
Повздыхали
И взмолились:
— Дайте ж нам!
Дайте мне! —
И соседи расступились.

Мать к сынку,
К его груди,
К сердцу

Первая прильнула,
Отогрелась и шепнула:
— Ну, теперь к жене иди!

Свет ли, слезы ли из глаз
У Алены.
Сердце пело.
Муженек на первый раз
Даже и не разглядела.

А лишь начал шум стихать,
Стала улица просторней,
Дуня бросилась к Алене
И давай
Целовать...

Петр Фомин домой пришел,
Отдохнул, надел рубашку,
Пояс... Ворот нараспашку...
Вышивка...
И, как на пашне,
Молвил:
— Ах, как хорошо!

Китель свой и ордена
Положил в сундук сосновый.
Выпил первую до дна
И сказал, смеясь, Козлову:
— Видел, что творит жена!

Сеять надобно чуть свет,
А у ней в колхозе праздник,
Оттого и безобразье —
Мужней власти в доме нет!

Тот припал спиной к стене —
Подходила круговая —
И, братыню принимая,
Думал:
«Петр и на войне
Обогнал...»

А Михалев
С Фоминым рядом уселся,
Помолчал, в лицо вгляделся
И спросил:
— Ну, жив-здоров? —

Улыбнулся, локоть сжал,
Видно было: ликовал. —
Жив! — волнуясь, молвил снова.
Словно друга фронтового
Или сына повстречал. —

Надоело воевать?
— Да, не так, чтоб надоело —
Некогда!
Тоска заела,
Как весна пришла опять.
Хоть война ведь — тоже дело.

Только мы такой народ,
Не даем себе покоя:
Кончил дело — дай другое,
Из похода и в поход.

— А теперь куда?
— К своим,
Прочу к женке под начало.
— Рядовым иль генералом?
— Да взяла бы рядовым!

Как у вас? —
Фомин спросил.
— Так же, как по всей отчизне:
Коль не ишешь тихой жизни,
То на все хватает сил.

И тебе, фронтовику,
Лучшей доли не желаю.
Вот теперь смотрю, смекаю,
Дескать, нашего полку
Прибыло...

А рассвело —
Фомина людей с постели
Поднимала:
— Пить умели,
Чтобы так и дело шло!

89

Дрожки дали для Козлова:
Езди по полю, следи,
Чтоб работа шла толково,
Не стояли б лошади.

Он уселся у межи
На запущенном загоне.
Перед ним, как на ладони,
Посевные рубежи.

До пятнадцати борон
Строем по полю ходило.
У него в глазах рябило
От грачей и от ворон.

На селе волнует всех
Перекрестный, новый сев,
Новым был он лишь вчера
Даже для инспектора.

Михалев брошюрку дал,
Он всю ночь ее читал;
Сговорился с Лыковой,
Ей лишь сеять доверял:
Дело то великое.

Только сей теперь! Пора!
Воротились люди с фронта,
Вся страна в полях с утра,
И вокруг —
До горизонта,
Дальше — наши трактора.

Хорошо заране знать:
Только сей —
И будут всходы,
Никакие непогоды
Их не могут задержать.

40

Отец Алены в свой колхоз
Откуда-то плакат принес —
На нем стахановки портрет:
«Советской женщине привет!»

Старик сказал:
— Сдается мне,
Что дочка это в аккурат! —
И сам в кабинете на стене
Повесил тот плакат.

«Советской женщине привет!»
В платочек, в кофте голубой
Стояла женка средних лет,
За ней — хлебов прибой,

За ней машины, и станки,
И книги — потому,
Что это ныне ей с руки,
По силе, по уму.

Какую тяжесть подняла
Она в разгар войны,
Какой опорою была
Для всей своей страны!

И Михалев на тот плакат
(«Похожа точно!»)
Бросил взгляд,
Сказал Алене Фоминой:
— Поклон тебе земной!

Победный завершив поход,
В родной вернулись дом
Механик и животновод,
Шофер и агроном.

В колхозе начинала жизнь
Партгруппа.
В первый раз
Семь коммунистов собрались
В контору в поздний час.

Перед началом Михалев
Сказал о Фоминой:
— Ты много вынесла трудов,
Поклон тебе земной!

Больших дорог, больших побед,
Больших удач тебе!

«Советской женщине привет!» —
Висел плакат в избе.

Семь коммунистов, как один,
При этом встали в ряд.
У них медали — за Берлин,
За Прагу, Сталинград.

И каждый руку подавал
Алене Фоминой.
И Петр Фомин со всеми встал,
Подтянутый, прямой.

И Лыкова.
Она была
Оживлена, светла,
Но строже речь,
Но тверже взгляд:
Мария — кандидат.

Алена жала руки всем
И тихо начала:
— Я счастлива.

Теперь нас — семь.
Давайте ж за дела.

За нас стоят и с нами в ряд
Шагают стар и млад.
Немного б сделать я смогла,
Когда б одна была.

А всем селом да в добрый час...
Какое счастье знать,
Что может вся земля на нас
Равнение держать.

1944—1949

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиография	3
-------------------------	---

Советский человек

Первые стихи	9
Плотник	11
Учетчица на льду	15
Поля Батракова	17
Романтик	20
Письмо родителей	22
Взрыв	25
Лоцман	28
Квартирный вопрос	30
Совершеннолетие	35
На передовой	37
Поздравление сталинградцам	40
Степное море	42
Шлюз открыт	43
Товарищу Сталину	45

Защищники

Не умру	49
Призыв	51
Русские мы!	53
Красная Горка	55
Баллада о танке	57
Новички	59

Обстрел	60
Поле	61
Товарищу по окопу	63
Атака	65
Тетерева	67
Шинель	69
Ульяновск	71
Батальон	73
Триста моряков	75
Во фронтовом городе	77
Контр-адмирал	79
Моряк	81
Высота	84
В Крыму	85
После боя	87
Матросский сын	89
Малая земля	91
Осина	93
Весна по всем дорогам...	94
Далекие походы	95

Свежий хлеб

Свет в душе	99
Сама победа	101
Отпускник	104
Каждый год весна, как чудо...	106
Конюх	107
На сенокосе	111
Хозяева	113
Элеватор	115
Дубок	116
В алтайской степи	118
Песня в поле	119
Свежий хлеб	121
Осень-красавица	122
Дожинки	124
Хмель	127
Сосна	129
Гидростанция в колхозе	131
Сосновая грифа	133

Вологда	134
Северное сказание	136
Присказки	138
Слово охотника	142

Северянина

Что-то есть в тебе очень хорошее...	149
Олена	150
Зеркальце	152
Мы еще поговорим	155
Невеста	157
Авдотьушка	159
Сказочница	161
Настасья	163
Евдокия Петровна	168
Солдатской матери	174
Вся — сказка ты	175
Слова-то красивого...	177
Мета	179
Шла я нынче заимкой...	181
Вологодское новогоднее	182
Сватовство	183
Пуговка	187
На семейном празднике	189

Первые письма

Речка и тропка	197
Что нам тысячи километров...	199
Очень много солнечного света...	200
Если б ты в реку упала...	201
Скрутит тебя любовь...	202
Пожелай — и останусь навеки...	203
Все расскажи	204
Опять не пришла...	205
Весеннее	206
Прогулки	208
Все в тебе мне дорого	209
Заречная красавица	210

Зверолов	212
Я тебя не хочу встречать...	215
Да, дни твои не будничны...	216
Воспоминания	217
Ожидание	219
О дружбе	220
Первые письма	
1. Никогда не поздно встретиться...	221
2. Ни покоя тебе...	221
3. Шумит, деревья гнет гроза...	222
4. Тяжело остаться одному	223
И что из того, что уходят года...	224
Песочные часы	225
Художник	226
Мороз расписал оконные стекла...	228

П о э м ы

<i>Мать и сын</i>	233
<i>Алена Фомина</i>	283

Художник *П. Зубченко*
Портрет художника *Н. Жукова*
Редактор *З. Кондратъева*
Худож. редактор *Н. Мухин*
Технич. редактор *Г. Каунина*
Корректор *М. Рощина*

*

Сдано в набор 16/VI 1953 г.
Подписано к печати 24/IX 1953 г.
А 05476. Бумага 84×108 $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{2}$ =6,52
бум. л., 21,73 печ. л. Уч.-изд. л.
16,48+1 вкл.=16,53. Тираж 25 000.
Заказ № 1094. Цена 10 р. 35 к.

*

Отпечатано с готовых матриц
3-й тип. „Красный Пролетарий“
в 4-й тип. им. Евг. Соколовой
Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

10 p. 35 x.

1954

